

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2025. Том 1. № 1

Научный журнал

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovyemyennaya-gumanitaristika.html>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2025

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Леонтьев Алексей Петрович — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. ист. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Ахметова Лейла Сейсембековна — д-р ист. наук (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2025. Vol. 1. No. 1

Scientific journal

ISSN 3034-6827

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic

«Chuvash State Institute of Humanities»

The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. Historical sciences

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. Philology

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. Art history and cultural studies

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Leontiev Alexey Petrovich — Chuvash State Institute of Humanities,
Cand. Sc. (History), Senior Researcher

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)
Akhmetova Leila Seysembekovna — D.Sc. (History) (Almaty, Kazakhstan)
Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)
Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)
Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)
Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)
Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)
Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)
Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)
Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)
Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)
Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)
Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)
Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)
Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)
Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)
Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)
Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)
Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)
Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2025. 1 том. 1 №

Аслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентĕ министрствин
«Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет аслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать
Çулталăкра 4 хут тухать

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovyemyennaya-gumanitaristika.html>

ЖУРНАЛĂН АСЛĂЛĂХ СПЕЦИАЛЬНОÇĖСЕМ

5.6. *Истори аслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведение культуuroлоги*

5.10.3. Ынер тĕсĕсем (музыка Ынерĕ; театр Ынерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной Ынер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала аслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеçĕ

Редакци шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

Тёп редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГЎИ директорё,
филол. ёслёл. д-рё, доц.

Тёп редактор ёумё

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГЎИ директорё ёслёлёлхпа
аталану ёнёпе ёёслекен ёумё, филол. ёслёл. канд., доц.

Яваплё редактор

Леонтьев Алексей Петрович — ЧПГЎИ ёслёлёлх аслё ёётешё,
ист. ёслёл. канд.

Редакци канашё

Аврутина Аполлинария Сергеевна — филол. ёслёл. д-рё (Санкт-Петербург, Раёёей)
Ахметова Лейла Сейсембековна — ист. ёслёл. д-рё (Алматы, Казахстан)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. ёслёл. д-рё (Бишкек, Кёркасстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. ёслёл. д-рё (Мускав, Раёёей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. ёслёл. д-рё (Тирасполь, Днестрёум)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рё (Мускав, Раёёей)
Напольнова Елена Марковна — филол. ёслёл. д-рё (Мускав, Раёёей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. ёслёл. д-рё (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийё

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. ёслёл. д-рё (Йошкар-Ола, Раёёей)
Бойко Иван Иванович — ист. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. ёслёл. д-рё (Самар, Раёёей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. ёслёл. д-рё (Хусан, Раёёей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. ёслёл. д-рё (Йошкар-Ола, Раёёей)
Иванов Виталий Петрович — ист. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Иванова Алена Михайловна — филол. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. ёслёл. д-рё (Хусан, Раёёей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. ёслёл. д-рё (Владивосток, Раёёей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рё (Ижевск, Раёёей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. ёслёл. д-рё (Шупашкар, Раёёей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)
Салмин Антон Кириллович — ист. ёслёл. д-рё (Санкт-Петербург, Раёёей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. ёслёл. д-рё (Владикавказ, Раёёей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. ёслёл. д-рё (Пенза, Раёёей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рё (Хусан, Раёёей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. ёслёл. д-рё (Ёпхў, Раёёей)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	10
---------------------------------	----

Исторические науки

Андреев О. В.

ИСТОРИКИ И ВЕТЕРАНЫ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 — 1945 ГОДОВ	13
---	----

Гусаров Ю. В.

САМАРСКИЙ ФИЛИАЛ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	23
---	----

Леонтьев А. П.

О ЧУВАШСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ (ПО СЛЕДАМ ПЕРЕПИСКИ Н. В. НИКОЛЬСКОГО И А. С. ИВАНОВА).	40
---	----

Охотникова С. В.

ЧУВАШСКО-МОРДОВСКОЕ СОСЕДСТВО В ВОЛГО-СУРСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVI — XVII ВЕКАХ: РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ.	61
---	----

Чибис А. А.

К ВОПРОСУ О «ГОРНОЙ ЧЕРЕМИСЕ» В ЧУВАШИИ В XVI — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	77
--	----

Филологические науки

Зимони И.

ЯЗЫК ВОЛЖСКИХ БУЛГАР (<i>перевод с венгерского Ю. Дмитриевой</i>)	94
---	----

Студенцов О. Р.

ОТРАЖЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ПРАВОПИСАНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА	107
---	-----

Виды искусства (музыкальное искусство)

Бушуева Л. И.

К ПРОБЛЕМАМ ТИПОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	120
---	-----

Рецензии

НОВОЕ СЛОВО О СИНТАКСИСЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА	137
ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ ЧУВАШЕЙ	141
ЧУВАШИЯ В СОСТАВЕ НИЖЕГОРОДСКОГО/ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ	149

Персоналии

«ОБ ИСКУССТВЕ, О НАРОДЕ, О НАЦИИ» (к 90-летию А. А. Трофимова).	161
ОТ АССИСТЕНТА ДО ДЕКАНА (к 50-летию Алены Михайловны Ивановой)	164
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	166

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF	11
------------------------------------	----

Historical Sciences

Andreev O. V.

HISTORIANS AND VETERANS AT COLLECTIVE MEMORY FORMATION ORIGINS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941 — 1945	13
--	----

Gusarov Y. V.

SAMARA BRANCH OF THE TRANSLATION COMMISSION OF THE ORTHODOX MISSIONARY SOCIETY AND ITS ACTIVITIES	23
--	----

Leontev A. P.

THE CHUVASH COLLECTIONS IN THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM (THE CORRESPONDENCE BETWEEN N. V. NIKOLSKY AND A. S. IVANOV)	40
--	----

Okhotnikova S. V.

CHUVASH-MORDVIN NEIGHBOURHOOD IN THE VOLGA-SURA INTERFLUVE IN 16TH — 17TH CENTURIES: SETTLEMENT OF PEOPLES AND CONTACT ZONES	61
---	----

Chibis A. A.

TO THE QUESTION OF «MOUNTAIN CHEREMIS» IN CHUVASHIA IN THE 16TH — BEGINNING OF THE 18TH CENTURY	77
--	----

Philological Sciences

Zimoni I.

THE LANGUAGE OF THE VOLGA BULGARS (Translated from Hungarian by J. Dmitrieva)	94
--	----

Studentsov O. R.

THE ESTABLISHMENT AND SPREAD OF MODERN CHUVASH ORTHOGRAPHY IN THE WRITTEN MONUMENTS OF THE SECOND HALF OF 19TH — BEGINNING OF 20TH CENTURY	107
--	-----

Arts (musical arts)

Bushuyeva L. I.

THE PROBLEMS OF TYPOLOGY AND PERIODIZATION IN THE RUSSIAN MUSIC IN THE SECOND HALF OF 20TH CENTURY	120
---	-----

Reviews

A NEW LOOK AT THE SYNTAX OF THE CHUVASH LANGUAGE	137
ON ETHNOGRAPHIC GROUPS OF THE CHUVASH PEOPLE.	141
CHUVASHIA AS PART OF THE NIZHNY NOVGOROD/GORKY REGION	149

Personalities

«ABOUT ART, ABOUT THE PEOPLE, ABOUT THE NATION» (on the 90th anniversary of A. A. Trofimov)	161
--	-----

FROM ASSISTANT TO DEAN (on the 50th anniversary of Alena Mikhaylovna Ivanova).	164
---	-----

REQUIREMENTS FOR ARTICLES	166
-------------------------------------	-----

ТУПМАЛЛИ

ТЁП РЕДАКТОРТАН	12
---------------------------	----

Истори аслаялахёсем

Андреев О. В.

ТАВАН ЇЁР-ШЫВАН 1941 — 1945 ЇУЛСЕНЧИ АСЛА ЪАЇЇ ПИЇКИ ПЁРЛЕХИ АС ТАЪАМ ЪЁРКЕЛЕС ЁЇ ПУЇЛАМАШЁНЧЕ ИСТОРИКСЕМПЕ ВЕТЕРАНСЕМ ТАЅА	13
---	----

Гусаров Ю. В.

ПРАВОСЛАВИ МИССИОНЕР ОБЩЕСТВИН КУЇАРУ КОМИССИЙЁН САМАР ФИЛИАЛЕ ТАТА УЅАН ЁЇ	23
--	----

Леонтьев А. П.

РАЇЇЕЙ ЭТНОГРАФИ МУЗЕЙЁНЧИ ЧАЪАШ КОЛЛЕКЦИЙЁСЕМ ЇИНЧЕН (Н. В. НИКОЛЬСКИПЕ А. С. ИВАНОВ ЇЫРАЪЁСЕН ЪЁРЕПЕ)	40
--	----

Охотникова С. В.

ЧАЪАШСЕМПЕ МОЇДВАСЕН АТАЛПА САЇ ЮЅАН ШЫЪЁСЕН ХУШШИНЧИ XVI — XVII ЁМЁРСЕНЧИ КУЇШЁЛЕХЁ: ХАЛАХСЕМ ЪЫРЅАЇСА ТУХНИ ТАТА ХУТШАЅУ ЪЫРАЅЁСЕМ	61
--	----

Чибис А. А.

XVI — XVIII ЁМЁР ПУЇЛАМАШЁНЧИ ЧАЪАШ ЕЅРИ «ТУЇЇ ЇАРМАЇСЁСЕМ» ЪЙТУ ЇИНЧЕН	77
--	----

Филологи аслаялахёсем

Зимони И.

АТАЛЇИ ПАЛХАРЁСЕН ЧЁЛХИ (венгрларан Ю. Дмитриева куЇарЅа)	94
---	----

Студенцов О. Р.

XIX ЁМЁРЁН ИККЁМЁШ ЇУРРИНЧИ — XX ЁМЁР ПУЇЛАМАШЁНЧИ ЇЫРУ ПАЛАКЁСЕНЧЕ ХАЛХИ ЧАЪАШ ОРФОГРАФИЙЁН ЪЁРКЕЛЕНЁЪЁПЕ САРАЛАЪНЕ САЅАНИ	107
---	-----

Ѕнер тёсёсем (музыка ўнерё)

Бушueva Л. И.

РАЇЇЕЙ МУЗЫКИНЧИ XX ЁМЁРЁН ИККЁМЁШ ЇУРРИНЧИ ТИПОЛОГИПЕ ТАПХАЇЛАЪ ПРОБЛЕМИСЕМ	120
---	-----

Рецензисем

ЧАЪАШ ЧЁЛХИН СИНТАКСИСЁ ЇИНЧЕН ЇЁЅЁ САМАХ	137
ЧАЪАШ ЭТНОГРАФИ УШКАЅЁСЕМ ЇИНЧЕН	141
ЧАЪАШ ЕЅ ЧУЛХУЛА/ГОЇЬКИЙ КРАЙЁН ЪЫШЁНЧЕ	149

Персоналисем

«ЅЅЕР ЇИНЧЕН, ХАЛАХ ЇИНЧЕН, НАЦИ ЇИНЧЕН»

(А. А. Трофимов суралЅаранпа 90 сул ситЅё май)	161
--	-----

АССИСТЕНТРАН ДЕКАНА ЇИТИ

(Алена Михайловна Иванова 50 сул тултарЅа тёле)	164
---	-----

СТАЇЬАСЕЅЕ МЁЅЛЕ ЇЫРМАЛЛА	166
-------------------------------------	-----

Уважаемые читатели и авторы журнала!

Перед вами первый номер научного периодического издания «Современная гуманитаристика / Modern humanities / Хальхи гуманитаристика», учредителем которого выступает Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Журнал продолжит традиции научного рецензируемого журнала «Чувашский гуманитарный вестник», который издавался в институте с 2006 г., и будет выполнять важную миссию по координации гуманитарных исследований в области истории, археологии, этнологии и этнографии, искусствоведения, литературоведения, языкознания, фольклористики и других отраслей гуманитарных знаний.

Цели и задачи журнала: освещение актуальных для обсуждения в международном научном сообществе проблем и публикация исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для гуманитарной сферы; создание платформы для обсуждения академических научных исследований; содействие сохранению и развитию языков, культур, традиций народов России.

Сформированы составы редакционного совета и редакционной коллегии, куда вошли авторитетные ученые, специалисты и практики из России и зарубежья. С развитием издания будут привлечены к сотрудничеству и новые эксперты, что, несомненно, с положительной стороны отразится на качестве публикуемых материалов. Надеемся, что наш журнал войдет в число ведущих научных рецензируемых изданий в области гуманитарных наук.

По выпуску первого номера можно уже понять, как будет выглядеть структура журнала, его основные рубрики, а от характера поступающих в редакцию материалов будет зависеть появление в нем новых рубрик.

Журнал открыт для авторов из любого региона нашей страны и зарубежья. Ограничением может стать только тематическая направленность самого журнала. Хочу пожелать всем авторам и читателям найти в новом издании тот полезный информационный ресурс, который будет настоящим помощником в проведении дальнейших научных изысканий и доведении до широкого круга читателей научных результатов. Приглашаем научных и научно-педагогических работников, докторантов, аспирантов к публикации результатов своих научных исследований.

Для публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее авторские статьи на русском, английском и чувашском языках (для последних обязательно наличие развернутой аннотации на русском языке).

С уважением,
Ю. Н. ИСАЕВ —

директор Чувашского государственного института
гуманитарных наук, главный редактор научного журнала,
доктор филологических наук, доцент

Dear readers and authors!

This is the first issue of the scientific periodical «Sovremennaya gumanitaristika / Modern humanities / Khalkhi gumanitaristika», founded by the Chuvash State Institute of Humanities. The journal continues the traditions of the scientific peer-reviewed journal «Chuvash Humanities Vestnik» published in the Institute since 2006 and will fulfill an important mission to coordinate humanities research in the fields of history, archeology, ethnology and ethnography, art history, literature, linguistics, folkloristics and other branches of humanities knowledge.

Aims and objectives of the journal: coverage of actual problems for discussion in the international scientific community and publication of research works having theoretical and practical significance for the humanities area; creation of a platform for academic scientific research discussion; promotion of preservation and development of languages, cultures and traditions of the peoples in Russia.

The editorial board including authoritative scientists, specialists and practitioners from Russia and abroad has been formed. As the journal develops, new experts will be involved in cooperation which will undoubtedly have a positive impact on the quality of published materials. We believe that our journal will become one of the leading scientific peer-reviewed publications in the field of humanities.

The first issue reveals the structure of the journal, its main headings. The materials coming to the editorial office will determine the possibility of new headings' addition.

The journal is in open access so the articles are accepted from any region of our country and abroad. The only limitation is the thematic focus of the journal itself. I would like to wish all authors and readers to find that useful information resource which will be a real assistant in conducting further scientific research and bringing to a wide range of readers their scientific results. We invite scientific, scientific-pedagogical workers, doctoral students and postgraduate students to publish the results of their scientific research.

Original, unpublished articles in the Russian, English and Chuvash languages are accepted for publication (abstracts for the English and Chuvash languages must be in Russian).

Best Regards,
Director of the Chuvash State
Institute of Humanities,
Editor-in-Chief of the scientific journal,
Doctor of Philological Sciences, associate Professor
Yu. N. ISAEV

Хисеплĕ вулакансем, журнал авторĕсем!

Сирĕн умĕрта ĕслĕлĕх периодика кĕларĕмĕн — «Современная гуманитаристика / Modern humanities / Хальхи гуманитаристика» журналĕн пĕрремĕш номерĕ. Унĕн учредителĕ — Чăваш патшалăх гуманитарĕ ĕслĕлĕхĕсен институтĕ. Журнал «Чувашский гуманитарный вестник» рецензиленĕ ĕслĕлĕх журналĕн — институтта 2006 çултанпа тухса тĕнĕ кĕларĕмĕн — традициĕсене малалла тĕсĕ, пысăк пĕлтерĕшлĕ миссие пурнăçлĕ, ку мисси — истори, археологи, этнологипе этнографи, искусствоведени, литература тĕпчевĕ, чĕлхе тĕпчевĕ, фольклористика енĕпе, гуманитарĕ ĕслĕлĕхĕсен ытти отраслĕнчи гуманитарĕ тĕпчевĕсене координацилесси.

Журналĕн тĕллевĕсемпе задачисем: пĕтĕм тĕнче ĕслĕлĕх пĕрлĕхĕнче сўтсе явмашкĕн актуаллă шутланакан проблемăсене сўтатасси, гуманитарĕ сферишĕн теорипе практика тĕлĕшĕнчен пĕлтерĕшлĕ тĕпчев ĕçĕсене пичетлесси; академи ĕслĕлĕх тĕпчевĕсене сўтсе явмашкĕн платформа туса хурасси; Раççей халăхĕсен чĕлхисене, культурисене тата традициĕсене сыхласа хăварма тата аталантарма витĕм кўресси.

Редакци канашĕпе редакци коллегийĕн йышĕсене йĕркеленĕ, унта Раççейри тата чикĕ леш енчи ятлă-сумлă тĕпчевçĕсем, специалистсемпе практиксем кĕнĕ. Кĕларĕм аталанса пынăсемĕн пĕрле ĕçлемешкĕн çĕнĕ экспертсене те явăçтарăпăр, çакă, ку пĕртте иккĕлентермест, пичетленсе тухакан материалсен пахалăхне ўстерме пулăшĕ. Пирĕн журнал гуманитарĕ ĕслĕлĕхĕсен сферинче рецензиленекен ертўçĕ кĕларĕмсен йышне кĕрессе шанатпăр.

Журнал тытăмĕ, унĕн тĕп рубрикисем мĕнлерех пулассине пĕрремĕш номертенех аңланма пулать, редакции килекен материалсен характерĕнчен вара кĕларĕма çĕнĕ рубрикăсем кĕресси уçăмланĕ.

Журнал пирĕн çĕр-шыври тата чикĕ леш енчи кирек хăш регионти авторсемшĕн те уçă. Журналĕн хайĕн тематика çул-йĕрĕ çеç чикĕленў пулĕ. Авторсене тата вулакансене пурне те çĕнĕ кĕларĕмра информаций уçаллă ресурсне тупма ыра сунатăп, вăл ĕслĕлĕхри малашнехи шыравсенче, ĕслĕлĕх пĕтĕмлетĕвĕсене вулакансен анлă йышĕ патне ситерес ĕçре чăн-чăн пулăшуçă пуласса шанатăп. Ėслĕлĕх, ĕслĕлах-педагогика ĕçченĕсене, докторантсене, аспирантсене хайсен ĕслĕлĕх ĕçĕсене пичетлеме чĕнетĕп.

Пичете авторсен халиччен тухман, оригиналлă статийсене вырăсла, акăлчанла тата чăвашла йышăнатпăр (юлашки иккĕшĕн вырăсла анлă аннотаци пулмалла).

Хисеплесе,

Ю. Н. ИСАЕВ —

Чăваш патшалăх гуманитарĕ
ĕслĕлĕхĕсен институтĕн директорĕ,
ĕслĕлĕх журналĕн тĕп редакторĕ,
филологи ĕслĕлĕхĕсен докторĕ, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES / ИСТОРИ АСЛАЛАХЁСЕМ

УДК 930.2:94(470)"1941/1945"

ББК 63.3(2)622+63.2

Научная статья

ИСТОРИКИ И ВЕТЕРАНЫ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 — 1945 ГОДОВ

О. В. Андреев

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
olevasandr@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает начальный этап истории сохранения памяти о Великой Отечественной войне в тяжелые 1941 — 1945 гг. и противоречивые послевоенные годы. Показана роль историков и ветеранов войны, стоявших у истоков создания документальной и историографической базы увековечения подвигов советских людей на фронтах, в рядах партизан, подпольщиков, народного ополчения, народном хозяйстве страны. Особое внимание уделено вкладу в формирование коллективной памяти о войне историка И. И. Минца и Комиссии по составлению истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР, архивных и музейных работников, фронтовиков, «красных следопытов» – поисковиков 1950 — 1960-х гг., В. М. Бурмистрова — фронтовика, учителя и краеведа из Чувашии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историки, ветераны, Комиссия Минца, «красные следопыты», коллективная память, преемственность поколений

Для цитирования: Андреев О. В. Историки и ветераны стояли у истоков формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 13 — 22

© Андреев О. В., 2025

Scientific article

HISTORIANS AND VETERANS AT COLLECTIVE MEMORY FORMATION ORIGINS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941 — 1945

O. V. Andreev

I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia
olevasandr@mail.ru

Abstract. The article reveals the initial stage of history memory preservation about the Great Patriotic War during hard times of 1941 — 1945 and controversial postwar period as well. The role of historians and war veterans at the origins of documentary and historiographical basis creation for immortalizing the feats of the Soviet people on the fronts, in the ranks of partisans, underground fighters, people's militia, country's national economy have been highlighted. The contribution to collective memory formation of the war historian I. I. Mints and the Commission for the history compilation of the Great Patriotic War at the Academy of Sciences of the USSR, archival and museum workers, front-line soldiers, «red pathfinders», the searchers of the 1950s — 1960s, the front-line soldier, teacher and local historian from Chuvashia V. M. Burmistrov.

Keywords: the Great Patriotic War, historians, veterans, The commission of Mintz, «the Red pathfinders», collective memory, continuity of generations

For citation: Andreev O. V. Historians and veterans at collective memory formation origins about the Great Patriotic War of 1941 — 1945 // Modern Humanities. 2025:1(1):13 — 22

Аслăлăх статийи

ТАВАН ЇР-ШЫВАН 1941 — 1945 ЇЛСЕНЧИ АСЛА ВАРСИ ПИРКИ ПЕРЛЕХИ АС ТАВАМ ЙЕРКЕЛЕС ЁЇ ПУЇЛАМАШЕНЧЕ ИСТОРИКСЕМПЕ ВЕТЕРАНСЕМ ТАНА

О. В. Андреев

И. Н. Ульянов ячелле Чăваш патшалăх университетчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
olevasandr@mail.ru

Аннотаци. Статья Тăван ėр-шыван Аслă вăрси пирки чи йывăр 1941 — 1945 тата вăрĕ хыĕĕнхи хирĕĕллĕрех ĕлсенчи ас тăвама упраса хăварас историн пуĕламăш тап-хăрне уĕса парать. Унта историксемпе вăрĕ ветеранĕсен витемле ёĕне пайăрланă, вĕсем совет ĕыннисен фронтри, партизансен ретĕнчи тата тăшман тылĕнче вăрттан ёĕленисен йышĕнчи, халăх ополченийĕнчи, ėр-шыван халăх хуĕалăхĕнчи патăрлăхне ёмĕр-ёмĕр асра хăвармашкăн документ-историографи никĕĕ туса хурас ёĕе пуĕсарса янине палăртнă. Вăрĕ пирки перлехи ас тăвам йĕркелес ёĕе И. И. Минц историк тата СССР Аслăлăхсен академийĕ ĕумĕнчи Тăван ėр-шыван Аслă вăрсин историне пухакан комисси, архивсемпе музейсен ёĕченĕсем, фронтовиксем, 1950 — 1960 ĕлсенчи «хĕрлĕ йĕрлевĕĕсем»-шыравĕсем, В. М. Бурмистров — фронтовик, учитель тата тавра пĕлўĕ — пыĕĕк тўпе хыв-нине уйрамман палăртса хăварнă.

Тĕп сăмахсем: Тăван ėр-шыван Аслă вăрси, историксем, ветерансем, Минц комиссийĕ, «хĕрлĕ йĕрлевĕĕсем», перлехи ас тăвам, ĕрусен ĕыхăнулăхĕ

Цитатăлама: Андреев О. В. Тăван ėр-шыван 1941 — 1945 ĕлсенчи Аслă вăрси пирки перлехи ас тăвам йĕркелес ёĕ пуĕламăшĕнче историксемпе ветерансем танă // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 13 — 22

Введение

Ясное понимание в 1941 г. руководством и миллионами граждан Советского Союза характера войны как Отечественной предопределило единство власти и общества, народа и армии, массовое добровольное вступление в ряды Красной Армии с желанием дать решительный отпор врагу. В годы войны для советских граждан слова «Родина» и «Победа» стали главными, оттеснив личное на второй план.

Так было и в 1812 г. Поэтому как никогда стали близкими и понятными рассуждения Ф. Н. Глинки — героя Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода, автора книги «Письма русского офицера», опубликованной в 1815 — 1816 гг. [6]. В 1817 г. в беседе с ним В. А. Жуковский выразил восхищение тем, что книгу не достать в лавках, так как быстро разошлась. Он предложил автору при подготовке нового издания иметь в виду, что со временем многое уяснилось, то нужно дополнить и даже переписать текст. И. А. Крылов категорически возразил, что тогда духа времени не останется, а делом изысканий и дополнений пусть займутся историки. Правильная и актуальная мысль: недопустимо историю войны, подвиги и победу, добытую потом и кровью, изображать как парадное восхождение к ней.

Материалы и методы

При решении исследовательских задач использованы дневники и воспоминания участников Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., раскрывающие общность взглядов авторов на характер войны и необходимость сохранения памяти для потомков, формирования новых поколений патриотов. При анализе начального этапа увековечения памяти о Великой Отечественной войне и роли в нем историков, фронтовиков, «красных следопытов» использованы материалы о деятельности Комиссии Минца, содержащиеся в научных монографиях и статьях, в том числе историографического характера. Переход от начального этапа к новому, системному этапу сохранения памяти о подвиге советского народа в войне отражен в использованных нормативно-правовых актах 1990-х гг.

Основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности, а из научных методов — антропологический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-типологический.

Результаты исследования и их обсуждение

В годы Великой Отечественной войны книга военного писателя получила новую жизнь в серии «Библиотека офицера», вдохновляя советских воинов ратными подвигами героев Отечественной войны 1812 г. Вне сомнения, каждая строка рассуждений боевого офицера «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» достойна почетного места на скрижалях истории. На все времена актуальны слова Ф. Н. Глинки: «...долго ли существует слава дел, не запечатленных на скрижалях истории?» [6, с. 269], «Историк... исполни последнюю волю героев бывших, и тогда история твоя родит героев времен будущих» [6, с. 279].

Опыт сохранения памяти об Отечественной войне 1812 г., защитниках Родины в годы Первой мировой войны способствовал достижению в середине 1990-х гг. системности в увековечении памяти о Великой Отечественной войне, хотя этот путь был крайне противоречивым и занял многие десятилетия. Не умаляя значения постановления СНК СССР от 18 февраля 1946 г. и нормативных актов 1991 — 1993 гг., отметим, что они регламентировали аспекты, касающиеся в основном запечатления памяти погибших при защите Отечества [8; 9; 12]. Особое значение для сохранения памяти, создания нормативной основы перехода к качественно новому этапу имел Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» [11]. Пожалуй, первым нормативным актом, регламентирующим организационные, финансовые, юридические и др. аспекты создания и функционирования общественно-государственной системы по увековечению памяти о Великой Отечественной войне, стал Федеральный закон от 19 мая 1995 г. [10], в котором впервые комплексно изложены способы и формы сохранения и обеспечения преемственности в запечатлении памяти о победе советского народа в войне. В современной России коллективная память о защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны стала важным фактором сплочения власти и общества, разных по составу и решаемым задачам социальных групп.

История сохранения памяти о Великой Отечественной войне начиналась в непростой обстановке. В дни тяжелых испытаний, когда враг рвался к Москве, многие с тревогой думали о будущем, были поглощены текущими военными и иными неотложными задачами. Уже в июле 1941 г. нашлись те, кто задумал и предложил, казалось бы, столь несвоевременную идею: по свежим следам начать сбор документальных материалов, воспоминаний, вещественных источников о проис-

ходивших событиях, подвигах советских патриотов на фронтах, во вражеском и советском тылу. Инициаторами таких мер были историки, архивные и музейные работники. Примером человека, олицетворявшего уверенность в исходе борьбы с врагом, самоотверженно шедшего к намеченной цели, стал бывший комиссар стрелковой дивизии времен Гражданской войны, видный историк, член-корреспондент АН СССР Исаак Израилевич Минц, выразивший свою позицию в 1942 г. в небольшой книге «Разгром немецких империалистов и их армий неминуем».

С первых дней войны он последовательно воплощал в жизнь идею о специальном институте по изучению войны. В июле 1941 г. опубликовал статью о борьбе Красной Армии с оккупантами, обратился с письмом к партийному руководству страны с предложением по горячим следам собирать материалы и составлять летопись войны, чтобы не было стыдно перед будущими поколениями. При этом автор ссылаясь на Отечественную войну 1812 г. и отмечал, что память о ней не в полной мере запечатлена ее участниками. В том же месяце он был по этому вопросу на приеме у А. С. Щербакова [секретарь ЦК ВКП(б) и первый секретарь Московского горкома партии, позднее — начальник Главного политуправления РККА].

Усилия Минца давали результат: А. С. Щербаков в августе 1941 г. начал заниматься вопросами создания истории войны, но из-за тяжелой обстановки под Смоленском временно отложил. Минц в октябре 1941 г. из телефонного разговора с ним узнал, что Сталин дал согласие, а 25 ноября 1941 г. от начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова получил известие о создании комиссии по сбору материалов и подготовке к изданию «Летописи Отечественной войны», начиная с темы обороны Москвы. С началом успешного контрнаступления Красной Армии 10 декабря 1941 г. секретариатом Московского горкома партии был принят один из важных документов — постановление о создании Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы.

Минца вдохновляла и поддержка коллег: еще в начале октября 1941 г. руководство АН СССР поставило перед историками академического института в качестве приоритетной задачу составления летописи Отечественной войны, а в январе 1942 г. в Казани выступило с ходатайством перед правительством страны об учреждении в составе АН СССР Института истории Отечественной войны. Минцем незамедлительно была развернута работа по организации аппарата, налаживанию связи с другими научными учреждениями, привлечению опытных специалистов. Наконец, 27 августа 1942 г. на заседании Президиума АН СССР был утвержден руководящий состав Комиссии по составлению истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР (неофициальное название — Комиссия Минца): Г. Ф. Александров — председатель, И. И. Минц — заместитель председателя, а также видные ученые, партийно-государственные, военные и комсомольские деятели, представители центральных газет и издательств. Таким образом, произошло долгожданное: Комиссия окончательно организационно оформилась. Комиссия под фактическим руководством И. И. Минца действовала с 10 декабря 1941 по декабрь 1945 г. в полуофициальном статусе, так как не было специального постановления ЦК ВКП(б), которое могло значительно усилить ее полномочия и результаты работы.

Главная миссия Комиссии коротко и четко была сформулирована в мае 1942 г. в докладе Г. Ф. Александрова и И. И. Минца «Исторические документы Великой Отечественной войны (по материалам Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны)» на общем собрании Академии наук в Свердловске: почему и как

мы победили. У Минца были большие планы: подготовить многотомную историю Великой Отечественной войны на основе застенографированных воспоминаний бойцов, командиров и политработников, с фиксированием информации, не отраженной в официальных приказах, распоряжениях, боевых сводок и т. д.; на базе Комиссии создать специальный институт по изучению истории Великой Отечественной войны.

В письме к замначальника Главпура РККА от 10 августа 1942 г. И. И. Минц объяснял специфику работы так: «Мы документы не собираем, мы должны брать только те, которые в архивах не откладываются. Мы записываем живых людей... Для правильной картинки одного знакомства с документами мало. Нужно поговорить с бойцами, командирами, участниками великих событий, записать их рассказы» [13].

Хотя людей для работы не хватало и приходилось согласовывать все мероприятия по сбору документов и интервью с несколькими инстанциями, сотрудники Комиссии старались по свежим следам записывать рассказы партизан, тружеников тыла. Они в ходе многих десятков командировок на фронт брали интервью у участников обороны Москвы и Сталинграда, боев на Курской дуге, форсирования Днепра, освобождения Украины, Белоруссии, штурмов Кенигсберга и Берлина, воспоминания переживших оккупацию, участников восстановления советской власти и экономики. Эти материалы бесценны, так как многие герои интервью не дожили до дня Победы. Делалось все, чтобы сохранить память о войне такой, какой она была, и так, как это сделано в одном из первых образцов военной журналистики — в «Письмах...» Ф. Н. Глинки: «...без нарочитого пафоса и восторга, хотя и с красноречием публициста» [6, с. 378]. Материалы Комиссии — живые свидетельства о трагедии и подвиге народа, войне без прикрас, что не вписывалось в ее официальный образ. Поэтому документы Комиссии в течение десятилетий не были задействованы при подготовке книг о войне.

И. И. Минц и его коллеги на деле добились значительно большего, чем было запланировано: Комиссия по составлению истории обороны Москвы в кратчайшие сроки превратилась в общую комиссию по сбору материалов по истории всей Великой Отечественной войны [7]. Но Минцу не суждено было воплотить в жизнь главную мечту — создать специальный институт истории Великой Отечественной войны. Тревожные сигналы он заметил еще в разгар Курской битвы, когда обратился к А. С. Щербакову с письмом о помощи в издании книги об обороне Москвы, практически подготовленной. Но ответа не последовало. Исследователи истории Комиссии полагают, что партийное руководство в условиях начавшегося перелома в войне сочло неуместным писать об ошибках, потерях, тяжелой обстановке в начале войны [7].

Комиссия Минца в декабре 1945 г. была преобразована в сектор истории СССР Института истории АН СССР, а в марте 1947 г. — в сектор истории советского общества. На деле это означало прекращение ее деятельности. Вскоре И. И. Минцу пришлось покинуть институт, а в 1948 г. работа по сбору интервью вовсе прекратилась. С созданием в 1948 г. в Институте истории АН СССР отдела рукописных фондов (ныне научный архив ИРИ РАН) архивный материал Комиссии был переведен туда. Когда в 1968 г. над уникальными документами (стенограммы бесед и интервью военных лет) нависла угроза уничтожения, И. И. Минцу удалось их отстоять.

Гражданский и научный подвиг И. И. Минца и его Комиссии увековечен благодарными потомками — коллегами-историками в книге об истории деятельности этого уникального коллектива [5].

Опыт Комиссии Минца еще в годы войны распространился на государственные, военные, общественные и территориальные органы страны. Научные коллективы военно-исторического управления Генштаба, военно-исторических групп при Наркомате обороны, военных академий, специалисты Института истории АН СССР приступили к созданию военно-исторической литературы. Так, в 1942 — 1945 гг. выпущено 20 сборников и бюллетеней, содержащих обобщающие выводы о военных действиях и рекомендации на случай возможных войн. Эти труды в основном имели гриф «секретно» и для «служебного пользования». Документы Комиссии Минца в них не были задействованы.

В Чувашии история летописи Великой Отечественной войны, по мнению многих исследователей республики, берет свое начало с 1942 г. [4]. Первые публикации (брошюры, очерки, статьи) еще не носили характера научных исследований. Нацеленные на мобилизацию усилий в борьбе с врагом, они в то же время знакомили население с подвигами земляков на полях сражений в самом начале войны. Так, вышли книги о подвигах земляков: «Атакъара» (1941) и «Пулеметчик Иван Смирнов» (1942) К. С. Сергеева, «В боях за родину: знатные земляки — герои Отечественной войны» (1942), «В гостях у бойцов Красной Армии: делегация Чувашии на Западном фронте» С. С. Макарова (1942), «Сыны чувашского народа в Отечественной войне: рассказы и очерки» под редакцией М. А. Андреева (1943) и др.

Для сохранения памяти о подвигах соотечественников много сделано в годы войны и после нее историками — сотрудниками архивов и музеев. Так, в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации» (ЦАМО РФ) с 1941 г. собрано 10 951 948 архивных дел, относящихся к документальной памяти о подвиге советского народа и вооруженных сил в Великой Отечественной войне [1, с. 13]. Сотрудники архива, находясь в эвакуации в г. Бузулук Оренбургской области (до 1946 г.) и обеспечивая сохранность вывезенного архива, продолжили прием документов от действующей армии и выезжали на фронты для сбора новых материалов.

Всемерно помогал фронту и коллектив Госархива Чувашской АССР под руководством И. И. Музыкантова: на должном уровне выполнялись профессиональные обязанности; обеспечивалось сохранение памяти о войне (в 1944 г. издана книга «Чувашский народ в помощь фронту»); перечислял денежные средства в Фонд обороны; оформлял военные займы; собирал подарки для раненых и т. д. В послевоенные годы сотрудниками архива выполнена громадная работа: отделы архива преобразованы по фондовым группам в отделы по производственно-функциональному признаку.

Коллектив Единого партийного архива (ныне ГАСИ ЧР) помимо профессиональных обязанностей участвовал во многих мероприятиях в помощь фронту. В годы войны фонды пополнили более 16 тыс. дел [1, с. 28].

Работа сотрудников Центрального музея Красной Армии (ЦМКА, в настоящее время — Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации) не прекращалась и в эвакуации в Казани. Музей активно участвовал в мобилизации военнотружущих и населения на борьбу с захватчиками, а также в военно-патриотическом воспитании: использовал музейные коллекции в создании специальных экспозиций, передвижных и стационарных выставок; начиная с осени 1941 г. сотрудники музея выезжали на фронты для сбора реликвийных материалов (только с ноября 1943 по апрель 1945 г. проведено 20 экспедиций), а также трофеев (в 1941 — 1945 гг. получено около 99 тыс. документальных и вещественных памятников); обеспечивал сохранность исторических и художественных ценностей [1, с. 40].

Среди тех, кто по совести и из чувства товарищества взялся за дело сохранения памяти о соратниках, были фронтовики. Многие после войны искали своих однополчан. В списке без вести пропавших в 1941 — 1945 гг. числились по разным данным от 4,5 млн до 5 млн советских воинов [1, с. 157]. Ветераны, родные и близкие погибших, общественность Советского Союза выражали озабоченность состоянием дел по сохранению памяти о павших воинах, партизанах и подпольщиках, содержанию могил и памятников. В Указе Президента СССР от 8 февраля 1991 г. отмечалось: «Немало останков воинов до настоящего времени не захоронено. Поиски без вести пропавших ведутся, как правило, энтузиастами-одиночками или немногочисленными отрядами молодежи, работа которых зачастую не находит должной поддержки, слабо координируется в центре и на местах. Явно недостаточны меры по получению полных сведений о советских гражданах, захороненных на территориях иностранных государств» [1, с. 243].

Ветераны Великой Отечественной войны, как и Комиссия Минца, вели сбор сведений о боевых действиях, соратниках, погибших и без вести пропавших. Публикация книги фронтовика, писателя-документалиста С. С. Смирнова «Брестская крепость» (1957) способствовала восстановлению правды и справедливости о подвигах и судьбах защитников Брестской крепости, награждению героев и самой крепости (1965), созданию мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» (открыт 25 сентября 1971 г.). Пример С. С. Смирнова вдохновлял ветеранов и неравнодушных.

На встрече ветерана педагогического труда Николая Воронцова из д. Новые Шальтымы Канашиского района Чувашии с участниками обороны Брестской крепости Алексеем Данилиным и Василием Смирновым выяснилось, что еще осенью 1939 г. в район Бреста прибыло около 800 призывников из Чувашии. Многие из них погибли в первых же боях в районе и самой Брестской крепости. Фамилии более шестидесяти воинов-земляков установлены «красными следопытами». С этого в 1950-е гг. началось поисковое движение в стране и Чувашии. Один из таких отрядов возглавлял учитель-фронтовик Владимир Михайлович Бурмистров (1924 — 2010), соавтор книги о подвиге уроженцев Чувашии в ходе обороны Брестской крепости [1, с. 292 — 293].

Видевшие и знавшие Владимира Михайловича поражались тому, как в нем, человеке внешне неприметном, столько сил и энергии, энтузиазма и патриотизма! Прошел боевой путь в составе прославленной 62-й (8-й гвардейской армии) легендарного военачальника В. И. Чуйкова, был тяжело ранен при форсировании Сиваша, но отказался комиссоваться и демобилизовался только в марте 1947 г. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За взятие Кенигсберга» и др. Вернувшись в Чувашию в 1953 г., стал учителем, краеведом и создателем истории памяти о подвигах уроженцев Чувашии. Собирал материалы о событиях Великой Отечественной войны, был одним из основателей движения «красных следопытов» в Чувашии. Создавал школьный клуб следопытов «Чайка», музеи в Урмарской средней школе, школе-интернате № 2, школе № 36, профтехучилище № 8 г. Чебоксары. С «красными следопытами» посетил Брест, Москву, Ленинград, Казань, Ульяновск, Новгород. За активную работу по патриотическому воспитанию детей удостоен званий заслуженного учителя школы ЧАССР и почетного краеведа.

В. М. Бурмистров — автор серии статей и книг: «По следам героев-земляков» (1967), «В Бресте, в 1941-м...: Об участии уроженцев Чувашии в обороне Брест-

ской крепости» (1984, соавтор И. М. Матросов), «Наши земляки — подпольщики и партизаны», «Урмарцы — партизаны и подпольщики Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.» (2003), «Наши земляки в борьбе с фашизмом» (2005), «Живите и помните» (2007), соавтор сборника «Они боролись за счастье народное» (в 4 кн.), «Их имена останутся в истории» (в 2 кн.) и Чувашского энциклопедического словаря [1, с. 292 — 293].

К увековечению памяти об уроженце д. Новая Деревня Цивильского района Чувашии, Герое Советского Союза, танкисте, старшем лейтенанте Силантьеве Михаиле Васильевиче (18.11.1918 — 25.07.1943) прямое отношение имели «красные следопыты» и фронтовик-танкист, уроженец д. Тимирзькасы Аликовского района Чувашии Сергей Андреевич Андреев [2, с. 75].

М. В. Силантьев и его танковая рота в составе Брянского фронта отличились в боях по уничтожению орловской группировки противника. Рота, прорвав сильно укрепленную вражескую оборону у пос. Доброводы (Верховский район Орловской области), ворвалась в глубь вражеской обороны и с боями прошла 90 км. В бою за железнодорожную станцию Золотарево (Залегощенский район) 23 июля 1943 г. рота уничтожила батарею противотанковых орудий, броневик, обоз противника в 12 подвод и свыше 100 гитлеровцев. В бою под г. Орел герой был смертельно ранен и похоронен в братской могиле с. Среднее Верховского района Орловской области. М. В. Силантьеву указом от 15 января 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Именем М. В. Силантьева названы улицы в Цивильске и д. Новая Деревня, а также школа-интернат в Цивильске, открыт памятник в с. Золотарево Залегощенского района Орловской области [2, с. 76].

После войны благодарные жители с. Золотарево начали сбор сведений о своих освободителях, а «красные следопыты» Золотаревской средней школы — оформлять уголок боевой славы. Узнав о том, что Герой родом из Чувашии, начали переписку с его земляком С. А. Андреевым, который после тяжелого ранения в Харьковской операции с конца мая 1942 и до июля 1943 г. находился в плену в Золотарево. Получив необходимые сведения от танкиста-ветерана, в 1966 г. следопыты отправили письмо со словами благодарности: «Уважаемый Сергей Андреевич! Мы очень благодарны за сведения, сообщенные нам о Силантьеве М. В. Нам о нем не было ничего известно. Этот материал составляет большую ценность для нашего уголка боевой славы. Если Вы знаете, где похоронен Михаил Васильевич, то сообщите, пожалуйста, нам. Желаем Вам всего хорошего. Наш адрес: Орловская область, ст. Золотарево, Золотаревская средняя школа. Красным следопытам 8 “А” класса» [2, с. 76, 214 — 215].

Таким образом, работа по сохранению памяти о подвиге советского народа и армии в Великой Отечественной войне, начатая историком И. И. Минцем и его товарищами по Комиссии, фронтовиками, «красными следопытами», стала основой для формирования системного подхода к увековечению памяти о войне и творцах Великой Победы. Историки собирали документальные свидетельства, вели научные исследования и популяризацию подвигов на фронте и в тылу, формировали историографическую традицию, ответственное отношение у подрастающего поколения к сохранению памяти о поколении победителей, любовь и преданность Родине. Примером и наставниками юношей и девушек в этом деле стали ветераны войны.

Поскольку история Второй мировой и Великой Отечественной войн вновь стала ареной борьбы за молодежь и будущее России, то теме увековечения подвига советского народа в войне суждено остаться приоритетным научно-исследо-

вательским направлением. По-прежнему актуальна работа по выявлению новых фактов и имен, примеров героизма и самоотверженности, разработка слабоизученных вопросов, что обогатит новыми знаниями историю всенародного подвига и его увековечения — уникального опыта сохранения памяти о героическом прошлом. Широкая общественность должна знать всех творцов Великой Победы и тех, кто сохранил память о них.

Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. стала символом гордости тех, кто родился и вырос в Советском Союзе. Сохранение памяти о решающей роли советского народа в спасении человечества от «коричневой чумы» — основа преемственности поколений и источник патриотизма в семьях россиян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев О. В. Увековечение памяти о Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 320 с.
2. Андреев О. В. Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. в воспоминаниях танкиста. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. 230 с.
3. Андреев О. В., Широкова М. А. Формирование и развитие нормативно-правовых основ сохранения памяти о Великой Отечественной войне в 1941 — 2019 гг. // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 23 — 34.
4. Бойко И. И. Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.: исследования историков Чувашии // ВикиЧтение: [сайт]. 2012. URL: <https://document.wikireading.ru/76268?ysclid=m8w38wxqvg401757681> (дата обращения: 19.03.2025).
5. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941 — 1945 гг.: коллективная монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
6. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987. 383 с.
7. Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941 — 1945 гг. [сайт]. URL: <https://komiswow.ru/?ysclid=m90aznkyjh510337850> (дата обращения: 19.03.2025).
8. Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1991 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901607367?ysclid=m90uvuxnh648225029> (дата обращения: 03.04.2025).
9. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-14011993-n-4292-1-ob/?ysclid=m90tx0eobr309415013> (дата обращения: 03.04.2025).
10. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80 ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-19051995-n-80-fz-ob/?ysclid=m90u7fu3u5435152449> (дата обращения: 03.04.2025).
11. О днях воинской славы и памятных датах России: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-13031995-n-32-fz-o/?ysclid=m90udfr8xv19559134> (дата обращения: 07.03.2025).
12. О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. № VII-1440 // ГАРАНТ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/6336378/?ysclid=m90ugs99e8717509753> (дата обращения: 30.03.2025).
13. Правда «Комиссии Минца» // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы: [интернет-газета]. 07.12.2023. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pravda_komissii_minca_933.htm?ysclid=m1lw0uzn8g368420878 (дата обращения: 30.03.2025).

REFERENCES

1. Andreev O. V. Memorialization of the Great Patriotic War in 1941 — 1945. Cheboksary;2021:320. (In Russ.)
2. Andreev O. V. The Great Patriotic War of 1941 — 1945 in the memories of a tank driver. Cheboksary;2022:230. (In Russ.)
3. Andreev O. V., Shirokova M. A. Formation and development of normative-legal bases for memory preservation of the Great Patriotic War in 1941 — 2019 // Vestnik of Chuvash University. 2019(4):23 — 34. (In Russ.)

4. Boyko I. I. The Great Patriotic War in 1941 — 1945: the studies of historians of Chuvashia // WikiReading: [website]. 2012. URL: <https://document.wikireading.ru/76268?ysclid=m8w38wxqvg401757681> (reference date: 19.03.2025). (In Russ.)

5. The contribution of historians to historical memory preservation of the Great Patriotic War. The materials of the Commission about the Great Patriotic War History of the USSR Academy of Sciences, 1941 — 1945: collective monograph. Moscow; St. Petersburg; 2015:383. (In Russ.)

6. Glinka F. N. The letters of a Russian officer. M.; 1987:383. (In Russ.)

7. The Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences 1941 — 1945: [website]. URL: <https://komiswow.ru/?ysclid=m90aznkyjh510337850> (reference date: 19.03.2025). (In Russ.)

8. The immortalizing the memory of died while fulfilling the constitutional duty to defend the Fatherland: The Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of March 15, 1991 // Electronic fund of legal and normative-technical documents: [website]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901607367?ysclid=m90uvuxnh648225029> (reference date: 03.04.2025). (In Russ.)

9. The memory immortalization of the victims at defense of the Fatherland: the Law of the Russian Federation from January 14, 1993 № 4292-1. // ConsultantPlus: [website]. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-14011993-n-4292-1-ob/?ysclid=m90tx0eobr309415013> (reference date: 03.04.2025). (In Russ.)

10. The immortalization of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: Federal law from May 19, 1995 № 80 FZ // ConsultantPlus: [website]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-19051995-n-80-fz-ob/?ysclid=m90u7fu3u5435152449> (reference date: 03.04.2025). (In Russ.)

11. The days of military glory and memorable dates of Russia: the Federal law from March 13, 1995 № 32-FZ // ConsultantPlus: [website]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-13031995-n-32-fz-o/?ysclid=m90udfr8xv19559134> (reference date: 07.03.2025). (In Russ.)

12. Additional measures to perpetuate the memory of the Soviet citizens died defending the homeland in the pre-war years and during the Great Patriotic War as well as those performed international duty: the Decree of the President of the USSR of February 8, 1991 № VII-1440 // GARANT: [website]. URL: <https://base.garant.ru/6336378/?ysclid=m90ugs99e8717509753> (reference date: 30.03.2025). (In Russ.)

13. The truth of “the Commission of Mints” // Century. The informational and analytical edition of the Historical Perspective Fund: [online newspaper]. 07.12.2023. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pravda_komissii_minca_933.htm?ysclid=m1lw0uzn8g368420878 (reference date: 30.03.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 11.03.2025
Информация об авторе:

Андреев Олег Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (428034, Чебоксары, ул. Университетская, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3057-2525>, olevasandr@mail.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 10.03.2025;
approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 11.03.2025

Information about the author:

Oleg V. Andreev, candidate of Historical sciences, Associate Professor, A. V. Arsentieva Department of Russian History, I. N. Ulyanov Chuvash State University. (38, Universitetskaya St., Cheboksary, 428034), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3057-2525>, olevasandr@mail.ru

The author declares there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 10.03.2025 җитнӗ;
рецензилӗнӗ хыҗҗӑн 11.03.2025 ырланӑ; 11.03.2025 пичете йышӑнӑ
Автор җинчен:

Андреев Олег Васильевич, истори ӗслӗлӗхӗсен кандидачӗ, Чӑваш патшалӑх университетӗн А. В. Арсентьева ячӗллӗ тӑван җӗр-шыв историйӗн кафедрин доцентӗ (428034, Шупашкар, Университет ур., 38), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3057-2525>, olevasandr@mail.ru

*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җыраваҗн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 94(470.43):271.2
ББК 63.3(235.4)53+86.372.24

Научная статья

САМАРСКИЙ ФИЛИАЛ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю. В. Гусаров

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
gsr63@yandex.ru

Аннотация. Переводческая подкомиссия (филиал) Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (ПК ПМО) при Самарском епархиальном комитете того же общества была создана в 1900 г., прекратила деятельность в 1917 г. Состояла из представителей инородческого духовенства под председательством чувашского просветителя Д. Ф. Филимонова. Специализировалась на переводе и составлении небольших книг религиозно-нравственного содержания на чувашском, удмуртском и татарском языках, а также готовила и редактировала переводы светских и учебных книг. Переводы рецензировались в ПК ПМО, издавались в Казани и Симбирске на средства епархиального комитета, головной комиссии, Самарского губернского земства, частных лиц и др. Книги распространялись через книжные склады епархиального комитета и головной комиссии, преимущественно раздавались бесплатно. По неполным данным, было издано 117 книг общим тиражом более 207 тыс. экз., более $\frac{3}{4}$ из которых — чувашские. Деятельность филиала осуществлялась в тесной связи и под патронажем головной комиссии. С созданием филиала кадровый и финансовый потенциал ПК ПМО возрос. Самарские издания занимали прочные позиции на книжном рынке. Самарский подкомитет ПК ПМО внес вклад в развитие переводческого и издательского дела на чувашском, татарском и удмуртском языках.

Ключевые слова: система Ильминского, Переводческая комиссия Православного миссионерского общества, Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, инородческий вопрос, переводная книга

Для цитирования: Гусаров Ю. В. Самарский филиал Переводческой комиссии Православного миссионерского общества и его деятельность // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 23 — 39

© Гусаров Ю. В., 2025

Scientific article

SAMARA BRANCH OF THE TRANSLATION COMMISSION OF THE ORTHODOX MISSIONARY SOCIETY AND ITS ACTIVITIES

Yu. V. Gusarov

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
gsr63@yandex.ru

Abstract. The Translation branch of the Translation Commission for the Orthodox Missionary Society at the Samara Diocesan Committee of the same society was established in 1900 and ceased its activity in 1917. It consisted of representatives of foreign clergy under the chairmanship of the Chuvash enlightener D. F. Filimonov. It specialized in translating and compiling small books of religious and moral content in the Chuvash, Udmurt and Tatar

languages as well as preparing and editing translations of secular and educational books. The translations were reviewed by the Translation Commission for the Orthodox Missionary Society and published in Kazan and Simbirsk funded by the diocesan committee, the head commission, the Samara provincial zemstvo, private individuals and others. The books were distributed through the diocesan committee bookstores, the head commission, mostly free of charge. According to incomplete data, 117 books were published with a total circulation of more than 207 thousand copies, more than $\frac{3}{4}$ of which were Chuvash. The activities of the branch were closely carried out under the patronage of the head commission. The personnel and financial potential of the Translation Commission for the Orthodox Missionary Society was increased with the establishment of the branch.

Samara editions took strong positions in the book market. The Samara Translation branch of the Translation Commission for the Orthodox Missionary Society contributed to the development of translation and publishing in the Chuvash, Tatar and Udmurt languages.

Keywords: the system by Ilminsky, the Translation commission of the Orthodox missionary society, the Samara diocesan committee for the Orthodox missionary society, the foreign question, the translated book

For citation: Gusarov Yu. V. Samara branch of the Translation Commission of the Orthodox Missionary Society and its activities // Modern humanities. 2025;1(1):23 — 39

Аслăлăх статийи

ПРАВОСЛАВИ МИССИОНЕР ОБЩЕСТВИН КУСАРУ КОМИССИЙЕН САМАР ФИЛИАЛЭ ТАТА УНАН ЁСЭ

Ю. В. Гусаров

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар, Раççей
gsr63@yandex.ru

Аннотаци. Православи миссионер обществин Кусару комиссийĕн (ПМО КК) кусару сума комиссийĕ сак обществăн Самар епархи комитетĕ сума 1900 сulta йĕркеленнĕ, 1917 сulta ёсleme пархнă. Вăл вырăс мар халăхсен тĕн сыннисен представителĕсенчен тăнă, ана чăваш сута кăларушĕ Д. Ф. Филимонов ертсе пынă. Сум комисси чăвашла, удмуртла тата тутарла тĕн-етеплĕх пĕлтерĕшлĕ пысăках мар кĕнекесем кусарассипе тата сырассипе специализациленнĕ, çавăн пекех тĕнпе сыхăнман литературапа вĕрену кĕнекисен кусарăвĕсене хатĕрленĕ тата редакциленĕ. Кусарусене ПМО КК рецензиленĕ, епархи комитетĕн, тĕп комиссин, Самар кĕпĕрне земствин, уйрам сынсен тата ыт. укçипе Хусанта тата Чĕмпĕрте пичетленĕ. Кĕнекесене епархи комитетĕн тата тĕп комиссин кĕнеке склaçĕсем урлă салатнă, ытларах чухне тўлевсĕрех панă. Тулли мар информаци тăрах, 117 кĕнеке кăларнă, вĕсен пĕтĕмĕшле тиражĕ 207 пин экз. ытла, çав шутран $\frac{3}{4}$ пайĕ — чăвашла. Филиал хайĕн ёсĕсене тĕп комиссипе тачă сыхăнса тата вăл ертсе пынипе пурнăçланă. Филиал усан ПМО КК кадрсемпе финанс потенциалĕ палăрмаллах ўснĕ. Самар кăларăмĕсем кĕнеке рынокĕнче сирĕп вырăн йышăннă. ПМО КК Самар сума комитетĕ чăвашла, тутарла тата удмуртла кусарупа издательство ёсĕн аталанăвне пайта хывнă.

Тĕп сăмахсем: Ильминский системи, Православи миссионер обществин кусару комиссийĕ, Православи миссионер обществин Самар епархи комитетĕ, вырăс мар халăхсен ыйтăвĕ, кусару кĕнеки

Цитатăлама: Гусаров Ю. В. Православи миссионер обществин кусару комиссийĕн Самар филиалĕ тата унан ёсĕ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 23 — 39

Введение

Переводческая комиссия Православного миссионерского общества (ПК ПМО), предшественницей которой была Переводческая комиссия казанского Братства св. Гурия, являлась крупным переводческим центром на языки восточных народов России. В начале XX в. она располагала широкой сетью филиалов (астраханский, вятский, пермский, омский, оренбургский, самарский, симбирский, саратовский, тобольский, томский, уфимский¹). Настоящая статья посвящена обзору деятельности одного из них — самарской подкомиссии ПК ПМО при Самарском епархиальном комитете того же общества, ранее не становившейся объектом изучения.

Материалы и методы

Источниками для исследования послужили научные труды по теме, справочная литература, а также разноплановые литературные источники и архивные документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Основная масса архивных источников извлечена из личного фонда и личной коллекции документов бессменного руководителя филиала Д. Ф. Филимонова, хранящихся в ГИА ЧР и НА ЧГИГН соответственно. При написании статьи были комплексно применены хронологический, фактологический и нарративный методы. Использование хронологического метода и фактологического анализа позволило заполнить лакуны в истории самарского подкомитета ПК ПМО, проследить основные ее этапы, охарактеризовать деятельность по подготовке переводов, дополнить список самарских изданий, составленный Д. Ф. Филимоновым. Применение нарративного метода дало возможность осветить разносторонний вклад Д. Ф. Филимонова в развитие филиала.

Результаты исследования и их обсуждение

Ценным источником по истории самарского филиала ПК ПМО является труд Д. Ф. Филимонова, описывающий первые десять лет его деятельности². Автор, руководивший филиалом с момента создания, писал очерк по памяти и документам переводческой подкомиссии, которыми располагал. Работу над ним он начал в 1909 г., когда готовил доклад о развитии переводческого и издательского дела на иностранных языках в Самарской епархии для Казанского миссионерского съезда 1910 г.³, завершил в 1915 г. Сто лет спустя историк Г. А. Александров опубликовал биографическую статью о Филимонове, в которой осветил период его жизни, связанный с самарским филиалом ПК ПМО [1]. В 2010-е гг. отдельные вопросы истории филиала получили освещение в нашей работе о чувашской переводной книге конца XIX — начала XX в. [3], публикациях Г. В. Матвеевой о миссионерских книгах на чувашском языке [5] и М. В. Курмаева об издательской деятельности Самарского епархиального комитета ПМО [4].

Самарская губерния была многонациональным регионом. В конце XIX в. в ней проживало 2,93 млн чел., большинство из которых составляли русские и украинцы (69,3 %). Поволжские народы были представлены чувашами — 92 689 чел., морд-

¹ Переводческая комиссия в г. Казани и ее отделения в епархиях Волжско-Камского района // Сотрудник Братства свят. Гурия. 1910. 2 октября. С. 763; Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

² Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности Переводческой комиссии при Самарском епархиальном комитете Православного миссионерского общества за первые 10 лет ее существования (1900 — 1910 гг.) Бугульма: Тип. В. Ф. Викторова, 1915. 47 с.

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 166. С. 263.

вой — 56 011, крещеными татарами — 20 114 чел. и татарами-магометанами — ок. 300 тыс. чел.⁴, удмуртами — 2951 (данные 1911 г.) [6, с. 326, 330, 344, 365].

В конце XIX в., когда система Н. И. Ильминского начала приносить свои плоды, начала ощущаться нужда в учебной и миссионерской переводной литературе. Идя ей навстречу, самарские священники стали обращаться в епархиальный комитет ПМО с просьбами о высылке изданий Казанской переводческой комиссии для школ и раздачи населению или выписывали их самостоятельно. Некоторые открывали книжные склады или обращались к переводческому делу. Так, в 1896 г. чувашский священник с. Стюхино А. С. Михайлов перевел поучение самарского епископа Гурия (Буртасовский) и в следующем году издал его в Симбирске. В 1898 — 1899 гг. в Казани на средства ПМО были напечатаны миссионерские переводы чувашских священников А. С. Иванова, М. Синдячкина и Г. Григорьева и удмуртского — В. Фокина⁵.

Новую главу в историю переводческо-издательского дела в Самарской губернии вписала деятельность местного филиала ПК ПМО. Его история неразрывно связана с именем чувашского просветителя, священника Д. Ф. Филимонова, в 1899 г. переехавшего на жительство из Казанской губернии в Самарскую. Филимонов был опытным переводчиком, в 1872 — 1875 гг., еще в бытность учащимся Казанской инородческой учительской семинарии, занимался переводами под руководством И. Я. Яковлева. В 1882 — 1900 гг. как сотрудник ПК ПМО при Братстве св. Гурия прошел переводческую школу Н. И. Ильминского⁶.

21 — 25 мая 1900 г. по приглашению Переводческой комиссии ПМО при Братстве св. Гурия Д. Ф. Филимонов находился в Казани для проверки чувашских переводов⁷. Там у него состоялась беседа с ее членом-делопроизводителем Н. А. Бобровниковым. Посетовав на нехватку религиозно-нравственных книг на чувашском языке, Бобровников высказался за частичный перенос их издания в Самарскую епархию, предложив собеседнику возглавить это дело. Последний ответил согласием при условии получения благословения от самарского владыки. Перед отъездом домой Филимонову по распоряжению Бобровникова было выдано 11 рукописей чувашских переводов (6 житий, 5 воскресных поучений) для издания в Самаре. 7 июня 1900 г. Филимонов подал рапорт самарскому епископу Гурию, изложив содержание разговора с Бобровниковым. От себя добавил, что переводы предполагается печатать в одной из типографий Самары по примеру Симбирска, где издавались подготовленные там чувашские издания ПК ПМО. По расчетам Филимонова, при такой организации работы можно было издавать 5 — 10 книг в год⁸.

22 июня того же года Н. А. Бобровников обратился к епископу Гурию с письмом, в котором писал, что потребности в переводной книге растут, а «средства и работники остаются те же». Сообщив, что Переводческая комиссия не справляется с переводами на иные языки, кроме чувашского, попросил содействия в организации ее филиала во главе с Филимоновым. Далее писал, что чувашские рукописи он будет высылать Филимонову или в епархиальный комитет, а духов-

⁴ Отчет Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 год // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Приложение. С. 2.

⁵ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 5 — 7.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 319 об. — 320.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 68 — 68 об.

⁸ Там же. Л. 229 об., 230 об. — 231.

ная цензура рукописей останется за ПК ПМО при Братстве св. Гурия. Пообещал, что из ее средств будет выделяться определенная сумма на издание книг, как это делается для инспектора инородческих школ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринского. Архиепископ Гурий распорядился опросить группу чувашских священников о согласии участвовать в переводческой деятельности, поставив условием работать без вознаграждения, «из любви к святому делу»⁹.

9 августа 1900 г. Самарский епархиальный комитет ПМО рассмотрел письмо Бобровникова, ответы священников и постановил образовать в своем ведении переводческую подкомиссию в составе: Д. Ф. Филимонов (председатель, с. Пролейка), А. С. Иванов (с. Нижняя Ивановка), А. С. Михайлов (с. Стюхино), Л. Трофимов (с. Большой Сурмет), Г. Григорьев (с. Сарай-Гирь Васильевка), С. Васильев (с. Ибрайкино), А. И. Иванов (с. Андреевка), П. Михайлов (с. Калмыцкая Сахча), поручив первому составить проект правил по переводческому и издательскому делу, а также обратиться в типографию, арендуемую консисторией¹⁰, для решения вопросов по изданию книг. Так было положено начало истории филиала¹¹.

2 октября 1900 г. епархиальный комитет одобрил с небольшими изменениями проект положения о подкомиссии и представил его в Казанскую переводческую комиссию. В проекте говорилось, что подкомиссия состоит из чувашских священников, в совершенстве владеющих родным и русским языками, показавших способность к переводческому делу или имеющих опыт в нем. Задачами подкомиссии определялись: перевод миссионерской литературы, составление поучительных слов и бесед, рассмотрение переводов посторонних авторов и содействие распространению своих изданий. Переводчики должны были излагать христианские истины «совершенно правильно, простым и понятным языком чуваш без всяких научных мудрствований и уклонений от живого языка». Председатель и члены подкомиссии назначались епархиальным комитетом ПМО и утверждались архиереем. Их труд не оплачивался, авторство в книгах не указывалось. Переводы издавались на средства епархиального комитета, Казанской переводческой комиссии и частных благотворителей¹².

В начале 1900-х гг. ПК ПМО переживала сложный период из-за попыток руководства Братства св. Гурия поставить ее под свой контроль, ограничив деятельность границами Казанской епархии. Филимонову было приватно сообщено, что утверждение правил о филиале затянется надолго и неизвестно, чем и когда закончится¹³. В 1901 г. из-за приостановки работы Казанской переводческой комиссии разрешение на издание самарских переводов ему пришлось получать в цензурном комитете при Казанской духовной академии [2, с. 19].

В 1903 г. Николай II утвердил правила о ПК ПМО. Отныне она не подчинялась Братству св. Гурия, перешла в ведение ПМО. Это значительно увеличило возможности комиссии, что привело к активизации переводческого и издательского дела на языках народов Востока России. В 1905 г. Филимонов вновь поднял вопрос об утверждении положения о филиале, но оказалось, что в 1903 г. оно сгорело при пожаре с другими делами ПК ПМО¹⁴. Больше об этом не вспоминали.

⁹ Там же. Л. 73а, 229.

¹⁰ Там же. Л. 97 — 97 об.

¹¹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 3.

¹² Там же. С. 9 — 12.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

¹⁴ Там же. Л. 141.

Несмотря на неопределенный юридический статус подкомиссии, самарский епископ Гурий распорядился, чтобы она приступила к работе. 4 октября 1900 г., в день памяти казанских просветителей Гурия и Варсонофия, в Самаре был созван ее первый съезд. Делегаты ознакомились с проектом положения о подкомиссии, утвердили список житий святых для перевода в первую очередь и распределили их между собой. Филимонов ознакомил коллег с техникой корректорской работы с рукописями по почте¹⁵. В следующем году было издано шесть житий святых, переведенных Филимоновым, общим тиражом 12 тыс. экз.¹⁶, а к сентябрю 1903 г. — 22 книги суммарным тиражом около 30 тыс. экз.¹⁷

Вопросы развития переводческого и издательского дела и распространения книг рассматривались на съездах подкомиссии, созывавшихся с разной периодичностью: 4 февраля 1903 г., 22 сентября 1905 г., 28 — 29 июля 1909 г., 11 — 12 мая 1911 г. (съезд, назначенный на 26 августа 1914 г., не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны [1, с. 72]). Рассматривались они и на съезде инородческих священников епархии, состоявшемся 20 — 23 июня 1906 г.

В 1905 г. Филимонов был делегатом съезда ПК ПМО¹⁸, обсудившего актуальные вопросы переводческого дела. В свою очередь, делопроизводитель (секретарь) ПК ПМО Н. В. Никольский участвовал в работе самарских съездов 1906 и 1911 гг. (на первый были приглашены председатель ПК ПМО М. А. Машанов и инспектор Симбирской чувашской учительской школы И. Я. Яковлев, но приехать не смогли)¹⁹. В 1906 г. Филимонов получил приглашение в Уфу на совещание об издании переводов и книг для инородческих школ Оренбургского учебного округа²⁰. Все это позволяло делиться положительным опытом, координировать работу головного центра и филиалов.

Подкомиссия специализировалась на переводах и составлении небольших книг и брошюр религиозно-нравственного содержания (жития святых, поучения на воскресные и праздничные дни, назидательные статьи). Учебников было переведено всего два (оба по Закону Божьему на чувашском языке): «Объяснительные беседы законоучителя в сельской школе и в храме Божиим» протоиерея Н. А. Востокова (1903; пер. Н. Константинов) и «Катехизические поучения» (1915; пер. Т. Васильев).

Перевод книг Священного Писания и богослужебной литературы, как требующий коллективных усилий и высокой богословской квалификации, положением о подкомиссии был оставлен за ПК ПМО²¹. Самарские переводчики хорошо понимали сложность этой работы. В 1903 г. один из них писал: «Конечно, очень желательно как можно скорее видеть на чувашском языке послания св. апостолов, но боязно за них браться, так как там требуется большая точность и богословское знание»²².

Созданная как чувашская, со временем подкомиссия пополнилась переводчиками на удмуртский и татарский языки (первые книги на них были изданы в

¹⁵ Там же. Л. 196 об.

¹⁶ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 26.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 42 об.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. С. 50.

¹⁹ Иванов А. С. Съезд инородческих священников-миссионеров Самарской епархии, бывший 20–23 июня 1906 года в г. Самаре // Православный благовестник. 1906. № 16. С. 356, 357.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

²¹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 9.

²² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 110 об.

1904 и 1905 гг. соответственно²³). Однако бóльшую часть удмуртских переводов выполнил переводчик со стороны — учитель Бакалинской школы Белебеевского уезда Уфимской губернии М. Ильин²⁴. Переводчики на татарский язык М. Лобанов, В. Михайлов и Г. Алексеев готовили поучения²⁵, но их переводы света не увидели: Самарский епархиальный комитет переиздал две татарские книги, переведенные на стороне. Мордовский язык не стал для подкомиссии рабочим по той причине, что мордовские священники не подали ни одного заявления о переводе книг на родной язык²⁶. Один из них — П. Юртаев, отказываясь от участия в работе подкомитета, писал, что соплеменники в подавляющем большинстве неграмотны, а выпускники школ не интересуются переводами, предпочитая русские книги. Юртаев высказался против использования в школе книг на родном языке, считая, что это мешает овладению учениками русским языком²⁷.

Доминирование в подкомиссии чувашских переводчиков не удивительно: во всех чувашских и чувашско-русских приходах (с преобладанием чувашского населения) Самарской епархии (первых в 1911 г. насчитывалось 61, вторых — 24 [6, с. 365]), священниками состояли чуваша или русские, в совершенстве владеющие чувашским языком. В храмах и церковных школах, открытых в каждой деревне и селе, они проводили богослужения, в том числе на чувашском языке. Священники и учителя сельских школ под их наблюдением вели миссионерские беседы с чувашскими крестьянами, читали им переводы религиозных книг и обучали церковному пению²⁸. Филимонов писал, что в Самарской епархии способных чувашских переводчиков «несравненно больше, чем в других епархиях Поволжья»²⁹.

Работа по переводу и изданию книг была организована следующим образом: Филимонов по почте посылал переводчикам русские брошюры и назначал срок для сдачи рукописей³⁰. Начинающим рекомендовал проводить читки рукописей с участием «толковых» чувашей или обращаться за советом к опытным коллегам³¹.

Редактированием переводов занимался Филимонов, и без того отягощенный обязанностями благочинного (он вспоминал, что приходилось работать по 18 часов в сутки³²), или поручал это членам подкомиссии³³. В 1906 г. съезд инородческих священников-миссионеров Самарской епархии, реагируя на усиление в Поволжье пропаганды ислама после принятия указа о веротерпимости, высказался за развитие перевода, издания и распространения миссионерской литературы на инородческих языках, для чего учредил редакционный комитет из чувашских переводчиков в составе: Д. Ф. Филимонов (с. Туарма, председатель), А. С. Михайлов (с. Старо-Ганькино), А. Г. Сенчуков (с. Борискино-Игар), И. Я. Яковлев

²³ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 28, 29.

²⁴ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1907 год // Самарские епархиальные ведомости. 1908. № 14. Приложение. С. 17; Отчет Самарского епархиального комитета... за 1914 год // Самарские епархиальные ведомости. 1915. № 13 — 14. Приложение. С. 6.

²⁵ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 39.

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 137 — 137 об.

²⁸ Филимонов Д. Ф. К десятилетию со дня кончины Николая Ивановича Ильминского // Православный благовестник. 1901. № 19. С. 120.

²⁹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

³⁰ Там же. Л. 161 — 161 об.

³¹ Там же. Л. 99.

³² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 188. Л. 405.

³³ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 23 — 24.

(с. Старая Малыкла), А. И. Иванов (с. Николькино), А. А. Алексеев (с. Алексеевка), Т. В. Васильев (с. Васильевка), К. П. Прокопьев (г. Челябинск)³⁴. Редакционный комитет числился при подкомиссии. Его члены редактировали переводы, составляли на них рецензии или отзывы и передавали председателю на рассмотрение. Последний годные для издания представлял в епархиальный комитет с предложениями по размеру тиража, не получившие одобрения возвращал авторам на доработку. Татарские и удмуртские переводы направлялись на рассмотрение в Самарский епархиальный комитет или ПК ПМО³⁵. Цензорами самарских переводов назначались видные переводчики И. Я. Яковлев, М. А. Машанов³⁶ и др. По результатам цензурного рассмотрения рукописей епархиальный комитет принимал решение об их издании.

Первое время отсутствие у членов редакционного комитета профессионального опыта отражалось на качестве изданий. А. С. Михайлов писал Филимонову: «...много упреков, что наши переводы (самарские) слабы и плохи. Оно и верно. Я сначала думал — чтобы открыть дорогу — пропускать слабые, но теперь, когда переводов много, стараюсь относиться покрепче»³⁷.

На деньги Самарского епархиального комитета печатались переводы, выполненные по решению съездов переводческой подкомиссии³⁸. Внеплановые Филимонов представлял в ПК ПМО для издания на средства ее или Казанского Спасо-Преображенского мужского монастыря³⁹. В таких случаях редакторскую и корректорскую работу проводила ПК ПМО⁴⁰, информировавшая самарских коллег о выходе книг и размере тиража⁴¹. Несколько чувашских переводов было напечатано на средства Туарминского приходского общества трезвости, кружка сестер-сотрудниц Братства св. Гурия, а также частных лиц⁴².

Первая российская революция открыла перед народами новые горизонты. В июне 1906 г. съезд инородческих священников Самарской епархии высказался за обновление миссионерской работы, в том числе за перевод исторической, сельскохозяйственной, гигиенической литературы и др.⁴³ В сентябре того же года Филимонов писал, что настало время дать чувашскому народу книги по всем отраслям знаний, чтобы он не отстал от других народов на пути к прогрессу. По мысли Филимонова, подготовку религиозных книг должна продолжать ПК ПМО, а светских обязаны взять на себя общественные организации инородческой интеллигенции [3, с. 272].

Надежды на последние не оправдались, и за перевод светской литературы взялись миссионеры: съезд подкомиссии 1909 г. признал необходимым перево-

³⁴ Иванов А. С. Съезд инородческих священников-миссионеров Самарской епархии, бывший 20 — 23 июня 1906 года в г. Самаре // Православный благовестник. 1906. № 18. С. 56 — 57.

³⁵ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 24, 25.

³⁶ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1903 год // Самарские епархиальные ведомости. 1904. № 9. Прил. С. 28.

³⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 163.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. С. 266, 267.

³⁹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 25.

⁴⁰ Деятельность в 1903 г. Казанской Переводческой комиссии Православного миссионерского общества // Православный собеседник. 1905. Февраль. С. 375.

⁴¹ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. Инв. № 611. С. 191.

⁴² Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 25, 33; Отчет Самарского епархиального комитета... за 1904 год // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 11. Приложение. С. 20.

⁴³ Иванов А. С. Съезд инородческих священников-миссионеров Самарской епархии... // Православный благовестник. 1906. № 18. С. 57.

дить книги сельскохозяйственного, исторического, гигиенического и медицинского содержания для ускорения социально-экономического развития нерусских народов. Издание светских книг не входило в уставные задачи ПК ПМО, поэтому съезд поручил Бугульминскому уездному наблюдателю церковных школ А. С. Иванову ходатайствовать перед уездным земским собранием об отпуске средств на их издание⁴⁴. Филимонов писал, что членами подкомиссии было рассмотрено и исправлено 17 переводов по сельскому хозяйству, медицине, пчеловодству, гигиене и др., присланных переводчиками из Казанской и Симбирской епархий⁴⁵. В отчетах епархиального комитета эта работа не отражалась.

Ставка на бесплатный труд не отвечала рыночным реалиям. В 1911 г. Н. В. Никольский, выступая на съезде самарского филиала, предложил ввести вознаграждение переводчикам от 8 руб. за печатный лист, что делегаты признали желательным⁴⁶.

При создании подкомиссии предполагалось, что ее переводы будут печататься в типографии, арендуемой Самарской духовной консисторией. Однако последняя отказалась покупать чувашский шрифт до утверждения положения о подкомиссии, опасаясь, что расходы не окупятся⁴⁷. В феврале 1901 г. Филимонов обратился к епископу Гурию с предложением купить шрифт, собрав деньги с церковью иногородческих приходов⁴⁸, но поддержки не получил. В апреле того же года в письме Н. А. Бобровникову он обрисовал ситуацию со шрифтом и попросил заверить епархиальный комитет, что Казанская переводческая комиссия будет выделять определенную сумму на издание переводов своего филиала в Самаре, а если это выходит за рамки ее компетенции — выйдет с ходатайством перед Советом ПМО от отпуске на эти цели не менее 500 руб. в год из средств, отпускаемых на нужды ПК ПМО. Без этого, писал Филимонов, ни консисторская, ни частные типографии не согласятся купить чувашский шрифт⁴⁹. Обращение рассматривалось долго. Только в 1904 г. ПК ПМО постановила «войти в братское единение с самарской комиссией» и ассигновать на издание ее переводов до 300 руб. в год⁵⁰.

В 1903 г. подкомиссия вновь подняла вопрос об издании переводов на месте, но владельцы типографий в Самаре и Бугуруслане отказались от приобретения чувашского шрифта⁵¹. Поэтому самарские переводы печатались в Казани и Симбирске. Это затягивало сроки работы, требовало расходов на почтовые услуги и оплату труда корректора. Известно, что в Центральной типографии Казани корректором самарских изданий был чувашский священник Н. М. Кедров. В 1902 г. он уехал из Казани, и по рекомендации Филимонова его заменил О. Г. Романов⁵².

В 1900 г. Самарский епархиальный комитет ПМО решил организовать книжный склад, поручив его заведование своему делопроизводителю⁵³. По рекомендации съезда подкомиссии 1905 г. склад обзавелся филиалами и получил

⁴⁴ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 22.

⁴⁵ Там же. С. 24.

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 63 об. — 64.

⁴⁹ Там же. Л. 73 — 74.

⁵⁰ Там же. Л. 131.

⁵¹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 16.

⁵² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 82, 83.

⁵³ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1905 год // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 10. Приложение. С. 13.

статус центрального. Его филиалы действовали в селах Туарма, Стюхино, Среднее Аверкино, Неприк, Пронькино, Ярзово, Арезяпкино, Покровское Урустамак, Нижне-Якушкино⁵⁴. Заведовали ими местные священники. В 1910-е гг. ряд филиалов закрылся, оставшиеся обрели самостоятельность⁵⁵, а епархиальный склад перестал называться центральным.

Склад рассылал книги по инородческим приходам и церковным школам для продажи, бесплатной раздачи населению и пополнения миссионерских и школьных библиотек⁵⁶. Это были издания как самарские, так и головной комиссии. Последние епархиальный комитет покупал или обменивал на свои. В свою очередь, центральный книжный склад ПК ПМО распространял самарские издания; их список в рекламных целях помещался на обложках некоторых ее книг.

Об оборотах епархиального склада можно судить по следующим цифрам: на 1 января 1907 г. в нем числилось 74 520 экз. книг 122 названий на сумму 2612 руб. 65 коп., в 1906 г. отослано в Туарминский склад на комиссию 571 экз. на 51 руб. 71 коп., Стюхинский — 4835 экз. на 216 руб. 45 коп.⁵⁷ Книги в большинстве раздавались бесплатно, объемы продаж были невелики. Так, в 1911 г. разослано по приходам для раздачи народу 43 793 экз. книг 104 названий на 1341 руб. 77 коп., продано 107 экз. на 5 руб. 91 коп.⁵⁸ В 1915 г. разослано и продано 2574 книг 123 названий на 139 руб. 15 коп., из них самарских изданий — 2224 экз. 71 названия на 123 руб. 89 коп.⁵⁹

Упомянутый съезд 1906 г. предложил ежегодно в рекламных целях издавать каталог книг, имеющихся в наличии на центральном складе. Епархиальный комитет предложение отклонил, постановив просить типографию, печатавшую самарские книги, продолжать помещать их список на обложках последних⁶⁰. Филимонов предлагал епархиальному комитету размещать в периодических изданиях соседних регионов объявления о продаже книг, чтобы они «проникали повсюду и просвещали инородцев других епархий»⁶¹.

Самарские издания использовались в духовно-просветительской работе в школе и на вечерних занятиях для взрослых (внешкольное образование)⁶². «Грамотные чуваша читают наши переводы и мало-помалу усваивают христианские понятия и утоляют жажду своей души»⁶³, — писал Филимонов.

Епархиальный комитет ПМО был ограничен в средствах, поэтому переводческая подкомиссия самостоятельно искала источники финансирования для издания своих переводов. В 1901 г. Филимонов в газетах нескольких епархий

⁵⁴ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1908 год // Самарские епархиальные ведомости. 1909. № 11. Приложение. С. 12.

⁵⁵ Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

⁵⁶ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 18 — 19.

⁵⁷ Отчет Самарского епархиального комитета... общества за 1906 год // Православный благовестник. 1907. № 11. Приложение. С. 139.

⁵⁸ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1911 год // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Приложение. С. 11.

⁵⁹ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1915 год // Самарские епархиальные ведомости. 1916. № 20. Приложение. С. 15.

⁶⁰ Отчет Самарского епархиального комитета... общества за 1906 год // Православный благовестник. 1907. № 11. Приложение. С. 131.

⁶¹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 202.

⁶² Там же. Д. 1. Л. 187.

⁶³ Там же. Д. 5. Л. 42 об.

поместил воззвание о создании при Самарском епархиальном комитете ПМО фонда имени Н. И. Ильминского, с тем чтобы на банковские проценты с него печатались инородческие переводы⁶⁴. Одновременно направил просьбу о пожертвованиях известным людям. На приглашение откликнулся управляющий Придворной певческой капеллой С. В. Смоленский, приславший 100 руб.⁶⁵ За 1902 — 1911 гг. в фонд поступило только 152 руб. 38 коп.⁶⁶

В 1905 г. съезд переводческой подкомиссии в порядке самообложения ввел сбор с инородческого духовенства на издание переводной литературы в размере: со священников 6 руб. в год, диаконов — 4 руб., псаломщиков — 2 руб. Он собирался с 1906 г., давал около 500 руб. в год. После неурожайного 1907 г. сумма сбора значительно уменьшилась⁶⁷. Съезд 1909 г. расширил круг плательщиков за счет русских священников, работающих в инородческих приходах и инородческих, перешедших с прежнего места работы в русские приходы⁶⁸. За 1907 — 1911 гг. было собрано 1346 руб. 35 коп.⁶⁹ Сбор воспринимался как обременительный, поступал неаккуратно и в неполном размере, поэтому по рекомендации съезда подкомиссии 1911 г. был уменьшен наполовину⁷⁰.

Не было реализовано предложение епископа Гурия о финансировании издания переводов Самарским епархиальным Алексиевским братством⁷¹. Епархиальный комитет отклонил решение переводческого съезда 1905 г. об отмене пособия миссионерам на разъезды по епархии, с тем чтобы высвободившиеся средства направлялись на издание книг⁷².

Казанский миссионерский съезд 1910 г. высказался за развитие переводческого дела на инородческих языках, постановив, чтобы казанская ПК ПМО и ее отделения испрашивали у правительства ежегодные субсидии на издание переводов и утвердил их размеры, в том числе для самарской — 1 тыс. руб.⁷³ (для справки: Самарский епархиальный комитет тратил на эти цели в среднем менее 300 руб. в год). В 1911 г. съезд подкомиссии попросил самарского епископа Константина во исполнение этого постановления обратиться за субсидией в Синод. Он же поручил Филимонову просить губернское земство о выделении до 1 тыс. руб. в год из общеземских средств или за счет введения копеечного сбора с нерусского населения на издание общедоступной литературы по борьбе с пьянством, сельскому хозяйству и гигиене⁷⁴. Также обратился к епископу Константину за разрешением проводить в церквях инородческих приходов в дни престольных праздников тарелочные сборы и заводить кружки для пожертвований при местночтимых иконах на издательские цели. Епископ дал свое согласие. В свою очередь Самарская

⁶⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 246. С. 452.

⁶⁵ Там же. Ед. хр. 247. Л. 353.

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 246. С. 454.

⁶⁷ Там же. С. 118 — 119; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

⁶⁸ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 23.

⁶⁹ Там же. С. 40.

⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁷¹ Протокол собрания членов Самарского епархиального Алексиевского братства // Самарские епархиальные ведомости. 1904. № 9. С. 158.

⁷² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 233.

⁷³ Каменский В. Миссионерский съезд в Казани // Православный благовестник. 1911. № 6. С. 253.

⁷⁴ Филимонов Д. Ф. Съезд инородческих священно-церковно-служителей Самарской епархии по переводческому и издательскому делу на инородческих языках // Православный благовестник. 1911. № 22. С. 428, 432.

земская губернская управа разрешила агрономическому и врачебно-санитарному отделениям на средства, получаемые ими на выпуск популярных брошюр, издавать переводные книги, что не требовало специальных ассигнований⁷⁵. В 1911 г. губернское земство издало чувашский перевод подкомиссии книги по растениеводству⁷⁶, а в 1914 г. по рекомендации Филимонова – брошюру М. Л. Франкфурта по животноводству, переведенную чувашским диаконом с. Девлизеркино Н. Антоновым⁷⁷.

Из-за ограниченности средств епархиального комитета немало готовых переводов не увидело света. В 1907 — 1909 гг. подкомиссией было подготовлено 76 переводов (70 на чувашском языке, 4 — на татарском, 2 — на удмуртском)⁷⁸, из них издано, включая более ранние, только 19 (14 на чувашском языке, 5 на удмуртском)⁷⁹. Недофинансирование было бедой и головной комиссии: из-за него почти две трети ее переводов оставались в рукописях [2, с. 24].

К 1904 г. в подкомиссии состояли 42 переводчика (37 — чуваша, 3 — крещенные татары, 2 — удмурты)⁸⁰. К 1911 г. их количество увеличилось до 48 (45 священников, диакон, 2 псаломщика)⁸¹. Переводами успешно занимались ученики Стюхинской двухклассной школы под руководством чувашского учителя А. С. Михайлова⁸².

В сентябре 1905 г. казанский съезд сотрудинок ПК ПМО высказался за создание новых миссионерских центров, в том числе за открытие центральной чувашской школы в с. Туарме Самарской губернии и организацию при ней переводческой работы⁸³. Дело с ее открытием затянулось, а после назначения в 1908 г. министром народного просвещения противника системы Ильминского А. Н. Шварца, оставлено «без внимания»⁸⁴.

Филимонов отмечал, что члены подкомиссии занимались переводами «охотно и старательно», посвящая им все «свои умственные и нравственные силы». Среди них отметим известных деятелей чувашской культуры Д. Ф. Филимонова, К. П. Прокопьева, А. С. Иванова. Немало было тех, кто переводил сверх задания по личной инициативе. Члены подкомиссии приезжали на ее съезды за свой счет, хотя почти все инородческие приходы относились к бедным⁸⁵. Хорошей мотивацией для них служила возможность публиковаться [3, с. 260 — 261]. Свою роль играли церковные награды, к которым Филимонов регулярно представлял активных сочленов. Так, в 1913 г. А. Г. Сенчукову, Т. Васильеву и А. Алексееву была выражена благодарность епархиального начальства с выдачей грамот «за усердные труды по переводческому и издательскому делу»⁸⁶. Усилиями друзей был отмечен и подвижнический труд его самого. В 1913 г. А. С. Иванов

⁷⁵ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.

⁷⁶ Чувашская книга до 1917 года = 1917 сӹлчченхи чӹваш кӹнеки: ретроспективный библиографический указатель литературы. 2-е изд., испр., доп. Чебоксары: Гос. архив печати Чувашской Республики, 2001. С. 153.

⁷⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 148 об. — 149.

⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 152.

⁷⁹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 31 — 33.

⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 105.

⁸¹ Там же. Д. 2. Л. 222.

⁸² Там же. Л. 123 об.; Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 29.

⁸³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 163. С. 59 — 60, 63.

⁸⁴ Там же. Ед. хр. 188. Л. 24.

⁸⁵ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 23, 43 — 44.

⁸⁶ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1913 год // Самарские епархиальные ведомости. 1914. № 14. Приложение. С. 5.

поставил перед Н. В. Никольским как представителем ПК ПМО вопрос о представлении Филимонова к награждению саном протоиерея или благодарностью государя за переводческую работу [1, с. 72]. В 1914 г. хлопотами А. С. Иванова чувашский просветитель получил сан протоиерея⁸⁷, а в 1917 г. отмечен признательностью ПК ПМО⁸⁸.

Подкомиссия успешно работала при самарских епископах Гурии (1892 — 1903) и Константине (1904 — 1911), уделявших большое внимание миссионерской деятельности. В 1901 — 1910 гг., по данным Филимонова, было издано 93 книги и брошюры общим тиражом 183 300 экз. (на чувашском языке — 82, в количестве 171 300 экз., удмуртском, соответственно, 10 и 10 800 экз., татарском — 1 и 1200 экз.). Тиражи варьировались от 300 до 12 000 экз., но чаще назначался размер 1200 экз.

Данные Филимонова, полагавшегося на память⁸⁹, не всегда полны и точны. Скажем, в его списке самарских изданий не упомянуты: «Страдания святых ветхозаветных мучеников Елеазара священника и седми по плоти братьев, нарицаемых Макковей и матери их Соломонии» (Казань, 1905. На чув. яз. Пер. Л. Трофимов)⁹⁰, «Жизнь и труды Иоанна Богослова» (Казань, 1905. 2400 экз. На чув. яз.)⁹¹, «Житие св. мучениц Веры, Надежды и Любви и матери их Софии» (Казань: Центр. тип., 1907. 15 с. 1200 экз. На удм. яз. Пер. М. Ильин)⁹². Нередко его сведения о дате выхода книг расходятся с данными библиографического указателя «Чувашская книга до 1917 года».

В 1903 — 1910 гг. Самарский епархиальный комитет потратил на издательские цели 2212 руб. 49 коп.⁹³ Вероятно, это неполные данные: только в 1906 г. было напечатано книг на рекордную сумму 1191 руб. 27 коп., что привело к большому перерасходу его средств⁹⁴.

В 1911 г. подкомиссия передала в епархиальный комитет 18 готовых переводов (15 чувашских, 3 удмуртских), еще 6 чувашских были отправлены в ПК ПМО для издания на ее средства, столько же находились на рассмотрении редакционной комиссии, переводились 25 (17 на чувашском языке, 8 на татарском)⁹⁵.

В том же году епархию возглавил Симеон (Покровский), незнакомый с делом христианского просвещения инородцев⁹⁶. При нем, писал Филимонов, выросла канцелярщина, «а дела инородческой миссии остаются почти совсем без внимания»⁹⁷. В 1913 г. Симеона сменил Питирим (Окнов), который сочувствовал системе Ильминского и хорошо относился к инородческому духовенству⁹⁸. В 1914 г.

⁸⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 266. С. 10 б; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 240.

⁸⁸ Там же. Отд. II. Ед. хр. 188. Л. 416 об.

⁸⁹ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 3.

⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

⁹¹ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1905 год // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 10. Приложение. С. 16.

⁹² Национальная электронная библиотека (НЭБ): [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_15138/?ysclid=m0dn60t5h4783493483 (дата обращения: 28.08.2024); Отчет Самарского епархиального комитета... за 1907 // Самарские епархиальные ведомости. 1908. № 14. Приложение. С. 17.

⁹³ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 40.

⁹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. С. 279; Отчет Самарского епархиального комитета ... за 1906 год // Самарские епархиальные ведомости. 1907. № 14. Приложение. С. 25.

⁹⁵ Филимонов Д. Ф. Краткий очерк деятельности... С. 31, 34 — 37.

⁹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 227. С. 137.

⁹⁷ Там же. Ед. хр. 238. С. 204.

⁹⁸ Там же. Д. 266. С. 10 б.

Филимонов доложил ему, что переводческое и издательское дело, которым он руководит, по независящим от него причинам за последние три года «совершенно остановилось» (в 1913 г. не был напечатан ни один перевод). Он попросил разрешения провести 26 августа съезд подкомиссии для обсуждения накопившихся вопросов: об издании брошюр противоалкогольного, противомусульманского и противоязыческого содержания, изыскании средств из местных источников на издательские цели, улучшении дела распространения миссионерских книг и др.⁹⁹

В том же году Питирима сменил епископ Михаил (Богданов), и Филимонов обратился к нему с прежней просьбой. Вскоре он получил из консистории ответ с рекомендацией провести съезд вне Самары (он не состоялся в связи с начавшейся войной). По второму пункту было заявлено: «В настоящее время не видно необходимости в переводе на инородческие языки»¹⁰⁰. В 1917 г. А. С. Иванов писал, что при епископе Михаиле «дело просвещения инородцев застряло». По его словам, архиерей недоброжелательно относился к инородцам и «особенно не любил» его (А. С. Иванова), Д. Ф. Филимонова, И. Я. Яковлева и епископа Андрея (Ухтомского)¹⁰¹.

Несмотря на «несочувственное» отношение епархиального руководства, переводческая работа продолжалась, но в более скромных масштабах. В 1914 г. Филимонов вернул А. С. Михайлову антиалкогольные переводы, которые держал у себя больше года, написав: «Отпечатайте их на какие-либо средства»¹⁰², по-видимому, исчерпав возможности по их продвижению. В 1915 г. в епархиальный книжный склад поступило пять самарских изданий: 4 на чувашском, одно на удмуртском языке в количестве 6 тыс. экз.¹⁰³ В 1911 — 1915 гг. увидело свет 21 самарское издание на чувашском, удмуртском и татарском языках, общий тираж которых, по неполным данным, составил 20 700 экз.¹⁰⁴ (см. приложение).

Подкомиссия просуществовала до 1917 г., однако о ее деятельности в последние два года не известно. Всего в 1901 — 1915 гг. было напечатано 117 книг общим тиражом 207 300 экз.: 102 (87,2 %) на чувашском (191 700 экз.), 13 (11,1 %) — удмуртском (14 400 экз.) и 2 (1,7 %) — татарском (1200 экз.)

Заключение

Деятельность переводческой подкомиссии ПК ПМО при Самарском епархиальном комитете того же общества расширила кадровые и финансовые возможности головной комиссии. Самарские переводы дополнили репертуар изданий ПК ПМО, заняв достойное место на книжном рынке. Большая заслуга в становлении и развитии подкомиссии принадлежит его бессменному председателю Д. Ф. Филимонову. Самарский филиал ПК ПМО внес вклад в организацию переводческого и издательского дела в Среднем Поволжье, развитие чувашского, татарского и удмуртского литературных языков.

⁹⁹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 — 7 об.

¹⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 246. С. 179 — 181.

¹⁰¹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 288. С. 131.

¹⁰² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 141.

¹⁰³ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1915 год // Самарские епархиальные ведомости. 1916. № 20. Приложение. С. 14.

¹⁰⁴ Чувашская книга до 1917 года. С. 152, 153, 156, 159 — 161, 182.

**Издания Самарского филиала Переводческой комиссии
Православного миссионерского общества (1911 — 1915 гг.)**

1. Воины Христовы (рассказы из первых веков христианства). Казань: Центр. тип., 1911. 56 с. 1200 экз. На удм. яз. (Пер. М. Ильин)¹.
2. Семья разрушилась от вина: Изд. инород. духовенства Самар. епархии по случаю десятилетия святительского служения преосвященного Константина, епископа Самарского и Ставропольского. Казань: Центр. тип., 1911. 12 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Ф. Филимонов)².
3. Жертва алкоголя на скамье подсудимых: Изд. инород. духовенства Самар. епархии по случаю десятилетия святительского служения преосвященного Константина, епископа Самарского и Ставропольского. Казань: Центр. тип., 1911. 7 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Ф. Филимонов)³.
4. Условия правильного производства посева / Самар. губерн. земство. Казань: Центр. тип., 1911. 16 с. На чув. яз. (Пер. Д. Ф. Филимонов?)⁴.
5. Житие святого Агапия. [Казань. Не позднее 1911 г.]. На чув. яз.⁵
6. Житие святого мученика Неофита. Казань: Центр. тип., 1912. 16 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Ф. Евстафьев)⁶.
7. Житие преподобного нашего отца Нифонта, епископа Констанции града Кипрского. Казань: Центр. тип., 1912. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. А. Данилов)⁷.
8. Житие святого Поликарпа, епископа Смирнского. Казань: Центр. тип., 1912. 16 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Димитриев)⁸.
9. Страдания святого мученика Арефы. Казань: Центр. тип., 1912. 24 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. А. Никитин)⁹.
10. Фабиола или древние христиане. Казань: Центр. тип., 1912. 52 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Димитриев)¹⁰.
11. Житие святого Игнатия Богоносца. Казань, 1912. 12 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Димитриев)¹¹.
12. Наставление крещеным татарам, колеблющимся в христианской вере. [Казань,] 1912. 300 экз. На тат. яз.¹²

¹ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1911 год // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Приложение. С. 10; НЭБ: [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_ONL1_477/?ysclid=m0f6cuchsi746331724 (дата обращения: 29.08.2024).

² Чувашская книга до 1917 года. № 929.

³ Там же. № 937.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 305; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 322 об.

⁵ См.: Книги и брошюры, изданные Самарским миссионерским комитетом и имеющиеся в складе Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. На чув. яз. – НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 307. (Оборот передней обложки).

⁶ Чувашская книга до 1917 года. № 958; Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

⁷ Чувашская книга до 1917 года. № 956.

⁸ Там же. № 981; Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

⁹ Чувашская книга до 1917 года. № 984; Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. 10. Ед. хр. 317. Книга издана на средства Самарского, Саратовского и Уфимского епархиальных миссионерских комитетов.

¹¹ Чувашская книга до 1917 года. № 990; Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

¹² Отчет Православного миссионерского общества за 1912 год // Православный благовестник. 1913. № 23 — 24. Приложение. С. 96.

Самарские издания.
Научный архив
Чувашского государственного
института гуманитарных наук

13. Франкфурт М. Л. Воспитание телят / Самар. губерн. земство. Казань: Центр. тип., 1914. 18 с. На чув. яз. (Пер. Н. Антонов)¹³.

14. Что легче: грешить или каяться? Казань, 1914. 11 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Никифоров)¹⁴.

15. Коль великое зло есть грех. Казань: Центр. тип., 1914. 12 с. 1200 экз. На удм. яз. (Пер. М. Ильин)¹⁵.

16. Поучения в недели: 7-ю и 8-ю по Пятидесятнице. Казань: Центр. тип., 1914. 8 с. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Л. Трофимов)¹⁶.

17. Поучение в неделю о слепом. [Казань, 1914?] 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Никифоров)¹⁷.

18. Поучение в день Вознесения Господня. [Казань, 1914?] 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Д. Никифоров)¹⁸.

19. Поучение в день Рождества Пресвятой Богородицы. [Казань, 1914?] 1200 экз. На чув. яз. (Пер. И. Димитриев)¹⁹.

20. Поучение в день Благовещения Пресвятой Богородицы. [Казань, 1915?] 1200 экз. На чув. яз. (Пер. И. Димитриев)²⁰.

21. Катехизические поучения. Казань, 1915. 1200 экз. На чув. яз. (Пер. Т. Васильев)²¹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров Г. А. Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: [б. и.], 2006. 216 с.

2. Гусаров Ю. В. Казанские переводческие комиссии второй половины XIX — начала XX в. // Н. И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: сб. материалов Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 16 сентября 2022 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 12 — 34.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 148 об. — 149; Чувашская книга до 1917 года. № 1123.

¹⁴ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1914 год // Самарские епархиальные ведомости. 1915. № 13 — 14. Приложение. С. 6.

¹⁵ Там же; НЭБ: [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_29719/?ysclid=m0f6asb6va860942159 (дата обращения: 29.08.2024).

¹⁶ НЭБ: [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011666089/?ysclid=m0dmr425xa313320770 (дата обращения: 28.08.2024); Отчет Самарского епархиального комитета... за 1914 год // Самарские епархиальные ведомости. 1915. № 13 — 14. Приложение. С. 6.

¹⁷ Отчет Самарского епархиального комитета... за 1914 год // Самарские епархиальные ведомости. 1915. № 13 — 14. Приложение. С. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же; Отчет Самарского епархиального комитета... за 1915 год // Самарские епархиальные ведомости. 1916. № 20. Приложение. С. 12.

²¹ Там же. Чувашская книга до 1917 года. № 1144.

3. Гусаров Ю. В. Переводная чувашская книга второй половины XIX — начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности // Итоговые научные сессии 2014 — 2017 гг. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 242 — 284.

4. Курмаев М. В. Издательская деятельность и библиотека Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы науч. конф., посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского (Самара, 9 октября 2016 г.). Самара: Научно-технич. центр, 2017. С. 59 — 72.

5. Матвеева Г. В. Миссионерские книги на чувашском языке // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. Ч. 1. С. 84 — 88.

6. Никольский Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Труды по истории и культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov G. A. Chuvash intellectuals: biographies and fates. 2nd edition, revised and supplemented. Cheboksary; 2006. 216 p. (In Russ.)

2. Gusarov Y. V. Kazan translation commissions of the second half of XIX — early XX century. *N. I. Ilminsky and peoples' ethno-cultural development of the Volga region: proceedings of the All-Russian scientific and practical conf. (Cheboksary, September 16, 2022)*. Cheboksary; 2022. Pp. 12 — 34. (In Russ.).

3. Gusarov Y. V. Translated Chuvash book of the second half of XIX — early XX century: the history of translation and publishing activities. *Final Scientific Sessions 2014 — 2017*. Cheboksary; 2018. Pp. 242 — 284. (In Russ.)

4. Kurmaev M. V. Publishing activities and library of the Samara Diocesan Committee for the Orthodox Missionary Society. *Twenty-first John's Readings: materials of the scientific conference dedicated to the memory of His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga (Samara, October 9, 2016)*. Samara; 2017. Pp. 59 — 72. (In Russ.)

5. Matveeva G. V. Missionary books in the Chuvash language. *Vestnik of Kazan State University of Culture and Arts*. 2015; 4(1). Pp. 84 — 88. (In Russ.)

6. Nikolsky N. V. Collected Works. Vol. 3: The works on the history, culture and statistics of Volga-Urals and Siberia peoples. Cheboksary; 2008. 735 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025;
принята к публикации 04.03.2025

Информация об авторе:

Гусаров Юрий Владимирович, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,
доцент, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 02.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025;
accepted for publication 04.03.2025

Information about the author:

Yuri V. Gusarov, leading researcher at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,
associate professor, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 02.02.2025 җитнӗ; рецензиленӗ хыҗҗан 28.02.2025 ырланӑ;
04.03.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җынчен:

Гусаров Юрий Владимирович, Чӑваш патшалӑх гуманитари аслӑлӑхӗсен институчӗн
ӑслӑлӑх ертӗҗӗ ӗстешӗ (428015, Раҫҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори
ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 069:39(=512.111)
ББК 79.1+63.5(=635.1)

Научная статья

**О ЧУВАШСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ
В РОССИЙСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ
(ПО СЛЕДАМ ПЕРЕПИСКИ
Н. В. НИКОЛЬСКОГО И А. С. ИВАНОВА)**

А. П. Леонтьев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
alexej.leontjew2014@yandex.ru

Аннотация. В публикации рассказывается об одном из направлений деятельности родоначальника чувашской этнографической науки Н. В. Никольского — собирании предметов культуры и быта, сакральных предметов чувашской традиционной религии и передаче их в Российский этнографический музей (РЭМ), а также о работе в этой сфере священника А. С. Иванова¹. Исследование выполнено на основе изданных работ и архивных материалов, притом последние впервые введены в научный оборот. Применены принципы историзма, объективности, историографической традиции и системности, использованы методы исследования: фактологический, описательный и аналитический. В статье в хронологическом порядке анализируется сотрудничество Н. В. Никольского и А. С. Иванова с РЭМ. Главным образом первого из них, так как Николай Васильевич по роду своей деятельности — как уже состоявшийся этнограф — был сведущим человеком в области коллекционирования этнографических предметов и передаче их в музей. Ему был известен опыт работы в этой сфере известного историка и этнографа, автора монографических исследований о черемисах (мари), вотяках (удмуртах), пермяках (коми) и мордве, профессора Казанского университета И. Н. Смирнова. Иван Николаевич в 1902 — 1903 гг. передал в РЭМ около 1110 произведений орнаментального искусства и предметов быта чувашей и которые он называет «старинной народной, оригинальной, красивой», и они скрупулезно описаны в отдельном каталоге, изданном РЭМ. Как первый чувашский профессиональный этнограф, Н. В. Никольский придавал огромное значение предметам культуры, быта и верований соплеменников в контексте ухода их из традиционного жизненного уклада. Вслед за профессором И. Н. Смирновым Николай Васильевич активно сотрудничал с РЭМ — главной со-

¹ Иванов Антоний Семенович (15.01.1871 — после 1932, неизв.) — деятель народного образования, участник чувашского национального движения. Родился в с. Старый Савруш Чистопольского у. Казанской губ. (ныне Аксубаевский муниципальный район Республики Татарстан). Окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию (1890). 5 декабря 1893 г. рукоположен в сан священника и служил в церкви с. Девлизеркино Самарской епархии. В 1902 г. назначен наблюдателем инородческих церковноприходских школ Бугульминского и частично Бугурусланского уездов. Жил в г. Бугульме. Благодаря Антонию и другим нерусским священникам к началу 1914 г. в Самарской епархии стало 140 инородческих и 59 смешанных школ. В Бугульминском уезде — 57 национальных школ, 34 из них — чувашские. В 1918 г. служил в комитете по школьному образованию при Бугульминском уездном земстве. В 1917 г. организовал чувашское национальное общество в г. Бугульме. Был делегатом Общечувашского национального съезда в г. Симбирске. Автор статей по этнографии чувашей. В 1907 г. опубликовал «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья с 1756 по 1906 год» в Известиях ОАИЭ, который позже был издан отдельным оттиском. — Иванов Антоний Семенович // Цифровая библиотека чувашского наследия «Наследие Чувашии»: [сайт]. 2025. URL: <https://наследиечувашии.рф/russian> (дата обращения: 24.01.2025).

кровищницей этнографических коллекций. Собираанием экспонатов для РЭМ также активно занимался священник А. С. Иванов, известный своим определенным вкладом в чувашскую этнографию.

Ключевые слова: Н. В. Никольский, И. Е. Ефимов, А. С. Иванов, предметы чувашской старины, Российский этнографический музей

Для цитирования: Леонтьев А. П. О чувашских коллекциях в Российском этнографическом музее (по следам переписки Н. В. Никольского и А. С. Иванова) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 40 — 60

© Леонтьев А. П., 2025

Scientific article

THE CHUVASH COLLECTIONS IN THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM (THE CORRESPONDENCE BETWEEN H. V. NIKOLSKY AND A. S. IVANOV)

A. P. Leontiev

Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russia
alexej.leontjew2014@yandex.ru

Abstract. The publication covers one of the activities of the Chuvash ethnographic science founder N. V. Nikolsky. The activity related to the collection of cultural and everyday objects, sacred objects of Chuvash traditional religion and their transfer to the Russian Ethnographic Museum (REM) has been revealed. The role of the priest's work A. S. Ivanov has been underlined. The research has been conducted based on published works and archival materials, the latter were the first to be introduced into the scientific turnover. The principles of historicism and objectivity, the principles of historiographical tradition and systematicity have been applied. The research methods such as factual, descriptive and analytical have been used. The article chronologically analyses the cooperation of N. V. Nikolsky and A. S. Ivanov with the REM. Nikolai Vasilyevich being an established ethnographer was knowledgeable person in the field of collecting ethnographic objects and transferring them to museums. He was familiar with the experience of I. N. Smirnov, a well-known historian and ethnographer, the author of monographic studies on the Cheremis (Mari), the Votyaks (Udmurts), the Permyaks (Komi) and the Mordva, the professor at Kazan University. In 1902 — 1903 Ivan Nikolaevich transferred about 1110 works of ornamental art and everyday objects of the Chuvash people to the REM. He calls them 'old folk, original, beautiful', and they are scrupulously described in a separate catalogue published by the REM. N. V. Nikolsky being the first Chuvash professional ethnographer paid much attention to the subjects of culture, everyday life and beliefs of his tribesmen in the context of their departure from the traditional way of life. Following Professor I. N. Smirnov, Nikolai Vasilyevich closely collaborated with the REM, the main treasury of ethnographic collections. The priest A. S. Ivanov, known for his contribution to Chuvash ethnography, was also actively engaged in collecting the exhibits for the REM.

Keywords: N. V. Nikolsky, I. E. Efimov, A. S. Ivanov, the objects of Chuvash antiquity, the Russian Ethnographic Museum

For citation: Leontiev A. P. The Chuvash Collections in the Russian Ethnographic Museum (The Correspondence between N. V. Nikolsky and A. S. Ivanov) // Modern humanities. 2025;1(1):40 — 60

**РАҢҖЕЙ ЭТНОГРАФИ МУЗЕЙӢНЧИ
ЧӢВАШ КОЛЛЕКЦИЙӢСЕМ ҢИНЧЕН
(Н. В. НИКОЛЬСКИПЕ А. С. ИВАНОВ
ҢЫРӢВӢСЕН ЙӢРӢПЕ)**

А. П. Леонтьев

ЧӢваш патшалăх гуманитари аслăлăхӢсен институтӢ,
Шупашкар хули, Раҗсей
alexej.leontjew2014@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра чӢваш этнографи аслăлăх никӢслевӢсин Н. В. Никольскин Ӣҗ-хӢлӢн җул-йӢрӢсенчен пӢри — вӢл чӢваш культурипе йӢлин япалисене тата авалхи тӢнӢн сӢваплӢ япалисене пухни, вӢсене Раҗсей этнографи музейне (РӢМ) пани, җавӢн пекех А. С. Иванов священикӢн җак сферӢри ӢҗӢсем җинчен сӢмах пырать. ТӢпчеве пичетленсе тухнӢ Ӣҗсемпе архив материалӢсен никӢсӢ җинче пурнӢҗланӢ, архив җӢл куҗӢсене аслăлăх җаврӢнӢшне пӢрремӢш хут кӢртнӢ. ИсторилӢх, объективлӢх, историографи традици-йӢсемпе системӢлӢх принципӢсемпе, тӢпчевӢн фактологи, җырса кӢтарту тата аналитика меслечӢсемпе уҗ курнӢ. Материалта Н. В. Никольскипе А. С. Иванов РӢМпа җыхӢну тытнине хронологи йӢркипе тишкернӢ. ТӢпреп илсен — Никольский Ӣҗ-хӢлне, мӢнӢӢн тесен вӢл хӢйӢн кулленхи ӢҗӢнче, йӢркеленсе җитнӢ этнограф пулнӢран, этнографи япалисене коллекцилемелли, вӢсене музейсене еплерех памалли майсене тӢплӢ пӢлнӢ. ПаллӢ историк, этнограф, җармӢссем (марисем), вотяксем (удмуртсем), пермяксем (комисем) тата мордвасем җинчен кӢларнӢ монографи тӢпчевӢсен авторӢ, Хусан университетӢн профессорӢ И. Н. Смирнов коллекцилес Ӣҗре пухнӢ опыт Николай ВасильевичӢн җӢнӢлӢх пулман. Иван Николаевич 1902 — 1903 җулсенче РӢМа чӢвашсен орнамент ӢнерӢн произведенийӢсене тата йӢла япалисене панӢ — пӢтӢмпе 1110 яхӢн, вӢсене вӢл җапла хакланӢ: «халӢхӢн оригиналлӢ, хитре аваллӢхӢ», кунсӢр пуҗне, җав япаласене РӢМ кӢларнӢ уйрӢм каталога тӢплӢн җырса кӢтартнӢ. ЧӢвашсен пӢрремӢш профессионал этнографӢ Н. В. Никольский йӢхташӢсен культура, йӢла, тӢн япалисене пыҗӢка хурса хакланӢ, пушших те — вӢсем пурнӢҗӢн традици йӢла-йӢркинчен тухса пынӢ чухне. И. Н. Смирнов җулӢпе пырса Николай Васильевич РӢМпа — этнографи коллекцийӢсен тӢп управ-пухмачӢпе — активлӢн җыхӢну тытнӢ. РӢМ валли экспонатсем пуҗтарас енӢпе А. С. Иванов священик та пуҗаруллӢн ӢҗленӢ, вӢл чӢваш этнографине паллӢ тӢпе хывнине асӢнса хӢвармалла.

ТӢп сӢмахсем: Н. В. Никольский, И. Е. Ефимов, А. С. Иванов, чӢваш аваллӢхӢн япалисем, Раҗсей этнографи музейӢ

ЦитатӢлама: Леонтьев А. П. Раҗсей этнографи музейӢнчи чӢваш коллекцийӢсем җинчен (Н. В. Никольскипе А. С. Иванов җырӢвӢсен йӢрӢпе) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 40 — 60

Введение

В подготовленном этнологом А. К. Салминым² каталоге-описании приводятся архивные источники и музейные коллекции многих архивных учреждений и музеев Санкт-Петербурга, в том числе РӢМ, где хранятся предметы чувашской культуры и быта, одежды. «Диапазон временного охвата — 300 лет, с XVIII по XX в., — отмечает автор. — В каталоге отражены фонд, опись, номер дела, содержание рукописи, карты, предметы или фотографии, год фиксации источника, количество листов в деле» [4, с. 161]. Небезынтересно узнать, что экспонаты

² Салмин Антон Кириллович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

данного рода хранились и в Кунсткамере, но часть из них сгорела на пожаре 5 декабря 1747 г., среди которых, в частности, «фаты черемисские, мордовские и чувашские [неразборчиво], называемые... Синяя чувашская шапка с серебряною маковкою...» [4, с. 164]. В другой статье А. К. Салмин сообщает, что в XVIII в. в Кунсткамере хранилось более 20 свадебных платков народов Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Основной состав был привезен из экспедиции Д. Г. Мессершмидта³. К сожалению, большинство из них также сгорело во время пожара 1747 г. «Но рисунки с них сохранились, — продолжает исследователь. — Атрибутировать этническую принадлежность предметов одежды из коллекции первых десятилетий XVIII в. очень трудно, часто просто невозможно. Объясняется это тем, что народы Волго-Камья (татары, чуваша, мордва, марийцы) — наследники традиционной культуры Волжской Булгарии. Заметные субстраты булгарской культуры встречаются и в культурах башкир, бесермян, коми, манси, удмуртов и хантов». Отсюда, полагает А. К. Салмин, неточности в определении этнической принадлежности предметов [5, с. 115].

Что касается РЭМ, с 1895 по 1902 г. функционировавшего под названием «Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III», то сведения о «чувашских коллекциях», притом весьма обширных, мы находим в Рукописном фонде профессора Н. В. Никольского в НА ЧГИГН.

Материалы и методы

В основе исследования — изданные работы и архивные материалы. О чувашских коллекциях в РЭМ в своей книге рассказывает искусствовед А. А. Трофимов [6]. Однако в ней отсутствует информация о переписке Н. В. Никольского с РЭМ. В нашей статье этот документ впервые вводится в научный оборот. Применены принципы историзма, объективности, историографической традиции и системности. Использованы методы исследования: фактологический, описательный и аналитический. Фактологическим методом обобщены результаты анализа информации в изданных научных трудах и других публикациях, а также в архивных источниках, касающихся вклада Н. В. Никольского в коллекционирование и передачу чувашских этнографических предметов в РЭМ. Описательный метод был применен для первичного анализа выявленных источников и их характеристики. Аналитический метод способствовал усвоению новой информации о сотрудничестве чувашских исследователей, в частности, Н. В. Никольского, с известным музеем, о влиянии профессора И. Н. Смирнова на собирательное дело чувашского этнографа.

Результаты исследования и их обсуждение

В одном из приведенных ниже писем Н. В. Никольский, пока еще преподаватель Казанской инородческой учительской семинарии (КУС) (магистром богословия он станет в 1913 г., а доктором истории — в 1916 г.), просит о высылке ему каталога коллекций по этнографии чувашей, чтобы «не делать приобретений

³ Мессершмидт Даниэль Готтлиб (16 сентября 1685, Данциг — 25 марта 1735, Санкт-Петербург) — немецкий медик и ботаник на русской службе, один из сподвижников Петра I по исследованию России. Руководитель первой научной экспедиции в Сибирь, родоначальник русской археологии, открыл петроглифы. Во время экспедиции собирал и этнографические материалы, в том числе предметы быта и религии финно-угорских и тюркских народов. Большая часть материалов и коллекций Мессершмидта погибла во время пожара в здании Кунсткамеры в 1747 г. — Мессершмидт Даниэль Готтлиб // РУВИКИ: [сайт]. 2025. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki> (дата обращения: 24.01.2025).

таких, которые уже сделаны, например, покойным профессором Казанского Императорского университета И. Н. Смирновым и своевременно представлены им». Поскольку нами издана отдельная статья об этом выдающемся исследователе финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, так как в своих работах он немало места уделял и чувашам, лишь скажем: Иван Николаевич совершил настоящий научный подвиг (между прочим, до сих пор неоцененный), собрав уникальную коллекцию чувашских этнографических предметов⁴.

Этнографический отдел, как видим из переписки, 3 июня выслал Н. В. Никольскому следующие номера из своих «чувашских» коллекций: 88, 92, 94, 100, 116, 176, 177, 178, 179, 180, 203, 279, 363, 401, 674, 797, 913, 967, 968, 991. Николай Васильевич этот каталог включил в 117-й том своего Рукописного фонда. В отделе I НА ЧГИГН, где хранится этот фонд, указанный том обозначен как единица хранения 256, и содержание коллекции занимает страницы 189 — 481; текст машинописный; названия предметов с кратким их описанием, указанием населенного пункта, где они приобретались, а также частью — с указанием времени изготовления. Это — не копия каталога, а оригинал, отпечатанный на мелованной бумаге золотистого цвета, и, по всей вероятности, экземпляр ограниченного тиража, чем он и ценен. Не все коллекции собраны И. Н. Смирновым, однако ему принадлежат самые многочисленные — № 88 (92 предмета), 176 (66 пр.), 177 (405 пр.), 178 (69 пр.), 179 (104 пр.), 180 (200 пр.), 203 (55 фотоснимков), 279 (228 пр.), 401 (44 пр.). Коллекции в РЭМ представлены в 1902 — 1904 гг. Таким образом, профессор немалую часть последних трех лет своей короткой жизни (умер в 1904 г. в 49-летнем возрасте) посвятил сбору предметов быта, одежды, хозяйства и верований чувашей.

Можно сказать, что Н. В. Никольский, начав сотрудничество с РЭМ, продолжил дело одного из своих учителей⁵. Неким толчком к сотрудничеству с музеем стало, возможно, обращение в Совет ОАИЭ учителя Таутовского земского училища Ядринского уезда Казанской губернии И. Ефимова по вопросу «приобретения у него за 168 рублей коллекции старинных принадлежностей костюма чуваш[ей]...». 5 мая 1910 г. совет постановил «уведомить о сем предложении [действительного члена ОАИЭ] Н. В. Никольского, отправляющегося наступающим летом в экскурсию для изучения быта чуваш[ей] Ядринского уезда»⁶.

В итоге «Каталог старинных принадлежностей костюма чуваш[ей] частью Ядринского уезда Казанской губернии и частью Курмышского уезда Симбирской губернии, составленный учителем Таутовского земского училища Ядринского уезда И. Ефимовым», вместе с предметами оказался у Н. В. Никольского. В предисловии составитель отмечает: «...у нас, в чувашском народе, да и, наконец, вообще в непросвещенной массе народов, памятники народного твор-

⁴ Подробнее см. в публикации: Леонтьев А. П. О чувашских коллекциях профессора И. Н. Смирнова в Российском этнографическом музее // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5. № 4. С. 126 — 141. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-127-143.

⁵ Будучи студентом Казанской духовной академии, Николай Васильевич в 1899 — 1903 гг. прослушал курс историко-филологического факультета Казанского университета, в том числе лекции И. Н. Смирнова. А в 1919 г. по его инициативе Совет Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете постановил переиздать 4 книги выдающегося финно-угроведа о черемисах, вотяках, пермяках и мордве; данный проект не был осуществлен, очевидно, прежде всего, из-за нехватки финансовых средств.

⁶ Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ за 1910 г. // Приложение к «Известиям ОАИЭ». Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 13.

чества, носящие отпечаток самобытности: резьба всех родов, домашняя утварь, принадлежности костюма и т. д., благодаря ненужности <...> уничтожаются с поразительной быстротой. Все эти вещи со временем должны бы оказать науке громадную услугу в деле изучения народа. В один десяток лет, пропущенный без внимания сведущих в этой области людей, наука теряет неоценимые памятники старины. У чуваш[ей] на соби́рание вещей подобного рода обращено до сих пор очень мало внимания, вследствие чего невосвратно исчезли много очень ценных старинных вещей. Желая по мере возможности оказать хотя бы очень и очень малую услугу делу сохранения старинных вещей, у меня возникла мысль собирать таковые вещи родного мне народа чуваш...»⁷. (Как поразительно схожи эти размышления И. Ефимова с мыслями профессора И. Н. Смирнова, который в 1902 г. в письме заведующему Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III Д. А. Клеменцу с нескрываемой грустью отмечает: «...старина — народная, оригинальная, красивая — тает с каждым годом. Я ездил к чувашам и черемисам 12 лет тому назад, ездил в прошлом году... и перемену нашел огромную: вещей, которые раньше можно было встретить чуть ли не в каждом доме, не удавалось добыть в целой деревне. Пройдет еще 10 лет, и многого вроде того, что я Вам послал, может быть, нельзя уже будет достать или придется затрачивать очень много [времени] на расспросы и поиски» [2, с. 12].)

Текст датирован 15 июня 1910 г. По всей вероятности, к составлению предисловия руку приложил Н. В. Никольский, он же помог И. Ефимову оформить надлежащим образом описание предметов коллекции. И вообще, на наш взгляд, в этом деле инициатором являлся Николай Васильевич, так как И. Ефимов это — Илья Ефимович Ефимов (будущий классик чувашской литературы Илле Тхти), окончивший в 1908 г. КУС. После назначения преподавателя истории Ф. Н. Никифорова инспектором народных училищ Козьмодемьянского и Ядринского уездов Н. В. Никольский в 1906 г. был принят на должность преподавателя истории и наставника учительской семинарии [1, с. 38]. Общеизвестный факт: Николай Васильевич всех своих учеников привлекал к сбору этнографических и фольклорных материалов, тому свидетельство — его уникальный Рукописный фонд. Еще в 1905 г., на втором году обучения в КУС, И. Е. Ефимов по просьбе Н. В. Никольского записал в чувашских деревнях и представил исследователю около десятка мифов и преданий [3, с. 6]. Поэтому смеем предположить, что направленный учительствовать в с. Таутово И. Ефимов не прерывал связь с наставником, постоянно получал от него дельные советы.

Вернемся к коллекции. На титульном листе каталога Н. В. Никольский оставил две записи: «Все это представлено в Рус[ский] музей Имп[ератора] Ал[ександра] III» [без даты]; «Пятьдесят рублей получил И. Ефимов. 14 июня 1910 г.». Здесь же запись И. Ефимова: «Тридцать восемь (38) рублей получил учитель Илья Ефимов. 20 июля 1910 г.»⁸. [Поэтому не стоит удивляться тому, что сельский учитель в 1911 г. издал в Казани подряд две книги: первая — «Тавăт, Мĕлĕш, Шурас юррисем» (Таутовские, мелешские, шурасские песни), вторая — «Хураç».] Разумеется, Илья Ефимович совершил большой объем работы: ездил по населенным пунктам; находил людей, кто мог бы продать или подарить ему те или иные

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 206. С. 18.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 206. С. 17.

предметы; занимался их описанием. Среди сел и деревень: деревни Шерашево (Шураç), Хирлеппоси (Хирлеппуç-Мёлёш), Ходяково (Хитекушкăнь), Торопкасы (Торăпкасси), с. Большая Выла (Мăн Выла) Аликовской волости Ядринского уезда, деревни Атмалкасси (Выла), Охверкино (Ухверкеяль), Большие Токташи (Мăн Тукташ), Малые Токташи (Кёçён Тукташ), села Раскильдино (Ураскилт), Штанаши (Штанаш) Атаевской волости Курмышского уезда, с. Алдиарово (Эльпуç) Архангельско-Янтиковской волости Цивильского уезда.

Коллекция состоит из 222 «экземпляров», — так называет их собиратель. По-видимому, заходя зная, что музей не будет приобретать один и тот же предмет в большом количестве, Н. В. Никольский часть сурбанов, масмаков и *сарă* оставил И. Ефимову. В собственноручно составленном списке Н. В. Никольского всего 205 предметов. В начале списка — запись Николая Васильевича: «Список предметов, доставленных Н. В. Никольским в музей И[мператора] Александра III в 1911 году»⁹. Однако РЭМ приобрел всего 120 предметов, среди непринятых — те же сурбаны, масмаки и *сарă* и др. вещи. Возможно, часть из них Николай Васильевич 22 января 1915 г. передал Казанскому городскому музею (уж точно не возвращал обратно И. Ефимову), в списке «чувашских принадлежностей»: сурбаны, *сарă*, фартук, шульгеме, нашейные украшения¹⁰.

Научное описание предметов, надо полагать, было осуществлено И. Ефимовым, а затем отредактировано Н. В. Никольским, так как тексты в «каталоге коллекции» первого и «списке чувашских вещей» второго почти совпадают. Вот некоторые фрагменты: «*Кёне* (в русском произношении *кэбе*). Рукава и часть воротника вышиты черной, шерстяной, красной и желтой шелковой ниткой. Приобретено в д. Хирлеп Аликовской вол. Ядринского у. Казанской губ. Носили 70 лет тому назад»; «*карчăк калтакки* (по русскому произношению *карчэкъ калбаки*), шапка чувашской старухи. 120 лет»; «*туй тăваткалĕ* (*туй тьваткалэ*), свадебный четырехугольник, головное покрывало невесты. 300 лет»; «*сурпан* (*сурбан*) — головной убор замужней женщины. 80 лет»; «*масмак*, головной убор замужней женщины. 50 лет»; «*сарă*, женский убор, носимый на бедрах. 50 лет» и т. д.

Из первого письма Н. В. Никольского в РЭМ видно, что музей выделил собирателю 300 руб., которые он получил 29 мая 1910 г. Часть этой суммы и была израсходована для приобретения коллекции чувашских предметов от И. Ефимова. Оставшиеся деньги были использованы на покупку других вещей, среди них: «*йёрёховые бусы*, приносились в жертву вместо денег и животных»; «*сулу*, употребляемый для добывания огня»; «*архамаки* — лепные изображения животных, приносимых в жертву»; «старинные монеты, приносились в жертву божествам»; «*çатăрка* — трещотка, и ныне употребляют для отогнания злых духов, насылающих болезни»; «*кёреке курки* (*кереге курки*) — застольный ковш» и пр.

Наш рассказ был бы не полным, если не уделить внимания некоторым фрагментам книги искусствоведа А. А. Трофимова «Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII — XX вв.)». Алексей Александрович здесь вскользь упоминает, что «в 1910 — 1911 гг. ученым-тюркологом Н. В. Никольским было сдано в музей около 100 предметов быта и вышивки, коллекционированных в селениях Симбирской и Казанской губ.» [6, с. 26]. Факт, что эти предметы относятся именно к коллекции И. Ефимова, у нас сомнений не вызывает, так как

⁹ Там же. Ед. хр. 256. С. 497 — 505.

¹⁰ Там же. С. 362.

А. А. Трофимов далее конкретизирует: «Колл[екция] 3474 (89). (XIX — нач. XX вв.) Поступила в 1910 г. Собрана Н. В. Никольским по поручению Этнографического отдела музея. Место сбора — с. Раскильдино, Штанаши, д. Охверкино, Токташи, Атамалкасы Курмышского у. Симбирской губ. Представлены разнообразные виды женской одежды, украшений, свадебных принадлежностей. Среди вышитых предметов особое место занимают сурпаны верховых (инв. № 3474, 3 — 7)...» [6, с. 37 — 38]. Однако исследователь почему-то не называет населенные пункты Ядринского, Цивильского и Козьмодемьянского уездов, между тем именно там была собрана основная часть экспонатов.

Не ошибемся, если скажем, что А. А. Трофимов не был знаком с материалами т. 206 НА ЧГИГН (коллекция Ефимова — Никольского), в противном случае он не доверился бы словам Н[икиты Романовича] Романова (научного сотрудника ЧНИИЯЛИЭ), который писал, что «в июле 1910 г. И. Ефимов отвез в Питер и передал Русскому музею 222 предмета чувашской вышивки»¹¹. Повторяя эти слова, А. А. Трофимов искренне недоумевает: «Однако по неизвестной причине в инвентаризационных книгах музея коллекция поэта не значится» [6, с. 26]. По какой причине — мы уже выяснили, и не 222 предмета (см. приложение), а намного меньше. Притом в коллекции представлены не только вышивки, но и другие предметы чувашской культуры и быта.

А. А. Трофимов высоко оценивает вклад И. Н. Смирнова в сбор и передачу РЭМ чувашских этнографических коллекций. Но мы снова приходим к выводу: при этом А. А. Трофимов не обращался к т. 256 НА ЧГИГН, то есть описи коллекций профессора, и напомним: к одному из оригинальных (т. е. не копии) экземпляров отпечатанного на мелованной бумаге небольшого (тем и уникального) тиража, предназначенного для европейской публики¹².

Переписку с Русским музеем вел и А. С. Иванов, однако его устремления не увенчались особым успехом, так как в одно и то же время с ним с РЭМ плодотворно сотрудничали И. Н. Смирнов и Н. В. Никольский. Тем не менее музей выслал ему 60 руб. для собирания этнографических предметов чувашей Самарской губернии. Данная сумма была использована для приобретения «предметов из женских костюмов» и других этнографических целей, о чем собиратель заблаговременно проинформировал РЭМ.

Определенный интерес представляют «предметы по этнографии чувашей, полученных из антирелигиозного кабинета Ленинградского университета 19 ноября 1930 г.».

Заключение

Первый профессиональный чувашский этнограф Н. В. Никольский придавал огромное значение народоведческим коллекциям — систематизированному собиранию предметов культуры и быта, хозяйства, верований соплеменников. К этому делу он привлекал своих учеников по Казанской инородческой учительской семинарии, в частности, сельского учителя И. Е. Ефимова — будущего классика чувашской литературы Илле Тхти. Собранные им и переданные Н. В. Никольским

¹¹ Романов Н. И. Ефимов-Тăхтине асăнса // Тăван Атăл. 1958. 2 №. С. 93.

¹² Этот факт подтверждает особое отношение РЭМ к Н. В. Никольскому, очевидно, здесь не обошлось без протектирования со стороны известных казанских профессоров, например, одного из наставников молодого исследователя — профессора Н. Ф. Катанова, выпускника факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, председателя Общества археологии, этнографии и истории при Казанском университете.

предметы составляют существенный и достойный пласт среди экспонатов в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург). Этнограф и в дальнейшем активно сотрудничал с этой всемирно известной сокровищницей артефактов, о чем свидетельствуют архивные материалы в его Рукописном фонде в НА ЧГИГН.

Для современных этнографов значительную ценность представляет хранящийся в этом же фонде каталог коллекций профессора И. Н. Смирнова, изданный РЭМ и подаренный им чувашскому исследователю и коллекционеру.

Собиранием предметов чувашской старины занимались и другие подвижники, в том числе священник А. С. Иванов.

Автор считает необходимым издать под одной обложкой каталоги И. Н. Смирнова и Н. В. Никольского, которые, несомненно, стали бы бесценным научным источником для исследователей.

Далее — документы, подтолкнувшие нас обратиться к теме чувашских коллекций в РЭМ¹³.

Приложение

1.

Русский музей
Императора Александра III
2 июня 1910
Вход. № 633

В Русский музей Императора Александра III
преподавателя Казанской учительской семинарии
Николая Никольского

Заявление

Имею честь почтительнейше уведомить Русский музей Императора Александра III о том, что триста (300) рублей, высланные мне для собирания этнографических коллекций, мною сего года 29 мая получены.

При сем имею честь покорнейше просить о высылке мне каталога коллекций по этнографии чуваш, чтобы мне не делать приобретений таких, которые уже сделаны, например, покойным профессором Казанского Императорского университета И. Н. Смирновым и своевременно представлены им.

Преподаватель Казанской
учительской семинарии
Н. Никольский.
1910 года 30 мая

* * *

Казанская учительская семинария

3 июня высланы по распоряжению [заведующего Этнографическим отделом Русского музея] Н. М. Могилянского след. № стихов: 88, 92, 94, 100, 116, 176, 177, 178, 179, 180, 203, 279, 363, 401, 674, 797, 913, 967, 968, 991.

Делопроизводитель
Подпись неразборчива

¹³ Материал выписан в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1) научным сотрудником исторического направления ЧГИГН А. П. Леонтьевым 25 декабря 2018 г. Рукописный текст напечатан и сдан в НА ЧГИГН 10 января 2019 г., хранится: Отд. I. Ед. хр. 1135. Инв. № 11384. С. 1 — 36.

* * *

В Этнографический отдел Русского музея
Императора Александра III
преподавателя Казанских миссионерских курсов
Николая Никольского

Доклад о командировочной поездке
по чувашским селениям

В мае 1910 года я получил командировку как наставник Казанской учительской семинарии. Перемена положения (3 июля 1910 г.), однако, не помешала мне воспользоваться командировкой как в целях этнографических, так и в целях собирания коллекций, относящихся к быту чуваш.

Результатом этнографических наблюдений явился проверенный на местах «Краткий конспект по этнографии чуваш». Казань. 1911. IV + 114 стр., результатом работы по коллекционированию явились две посылки вещей на имя Русского музея Императора Александра III от июня 1910 года, января 1911 года, список коллекции при сем прилагается. «Конспект» же послан в Музей в феврале 1911 года.

Надеясь на благосклонное внимание Русского музея Императора Александра III к моему «Краткому конспекту по этнографии чуваш», в котором заключены мои этнографические наблюдения над чувашами, я позволю себе перейти к вопросу о своей работе по коллекционированию предметов чувашского быта.

На пути к осуществлению своей задачи я встретил очень много препятствий.

1) Всякая древняя вещь привлекала мое внимание. И чем сильнее было желание приобрести ее, тем упорнее стояли на своем чуваш, запрашивая невероятные цены, например, за № 40 запросили 15 руб., за № 95 — 10 руб.

2) Любопытные вышивки чуваш вовсе отказывались продавать на том основании, что эти вещи они считают «наследием отцов и прадедов», а следовательно, и их благословением.

3) Трудно было находить любопытные вещи ввиду существующего у чувашей недоверия к приезжему человеку в русском костюме. Только после продолжительной (сравнительно) беседы с ними о жизни они решались посвящать приезжего человека в свои новости и редкости; только удостоверившись в том, что приезжий не «для зла какого-либо» делает это, решались уступить, хотя недешево, просимую вещь.

Купленные вещи приходилось тут же отбирать и увозить с собой, иначе могли и раздумать, возратить деньги, а вещи потребовать обратно. Так, по крайней мере, было в Чистопольском уезде, где мною был намечен очень любопытный костюм женщины-чувашки, полный костюм для манекена, и оставлен до следующего приезда.

4) Некоторые вещи приходилось приобретать через посредство ловких парней, которые обыкновенно похищали у владельцев нужные мне вещи и брали «за храбрость» несколько серебряных рублей. Подобным образом были приобретены *аркамаки* и *йёрёховые бусы*. Как я ни стремился приобрести самого *йёрёха* и *чурбан*, употребляемый для поминовения усопшего, ничего не мог поделать.

«Храбрецы» в прочих случаях тут же опускали руки и отказывались от работы, боясь, с одной стороны, гнева «йёрёха», с другой, владельца последнего. *Йёрёх*, по чувашским понятиям, может наказать злокачественными болезнями, а владелец — побоями до смерти.

Видел я среди чуваш очень интересные конструкции: древние ручные мельницы, ковши, чаши, мебель, вышивки, медные дойники, колчаны, лук, стрелы, барабаны, древние гусли, пузыри и т. п. вещи, ценные для этнографии, но сумма (300 рублей) истощилась сделанными приобретениями, а на приобретение в долг я не имел полномочий.

Преподаватель Казанских миссионерских курсов
Николай Никольский.
1911 года, 20 февраля

* * *

**Список чувашских вещей, приобретенных преподавателем
Н. В. Никольским для Русского музея Императора Александра III
в 1910 г. и в начале 1911 г.**

№ 1 — 33, 51 — 53, 54 — 57: Казанская губерния;

№ 34 — 50, 58 — 63: Симбирская губерния

№	Названия вещей (посылка № 1 — 53)	Когда перестали носить Тому назад	За каким № представлен
1	<i>Кёпе</i> (в рус. произн. <i>кэбе</i>). Рукава и передняя часть воротника вышиты черной шерстяной, красной и желтой шелковой ниткой Приобретена в д. Хирлеп Аликовской вол. Ядринского уезда Казанской губ.	70 лет	1
2	<i>Кёпе</i> — рукава и передняя часть воротника вышиты черной и синей шерстяной ниткой, желтым и красным шелком, наплечник — красной ниткой. Куплена там же	90	2
3	<i>Кёпе</i> . Ее носила молодая замужняя женщина; рукава, передняя часть воротника вышиты шерстяной ниткой. Куплена там же	60	3
4	<i>Сурпан</i> (<i>сурбан</i>) — головной убор замужней женщины. Куплен там же	80	11
5	<i>Сурпан</i>	70	12
6	<i>Сурпан</i>	34	13
7	<i>Сурпан</i>	50	14
8	<i>Сурпан</i>	49	15
9	<i>Сурпан</i>	83	16
10	<i>Сурпан</i>	80	17
11	<i>Сурпан</i>	90	18
12	<i>Сурпан</i>	90	19, 21
13	<i>Сурпан</i>	90	23
14	<i>Сурпан</i>	70	20
15	<i>Сурпан</i>	55	22
16	<i>Сурпан</i>	100	24
17	<i>Сурпан</i>	200	25
18	<i>Масмак</i> , головной убор замужней женщины. В д. Хирлеп Аликовской вол.	50	153
19	<i>Сарӑ</i> , женский убор, носимый на бедрах	50	210
20	<i>Сарӑ</i> , купленный там же	50	98
Вещи, приобретенные в д. Таутовой Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии			
21	<i>Саппан</i> , фартук. Вышит белым, черным и медного цвета шелком	50	4
22	<i>Сарӑ</i> , женский убор	50	52

**Вещи, купленные в с. Большие Вылы Аликеровской
волости Ядринского уезда Казанской губернии**

23	<i>Сарă</i> — женский убор, носимый ныне на бедре	50	124
24	<i>Масмак</i> — головная лента, носимая ныне замужни- ми женщинами	50	152
25	<i>Саппан вёсё</i> — конец фартука		206
26	<i>Хул си</i> — наплечник для рубашки		207
27	<i>Сарă</i> — женский убор, носимый и ныне		214, 215, 217

**Приобретения, сделанные в д. Шораши Аликеровской
волости Ядринского уезда Казанской губернии**

28	<i>Саппан</i> — фартук, вышит нитками белого, черного, желтого и зеленого цвета	40 лет	5
29	<i>Саппан вёсё</i>	28	6
30	<i>Сарă</i> , носимый ныне чувашскими женщинами		31 — 37

**Приобретения, сделанные в д. Ходяково Аликеровской волости
Ядринского уезда Казанской губернии**

31	<i>Сарă</i> , носимый чувашскими женщинами		90 — 97
32	<i>Масмак</i> — женский головной убор		100

**Вещи, купленные в д. Торопкасы Аликеровской
волости Ядринского уезда Казанской губернии**

33	<i>Саппан вёсё</i> , носимый молодой замужней женщиной и девушками		188 — 189
----	---	--	-----------

**Приобретения, сделанные в д. Охверкино Атаевской
волости Курмышского уезда Симбирской губернии**

34	<i>Карчак калтакки</i> (по русскому произношению <i>кар- чэк калбаки</i>), шапка чувашской старухи	120 лет	7
35	<i>Туй тăваткалĕ</i> (<i>туй тăваткалэ</i>), свадебный четы- рехугольник, головное покрывало невесты	300 лет	9
36	<i>Сурпан</i> — головной убор	40	26 — 29
37	<i>Сарă</i>	30	82 — 89
38	<i>Масмак</i> — головной убор замужней женщины, но- симый и ныне		180 — 185
39	<i>Саппан вёсё</i>	75	199
40	Никому не известный в деревне узор. <i>Вышит очень давно, не ранее 1500 г. и не позднее 1600 г.</i>	350	205
41	<i>Сурпан</i>		35
42	<i>Сарă</i> — женский наряд	50	69 — 81
43	<i>Тёрё хутаçси</i> (<i>терэ худасси</i>) — мешочек для узоров и принадлежности для вышивок, вышит домашней шерстяной ниткой	60	200 — 203

**Приобретения, сделанные в с. Штанашево
Курмышского уезда Симбирской губернии**

44	<i>Çитар пичĕ</i> (<i>сидарь пичэ</i>) — свадебная наволочка для подушки	180 лет	10
45	<i>Туй пиçиххи</i> (<i>туй пизиххи</i>) — свадебный пояс у женщин + <i>саппан вёсё</i> , д. Атмалкасы и д. Токтамыш + образец вышивки, д. Атмалкасы	180	198 3474-36 3474-84

**Приобретения, сделанные в д. Токташи Атаевской
волости Курмышского уезда Симбирской губернии**

46	<i>Сарă</i> — женский убор, носимый на бедрах	38 — 51
47	<i>Масмак</i> — головной убор у чувашских женщин	169 — 179
48	<i>Туй пиçиххи</i> — свадебный пояс	50 лет 186
49	<i>Тёрё хутаçси</i> — мешочек для узоров	120 204
50	<i>Неизвестный узор</i>	200 лет 208
	+ 9 <i>масмаков</i> , д. Атмалкасы и д. Туры-Касы	3474; 2 — 33
	+ <i>туй пиçиххи</i>	3474-37
	+ <i>сарă</i> , д. Атмалкасы и д. Тури Вылы	3474;
		76/2 — 78/2

**Несколько вещей, приобретенных
в с. Алдиарово Цивильского уезда Казанской губернии**

51	<i>Сурпан пуçё варри</i> (<i>сурбан пузэ варри</i>) — срединная часть женского головного убора	209
52	<i>Пётермен сарă</i> (<i>педермень сара</i>) — неоконченный женской убор талии	218 — 219
53	<i>Кёне арки</i> (<i>кебэ арки</i>) — вышивка для края рубашки	220 — 222

**Названия вещей (посылки) от 1.1.10.1911
№ 54 — 63**

**Приобретения, сделанные в с. Ишаках
Козьмодемьянского уезда Казанской губернии**

- 54 *Йёрёховые бусы*. Приносились в жертву вместо денег и животных. *Йёрёх* — злое божество. Напускает болезни, коросты. Его нужно, по верованиям чуваша, чаще умиловать жертвами по указаниям *йумзи* (ведунa или знахарки). (Смотрите о нем в моем «Кратком конспекте по этнографии чуваш. Казань, 1911. С. 76.)
- 55 *Сулу*¹, употребляемый для добывания огня. Обыкновенно берут за один край, другим краем ударяют о камень. Последний держат вместе с быстро воспламеняемым «сўс». Носили *сулу* на поясе вместе с кошельком (ременным).
- 56 *Архамаки* — лепные изображения животных, приносимых в жертву. Продаются в Ишаках и Чебоксарах, но не открыто. Чувашин знает, к кому пойти за *архамаками*, но русскому очень трудно приобрести за очень большие деньги. *Архамаки* явились как стремление облегчить тягостные жертвоприношения. Если божествам (о них см. мой «Краткий конспект по этнографии чуваш». Казань, 1911. С. 70 — 80) приносить жертвы животными, то легко обратиться в нищего. Божества можно умиловать и одним подобием животных. *Архамаки* вполне достигают этих целей.
- 57 3468 — 618 *Старинные монеты* приносились в жертву божествам. Найдены на кирементных местах, в дуплах очень старых деревьев. В последних, по понятиям чуваш, обитают божества. Поэтому этих деревьев нельзя ни рубить, ни оскорблять какими-либо непристойными действиями. Судя по монетам, жертвоприношения делали в XVIII в. Самый страх перед кирементными монетами есть не что иное, как наследие XVIII в. (О жертвоприношениях см. мою брошюру: «Этнографический очерк Милюковича, писателя XVIII в., о чувашах». Казань, 1906).

¹ Сулу «огниво».

Приобретения, сделанные в Буинском уезде
Симбирской губернии

- 58 *Сатърка* — трещотка. В деревне Ендобы и ныне употребляют для отогнания злых духов, насылающих болезни. Обряд изгнания происходит в субботу пред Вербным воскресеньем. Молодежь собирается где-нибудь в деревне, сначала у околицы. Один держит трещотку, все остальные встают кругом его. Держа за рукоятку, чувашин описывает трещоткой круги, отчего получается неизобразимый шум. Все при этом говорят: «Чир-чёр кайтър!» (болезни пусть уйдут); затем начинается обход всех домов деревни; обитатели обычно выходят им навстречу. Свита человека, имеющего трещотку, берет с собой рябиновые прутья. В то время как трещотка работает, употребляются в дело и рябиновые прутья. Ими ударяют людей, скот, стены, говоря: «Чир-чёр кайтър!» (пусть уйдет болезнь). Обряд заканчивается за околицей. Там сжигают и трещотку, и рябиновые прутья.
- 59 3467-4 *Кёреке курки* (*кереге курки*) — застольный ковш. Служит для разливания пива. В настоящее время почти не встречается. Делал чувашин из села Новых Айбесей Буинского уезда из кленового леса в 1840 г.
- 60 3467-5 *Йёкёр курка* — двойной ковш. Употребляли во время угощения пивом. Когда пил сам хозяин, то отверстие внизу залеплялось мякишем хлеба, говоря при этом: «Здравствуй, гость, я пью из одной половинки, а другую оставляю тебе». Действительно, выпивал только одну половину. Затем отбирал мякиш, наливал пива и подавал гостю, прося его оставить одну половину другому. Но пиво протекало из полной половины, гость выпивал весь ковш. Как виноватому, ему наливали до 3-х раз. Он должен был все выпивать.
- 61 3467-1 *Чъм* — посуда для пива. Ставится на стол при гостях. Под столом стоит ведро с пивом, из которого понемногу наливают в эту посуду. В настоящее время употребляется редко. Сделан из липового дерева. Работали сначала на токарном станке, потом выдалбливали и вычищали инструментом «*карй*». Настоящий *чъм* сделан в 1840 г. в с. Новых Айбесях Буинского уезда Симбирской губернии.
- 62 3467-3 *Кёсён талпар* (*къзын талбар*) — малый талбар. На нем подавали гостям яйца, на середину клали соль, по бокам вычищенные и разрезанные пополам яйца. Когда на стол подавали блины, то талбар ставился гладкой стороной вверх. Настоящему талбару 100 лет. Работал чувашин села Балабаш-Баишево Буинского уезда Симбирской губернии.
- 63 3467-2 *Пысак талпар* (*пызык талбар*) — большой талбар. Подавали гостям кушанья. В середину накладывали вареное мясо, сыр, рыбу или самодельную колбасу (*шърттан*); на края клали куски хлеба, пирога, ватрушки. В настоящее время талбар не употребляется. Сделан в д. Чекуровый Буинского уезда Симбирской губернии.

Преподаватель Казанских миссионерских курсов
Николай Никольский.
1911 г., февраля 20 дня

* * *

Русский музей
Императора Александра III
Этнографический отдел
7 сентября 1911 г.
Вход. № 188.

Многоуважаемый Николай Михайлович [Могилянский]!

Мне известны чувашские женские головные уборы: *тухйа*, *хушпу*, *кёне*, *кёне сакки*, и чувашский идол *ирих* (явление редкостное). Последний представляет из себя обделанное топором дерево, с обозначением глаз, ушей. Стоит в переднем углу.

Его не продадут ни за какие деньги. Можно украсть. Но агенту придется уплатить рублей 5 за работу, за упаковку и пересылку столько же. Всего понадобится на приобретение всех поименованных вещей около 35 рублей. Если Музей согласен приобрести, я начну хлопоты по покупке помянутых вещей.

С совершенным почтением
Николай Никольский.
1911.15.VIII
Казань, Б.-Проломная ул.,
д[ом] Кузнецова, кв. 2

P.S. Я уже имел случай собирать коллекцию для Музея в 1910 г. Н. Н.

* * *

Русский музей
Императора Александра III
Этнографический отдел
27 октября 1911 г.
Вход. № 229

Многоуважаемый Николай Михайлович!

Обращаюсь к вам с усердной просьбой о нижеследующем:

1. В Уфимской губернии имеются интересные «ирихи» (главные изображения божеств у чуваш). К ним сделаны приспособления для жертвоприношений. Любопытны также коллекции костюмов уфимской чувашки. Все, вместе взятое, будет стоить около 40 рублей.

2. У меня имеются статистические данные о мордве, по крайней мере, 14 губерний Приволжья и Сибири (количество селений и сами селения с перечнем жителей, количество школ с указанием учащихся из мордвы).

Переписать и напечатать будет стоить около 100 рублей. Статистика относится к 1911 г.

3. Такого же характера сведения о *чувашах* (стоит будет около 100 рублей), о *вотяках* (около 75 рублей), о *татарах* — православных, мусульман и отступников (около 150 рублей).

Не возьмет ли Музей на себя издание этих рукописей?

Со своей стороны я находил бы в них большой смысл и прежде всего этнографический: они указывали бы исследователям, куда они должны направляться; лингвистический: географические названия должны занимать не последнее место в словарных работах; и общекультурный.

Если Музей отпустит средства, то я мог бы, печатая здесь, отсылал бы в СПб. корректурные листки для просмотра.

С почтением
Николай Никольский,
преподаватель Казанских
миссионерских курсов.
1911.23.X

* * *

Милостивый государь Николай Васильевич!

Ввиду того, что присланный Вами в музей в феврале 1911 г. список чувашских вещей, приобретенных Вами в 1910 г. и в начале 1911 г., не удовлетворяет принятой в Музее² отчетности, Этнографический музей покорнейше просит Вас повторить список вещей на прилагаемом бланке, проставив цены предметов и заполнить графы обложки, которые Вам известны.

² Далее неразборчиво.

Перечень предметов может быть снабжен лишь указанием № предмета без описания его и тех интересных примечаний, которые Вы уже сделали в присланном отделе списке.

Что касается письма Вашего от 23 октября с. г., то Музею было бы очень интересно узнать цену «ирихов» со сделанными к ним приспособлениями для жертвоприношения. Коллекция чувашских костюмов пока Музею не нужна, а работы по статистике Музей не издает.

Хранитель отдела К. Романов.
Делопроизводитель <подпись неразборчива>

РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 435.

2

**Переписка со священником А[нтонием] Ивановым
о собирании материалов по этнографии вотяков,
чувашей, мордвы в Самарской губернии**

*Начато: 12 октября 1907 г.
Кончено: 31 января 1912 г.
На 13 листах*

В Этнографический отдел Русского музея
Императора Александра III

Интересуясь этнографией инородцев Восточной России, имею честь покорнейше просить Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III не отказать выслать мне изданную им «Программу для собирания этнографических сведений об инородцах», а также другие издания по этнографии инородцев.

При сем имею честь препроводить в Этнографическое отделение Русского музея свой труд «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей о чувашах».

Бугульминский уездный наблюдатель
церковных школ священник Антоний Иванов.
Дата не указана

* * *

Открытое письмо [на открытке. — А. Л.]
В Санкт-Петербургский Этнографический отдел
Русского музея Императора Александра III

Имею честь покорнейше просить Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III не отказать выслать мне: 1) программу для собирания этнографических предметов; 2) устав отдела, если таковой издается; 3) отчеты и каталоги коллекций.

1903, сентябрь 8 дня.

Адрес:
Екатериновка Самарской губернии и уезда,
Село Нижняя Ивановка.
Священнику Антонию Иванову

* * *

Ваше Благословение, милостивый государь
Антоний Семенович!

К сожалению, в настоящее время я не могу сказать чего-либо определенного на счет Вашего предложения по собиранию библиографических материалов о чувашах. У нас имеется обширный многотомный труд по библиографии русской этнографии академика [Александра Николаевича] Пыпина, но он нуждается в дополнениях. Для выработки плана как самого издания, так и дополнений образована комиссия. Она определит необходимые

расходы на эту работу и сообразно с этим награждение лицам, которые возьмут на себя собрание по какому-либо отделу.

В настоящее время не знаем досконально, сколько названий книг и статей находится в отделах чувашских материалов. Было бы непрактично начинать работу, не зная, что сделано по ней.

Во всяком случае, когда комиссия постановит свое решение, выработает определенную формулу, об этом будет сообщено Вам и тогда будет гораздо легче для Вас и самый характер работы и размеры. Что касается записей песен и сказок, то теперь Вам необходима особая транскрипция для записей на инородческих языках. Если интересуетесь, я Вам достану и пришлю.

Зав. музеем Д. Клеменц.

* * *

В Этнографический отдел
Русского музея Императора Александра III

Возвращая при сем в Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III «Программу для собирания этнографических предметов» с сделанными мною дополнениями и замечаниями, имею честь сообщить в Этнографический отдел о своем желании содействовать заботам отдела. Мое содействие может заключаться:

1) в собирании этнографических предметов среди инородцев-чуваш разных местностей Самарской губернии, если будет возможность, и других губерний с чувашским населением; собирать все, что относится к быту, верованиям и культуре чуваш; снимать фотографические снимки с старинных домов, с священных рощ, киреметей, оврагов, кладбищ и т. п.; фотографические карточки типичных личностей, целых чувашских групп, чувашских свадеб и т. п.;

2) в записывании чувашских сказок, песен, преданий, пословиц, заговоров, наговоров, молитвословий, примет и пр.;

3) в описании быта, верований, обычаев и разных обрядов чуваш. Как вообще живут чуваш, чем занимаются, чем питаются, во что одеваются, во что веруют и пр. Образование чуваш, школы, учителя и священники из чуваш;

4) в собирании книг, журнальных и газетных статей по истории и этнографии чуваш и др. народов, книг на чувашском языке и на других инородческих языках;

5) в составлении указателей книг, журнальных и газетных статей по истории и этнографии чуваш и других инородцев.

На все это, конечно, нужно иметь много времени и немало средств. Если Этнографический отдел найдет возможным ассигновать известную сумму и распоряжение на покупку этнографических предметов, книг по этнографии, на разъезды по чувашским селениям для собирания этнографических предметов, для записи сказок, преданий, языческих молитвословий и пр., на уплату фотографу, за запись преданий, верований, обычаев чуваш, за составление указателей, вообще за письменные сообщения, по 5 — 6 рублей за рукописный лист, то я согласен принять на себя весь этот труд. Я сам из природных чувашей. Знаю чувашский язык и давно занимаюсь изучением быта своих соплеменников, состою членом-сотрудником по этнографическому отделу Императорского Русского географического общества, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Общества Русского исторического просвещения в память Императора Александра III.

Из напечатанных мною статей могу указать:

1) Чувашский праздник «Синьзя» (Известия Общества археологии, истории и этнографии);

2) Загробная жизнь по представлениям чуваш (Православный Благовестник за 1898 г., № 18 — 19);

3) Характер чувашских языческих молитвословий (Православный Благовестник за 1900 г., № 4, 5, 6);

4) Из истории христианского просвещения чуваш Самарской губернии (Православный благовестник за 1900 г., № 11 — 24, за 1901 г.);

5) Чувашские йомзи (Этнографическое обозрение за 1899 г., № 1 — 2);

6) Дневник инородческого священника (Самарские епархиальные ведомости за 1900 г.) и др. При сем прилагаю оттиски с двух своих статей.

В заключение имею честь покорнейше просить Этнографический отдел не отказать сообщить мне свое мнение по предложенному мною вопросу, а также не отказать высылать мне свои издания: программы, отчеты, уставы и пр.

1902 года сентября 22 дня,
Село Нижняя Ивановка,
Самарского уезда и губернии,
священник Антоний Иванов

* * *

Милостивый государь!

Ваше почтенное письмо я получил, за что приношу Вам глубокую благодарность. Вместе с тем пишу и профессору Ивану Николаевичу Смирнову. Уведомление о высылке мне 60 рублей для собирания этнографических предметов чуваш Самарской губернии я получил, деньги еще не получил, получу, по всей вероятности, на днях.

В первом своем письме я писал о многом. Мне весьма желательно знать, будут ли приняты этнографическими мои предложения относительно собирания чувашских сказок, песен, преданий, книги о чувашах, составление указателей книг и статей по истории и этнографии чуваш и др. Если будут приняты на сообщенных мною условиях, то я буду усердно заниматься этим делом. По моему мнению, Этнографическим отделом Русского музея, преследующего научные цели, положительно необходимо собрать, по возможности, все печатные и рукописные произведения по этнографии всех племен, обитающих в нашем обширном Отечестве. Если для Вас не будет затруднительно, то благоволите сообщить мне подробный отчет на мое первое письмо.

Я не имею печатной программы для собирания этнографических предметов, не откажите выслать мне программу.

С истинным почтением
и глубокой преданностью
остаюсь всегда готовый
по услугам Вашим
А. Иванов.
1902, октября 12 дня

* * *

В Этнографический отдел
Русского музея
Императора Александра III

Имею честь сообщить Этнографическому отделу Русского музея Императора Александра III, что я до сего времени не мог приобретать этнографические предметы по случаю своего перемещения из села Нижняя Ивановка Самарского уезда в город Бугульму Самарской губернии.

Нынче летом, в начале августа, я сделал из Бугульмы одну поездку в коренное чувашское село Туарму Бугульминского уезда, где приобрелись предметы из женских костюмов, а именно:

1) верхнее платье чувашки (№ 1) — 2 р. 50 к.

2) кальсоны женские (№ 2) — 0 р. 50 к.

3) сарф (привязывается сзади) (№ 3) — 1 р. 50 к.

4) четыре сурбана (повяз. чувашки голову) — 5 р. 50 к.

Кроме того, одним из местных фотографов по моему заказу сделана фотографическая карточка одного чувашского семейства деревни Старой Афонькиной за 1 руб. Карточка вышла незавидная.

Таким образом, за все предметы уплачены 11 рублей и на поездку в с. Туарму израсходованы мною 10 р. 80 к. (за 90 коп. туда и обратно, на 6 коп. за карету и пару лошадей). Кроме этого, на пересылку купленных этнографических предметов по почте 45 копеек. Все купленные предметы активированы для Этнографического отдела в почте.

При сем имею честь покорнейше просить Этнографический отдел не отказать сообщить мне о получении присылаемых вещей и выслать мне свои издания.

Священник Антоний Иванов.
Г. Бугульма Самарской губернии.
1903 г. октября 23 дня.

* * *

В Этнографический отдел
Русского музея
Императора Александра III

Желая доставлять в Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III записки о чувашах, вотяках и мордвах и разные фотографические снимки, имею честь обратиться в Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III с покорнейшей просьбой: не найдете ли возможным ассигновать известную сумму на соби́рание этнографических сведений о чувашах и других инородцах и на командировку и уплату фотографа для съемки разных групп и видов инородцев Бугульминского уезда.

В г. Бугульме имеется фотограф из чуваш, который охотно соглашается ездить по уезду для указанных дел, если будет выдано ему за это...³

Кроме сего, прошу Этнографический отдел не отказать выслать мне изданные им «Материалы по этнографии России», «Добывание огня у чуваш трением» и др.

При сем посылаю в Этнографический отдел составленную мною книгу «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах с 1756 по 1906».

Священник Антоний Иванов.
Декабря 24 дня 1911 г.

* * *

31 января 1912 г.
Его Высокопреподобию
Бугульминскому уездному наблюдателю
церковных дел Самарской
епархии священнику А. Иванову

Ваше Высокопреподобие!

Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III имеет честь довести до Вашего сведения, что поступившее от Вас в декабре прошлого года заявление с предложением услуг по соби́ранию коллекции среди чуваш, вотяков и мордвы Самарской губернии доложено было Совету отдела в заседании 14-го января 1912 г., причем Совет лишен был возможности воспользоваться Вашим любым предложением вследствие того, что среди указанных Вами этнографических материалов многие уже собраны для Музея другими лицами, и, таким образом, являются наиболее представленными в коллекциях Музея.

Что же касается просьбы вашей о выдаче Вам изданных Музеем «Материалов» по этнографии России, то просьба эта, к сожалению, не может быть удовлетворена Этногра-

³ Далее неразборчиво.

фическим отделом ввиду того, что означенное издание выпущено отделом в весьма ограниченном количестве и рассылалось бесплатно лишь различным ученым учреждениям, в числе коих находится и Самарская ученая археологическая комиссия.

Полученная при Вашем заявлении книга «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах с 1756 по 1906» имеется уже в библиотеке Этнографического отдела и, таким образом, присланный экземпляр является дуплетным.

Зав. отделом Н. М. Могилянский.
Делопроизводитель Н. Альбрехт

РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 289

3

**Опись предметов по этнографии чувашей, полученных
из антирелигиозного кабинета Ленинградского университета
19 ноября 1930 г.
Татарская Республика, Чистопольский кантон,
Новоадамовская волость, д. Атлашкино, 19.XI.30 г.**

Предметы чувашского культа:

1. Юба — надгробный памятник — 1 (две части)
 2. Шесты для подвешивания котла при жертвоприношении — 2
 3. Крюк для подвешивания котла — 1
 4. Палки для мешания в котле жертвенной пищи — 1
 5. Деревянные лопатки, найденные на кладбище — 4 (назнач.?)
 6. Надгробный памятник (сердечн.-лопата?) — 1
 7. Узкие столики ... — 2
 8. Йирих амбар[ный] — 1
 9. Йирих лошадиный (во дворе) — 1
 10. Змей употреб[ляются] при осенн[их]
 11. Трещотка празд[никах] — 2
- Итого — 16 предметов.

Н. Прытков

РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 341

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Димитриев В. Д. Н. В. Никольский — ученый, просветитель, общественный деятель / В. Д. Димитриев, А. П. Леонтьев, Г. Б. Матвеев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 303 с.
2. Кашпар Н. Ю. История формирования собрания свадебных платков и покрывал невесты // Чувашская вышивка: свадебные платки и покрывала из собрания Российского этнографического музея: альбом-каталог. Чебоксары: ЧНМ, 2023. 266 с.: ил.
3. Родионов В. Г. Илле Тăхти (пурнăçĕпе пултарулăхĕ) [Илья Тхти (жизнь и творчество)] // Илле Тăхти. Суйласа илнисем: сăвăсем, поэмăсем, калавсем, статьясем, ڤырусем [Илья Тхти. Избранное: стихи, поэмы, рассказы, статьи, письма]. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2009. 366 с.
4. Салмин А. К. Свадебные платки во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 3. С. 106 — 118.
5. Салмин А. К. Первоисточники о чувашах в фондах архивов и музеев Санкт-Петербурга // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 160 — 168.
6. Трофимов А. А. Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII — XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 152 с.: ил.

REFERENCES

1. Dimitriev V. D. N. V. Nikolsky is a scientist, an educator, a public figure / Dimitriev V. D., Leon-tev A. P., Matveev G. B. Cheboksary; 2011. 303 p. (In Russ.)

2. Kashpar N. Yu. The history of the formation of the collection of wedding shawls and veils of the bride // Chuvash embroidery: wedding shawls and quilts from the Russian Museum of Ethnography collection: album-catalogue. Cheboksary;2023:ill. (In Russ.)

3. Rodionov V. G. Ille Takhti (life and work) // Ille Takhti. Favorites: verses, poems, short stories, articles, letters. Shupashkar;2009. 266 p. (In Russ.)

4. Salmin A. K. Wedding shawls through time and space. Yearbook of Finno-Ugric studies. 2017;(3). Pp.106 — 118. (In Russ.)

5. Salmin A. K. The origins of the Chuvash in the collections of archives and museums of St. Petersburg . Vestnik of the Chuvash University. 2019;(4). Pp.160 — 168. (In Russ.)

6. Trofimov A. A. The art of Chuvash folk embroidery in Russian museums (XVII — XX centuries). Cheboksary;2007. 152 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025;
принята к публикации 03.02.2025

Информация об авторе:

Леонтьев Алексей Петрович, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, alexej.leontjew2024@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 15.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 03.02.2025

Information about the author:

Alexey P. Leontiev, senior researcher at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, alexej.leontjew2014@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 15.01.2025 ситнӗ; рецензиленӗ хыççӑн 27.01.2025 ырланӑ;
03.02.2025 пичете йышӑннӑ

Автор сӑнчен:

Леонтьев Алексей Петрович, Чӑваш патшалӑх гуманитарни
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗстешӗ
(428015, Раççей, Шупашкар, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, alexej.leontjew2024@yandex.ru
Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ал сӑрайӑн юлашки вариантин вӑласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(470.4)"15/16"
ББК 63.3(235.44)4

Научная статья

ЧУВАШСКО-МОРДОВСКОЕ СОСЕДСТВО В ВОЛГО-СУРСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVI — XVII ВЕКАХ: РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ

С. В. Охотникова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия,
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Аннотация. В XVI — XVII столетиях, особенно после вхождения территории Казанского ханства в состав Русского государства, возможности поволжских народов для расселения на новых землях значительно расширились. Активные переселенческие процессы, происходившие на территории Волго-Сурского междуречья в этот период, стали причиной формирования новых межэтнических связей и контактных зон чувашского и мордовского населения. Исследование данных контактных зон и является целью настоящей статьи. Работа написана на основе широкого круга источников, включающего в себя опубликованные писцовые материалы, топонимические и археологические данные. Статья базируется на научных принципах историзма, объективности и системности. Автором были применены историко-генетический и историко-системный методы. В первой половине XVI в. территорией интенсивных чувашско-мордовских контактов являлись земли, вошедшие позднее в состав Свияжского уезда. С середины XVI столетия прослеживается постепенное движение чувашей и мордвы из северных и центральных муниципальных округов современной Чувашии в ее южные муниципальные округа. Конец XVII в. ознаменовался уходом преобладающей массы мордвы с территории Чувашского края и сохранением точечных контактных зон в южных районах республики. Автор приходит к выводу, что происходившие в XVI — XVII вв. на территории Волго-Сурского междуречья активные переселенческие процессы не способствовали складыванию устойчивых межэтнических связей между чувашским и мордовским населением.

Ключевые слова: расселение, контактные зоны, чуваша, мордва, Волго-Сурское междуречье

Для цитирования: Охотникова С. В. Чувашско-мордовское соседство в Волго-Сурском междуречье в XVI — XVII веках: расселение народов и контактные зоны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 61 — 76

© Охотникова С. В., 2025

Scientific article

CHUVASH-MORDVIN NEIGHBOURHOOD IN THE VOLGA-SURA INTERFLUVE IN 16TH — 17TH CENTURIES: SETTLEMENT OF PEOPLES AND CONTACT ZONES

C. V. Okhotnikova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia,
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Abstract. In 16th — 17th centuries the Kazan Khanate became a part of the Russian state thus the possibilities of the Volga peoples to settle in the new lands expanded considerably. Active resettlement processes took place on the territory of the Volga-Sura interfluvium during

this period caused the formation of new interethnic relations and contact zones of the Chuvash and Mordvin populations. The purpose of this article is to study new contact zones. This paper includes a wide range of sources including published cadastres, toponymic and archaeological data. The article is based on the scientific principles of historicism, objectivity and systematicity. The author applied historical-genetic and historical-systemic methods. In the first half of the XVI century the territory of intensive Chuvash-Mordvin contacts were the lands which later became a part of Sviyazhsky district. Since the middle of 16th century, a gradual movement of the Chuvash and Mordvins could be traced from the northern and central municipal districts of modern Chuvashia to its southern municipal districts. The end of 17th century was marked by the departure of the Mordva predominant mass from the territory of the Chuvash region and the preservation of point contact zones in the southern districts of the republic. The author concludes that the 16th — 17th centuries were characterized by active migration processes on the territory of the Volga-Sura interfluvium which did not contribute to the development of stable interethnic ties between the Chuvash and Mordvin populations.

Keywords: settlement, contact zones, the Chuvash, the Mordvins, the Volga-Sura interfluvium

For citation: Okhotnikova S. V. Chuvash-Mordvin neighbourhood in the Volga-Sura interfluvium in 16th — 17th centuries: settlement of peoples and contact zones // Modern humanities. 2025;1(1):61 — 76

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШСЕМПЕ МОРДВАСЕН АТĂЛПА СĂР ЮХАН ШЫВЁСЕН ХУШШИНЧИ XVI — XVII ЁМЁРСЕНЧИ КЎРШЁЛЁХЁ: ХАЛĂХСЕМ ВЫРНАССА ТУХНИ ТАТА ХУТШĂНУ ВЫРĂНЁСЕМ

С. В. Охотникова

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтё,
Шупашкар хули, Раççей
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Аннотаци. XVI — XVII ёмёрсенче, уйрăмах Хусан ханлăхён территорийё Вырăс патшалăхне кёнё хыççăн, Атăл тăрăхёнчи халăхсен сёнё сёрсем сине вырнаçма майсем чылай анлăланнă. Çак тапхăрта Атăл-Сăр чиккисен территорийёнче пулса иртнё активлă куçăм процесёсем чăваш тата мордва халăхёсен сёнё хутшăнăвёсене, вёсен контакт вырăнёсене йёркеленин сăлтавё пулса тăнă. Çак статья тёллевё — асăннă контакт вырăнёсене тёпчеси. Ёёе пичетленнё сыру материалёсен, топонимика тата археологи кăтартăвёсен анлă сăл куçёсен никёсё сінче сырнă. Статья аслăлăхăн историлёх, объективлăх тата системăлăх принципёсем сінче никёсленет. Автор истори-генетика тата истори-системăлăх меслечёсемпе усă курнă. XVI ёмёрён пёрремёш сурринче чăвашсемпе мордвасен интенсивлă контакчёсен территорийёсем каярахпа Сёве уесне кёнё сёрсем пулнă. XVI ёмёр варринчен чăвашсемпе мордвасем хальхи Чăваш Енён сурсёр тата тёп муниципалитет округёсенчен кăнтăр муниципалитет округёсене майёпен куçса пыни палăрать. XVII ёмёр вёсё мордвасем Чăваш Ен территорийёнчен йышлăн куçа-куçа кайнипе тата республикăн кăнтăр районёсенче уйрăм контакт зонисем сыхланса юлнипе палăрса тăрать. Автор сăп-ларах пётёмлету патне пырса тухать: XVI — XVII ёмёрсенче Атăлпа Сăр хушшинчи тер-ритори-ре пулса иртнё активлă куçăм процесёсем чăваш халăхёпе мордва халăхё хушшин-че сирёп сыхăну йёркелеме май паман.

Тёп сăмахсем: вырнаçса тухни, контакт вырăнёсем, чăвашсем, мордвасем, Атăлпа Сăр юхан шывёсен хушши

Цитатăлама: Охотникова С. В. Чăвашсемпе мордвасен Атăлпа Сăр юхан шывёсен хушшинчи XVI — XVII ёмёрсенчи кўршёлёхё: халăхсем вырнаçса тухни тата хутшăну вырăнёсем // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 61 — 76

Введение

Среднее Поволжье, являясь одним из полиэтнических и мультикультурных регионов нашей страны, в прошлом и настоящем является территорией существования этноконтактных зон. Целью данной статьи является проведение анализа формирования и развития ареала чувашского и мордовского населения на территории Волго-Сурского междуречья в XVI — XVII вв. на основе комплексного изучения письменных, фольклорных, археологических и языковых источников. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что анализ исторического опыта существования территорий межэтнического взаимодействия необходим для адекватного понимания современности и объективной оценки текущих тенденций межнациональных отношений.

Вопросы расселения чувашей и мордвы в разные исторические периоды, формирования чувашско-мордовских связей давно находятся в сфере внимания историков [4; 6], этнологов [11; 13], археологов [9; 12] и лингвистов [20; 22]. Заметные работы по данной проблематике были опубликованы и в последние годы [10; 16; 19]. Однако комплексного исследования чувашско-мордовских этноконтактных зон на территории Волго-Сурского междуречья в XVI — XVII вв. ранее не проводилось. В данной статье вопросы расселения народов рассмотрены лишь в той степени, в которой они способствуют выявлению и анализу их контактных зон.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются, главным образом, опубликованные писцовые описания Алатырского и Свияжского уездов XVI — XVII вв., приходно-расходные книги Симбирского уезда, а также топонимические и археологические данные. При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности. Для раскрытия темы автором использован историко-генетический метод, позволивший провести анализ миграций и изменений в расселении чувашей и мордвы. Историко-системный метод задействован при систематизации факторов, оказавших влияние на их соседство.

Результаты исследования и их обсуждение

К началу XVI в. наиболее многочисленная часть чувашей компактным массивом была расселена на правобережье Волги в междуречье Аниша, Кубни и Свияги, другая — далеко не малочисленная — сконцентрировалась на левобережье Волги в Заказанье. В административно-территориальном отношении к концу XVI в. чувашское население Чувашского края проживало на территории Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Козьмодемьянского, Свияжского, Кокшайского уездов. Чуваша, проживавшие в юго-восточных селениях края, образовавшихся в результате переселения из северных районов, в 1648 г. вошли в состав созданного Симбирского уезда [11, с. 121 — 122].

К концу XV в. основная масса мордовского населения находилась в составе Московского государства. Другая его часть проживала в пределах Казанского ханства, так как правители принудительно переселили мордовских крестьян на правобережье Волги для обработки своих дворцовых земель. Описывая этнический состав населения Казанского ханства, князь А. М. Курбский в 1552 г. отмечал: «...кроме Татарска языка, в том царстве 5 различных языков: Мордовский, Чувашский, Черемисский, Воитецкий або Арский, пятый Башкирский»¹. В это

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском (извлечение из «Сочинений князя Курбского»). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. С. 73.

время отмечалось проживание мордвы-мокши в междуречье Волги и Свияги, а также расселение мордвы-эрзи по всему течению р. Суры, являвшейся западной границей ханства [10, с. 7].

Писцовая и межевая книга г. Свияжска и Свияжского уезда 1565 — 1567 гг. о проживании мордвы говорит в прошлом времени, относя его к периоду «до Казанского взятия», то есть до падения Казани. В указанной писцовой книге почти на всей территории, входившей тогда в Свияжский уезд, были отмечены бывшие земельные участки мордвы — «порозжие мордовские земли», располагавшиеся по Свияге, ее притоку Анчигиру, по Кубне, Уте и Аре, а также в бассейне Цивилия.

Всего писцами было зафиксировано более 20 заброшенных мордовских поселений:

1) к с. Новой дикое поле между рек Бувы и Асановы приписана порозжая мордовская земля, «что была изменникова Девлизера татарина», затем эту землю пахали татары и чуваша из д. Ачасыры, позднее стала помещьем князя Андрея Ивановича²;

2) к д. Ларина на р. Кутолме (Кутельме) приписаны порозжие пустые земли на правой стороне против д. Белой Воложки, «а пахали ту землю наездом мордва сурская, а иные розошлись по своим старым землям, а ту землю покинули», после них проживали русские крестьяне, платившие оброк, затем стала помещьем князя Никиты Ростовского по соседству с чувашским селом Бекшеихова³;

3) д. Луба на речке Аре основана на бывшей мордовской земле, после мордвы «была та деревня за крестьян на льготе», затем стала помещьем князя Ивана Ростовского⁴;

4) д. Кошлоуш Большая расположена на бывшей мордовской Демердеевской пустоши между реками Кошлоуши и Чертанлы Щучка, после мордвы в ней проживали русские крестьяне и полоняники, платившие оброк, затем стала помещьем дьяка Ивана Безсонова по соседству с чувашским займищем Шугоздановым⁵;

5) д. Кудаша Щыпляева была поставлена на бывшем «мордовском селище», после мордвы проживали русские крестьяне и полоняники, платившие оброк, затем стала помещьем Якова Кошкарова и Федора Еропкина⁶;

6) д. Куштонаповская Порамзина расположена на бывшей мордовской пустоши на р. Уте, проживали русские крестьяне и полоняники, платившие оброк, стала помещьем Якова Кошкарова⁷;

7) к с. Бурнашеву приписана бывшая мордовская пустошь Алышевская на р. Анчигире, пахали ее наездом, стала помещьем князя Ивана Сундорова с товарищами, затем Богдана Путилова с товарищами⁸;

8) к с. Муратово приписана мордовская пустошь Прясевская (Перелевская), расположенная за р. Кубней на среднем течении р. Уты в одной версте от с. Муратова, на пустоши «наездом» косили сено чуваша из д. Темышевы⁹;

² Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565 — 1567 гг.). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1909. С. 67 — 68.

³ Там же. С. 70 — 71, 135.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 76 — 77.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 88 — 89.

⁹ Там же. С. 94, 109.

9) д. Новая расположена на бывшей мордовской земле у речки Шаланды, которую пахали чувашаи и полоняники деревни пяти Маматышей, стала помещением Никиты Ольгова «с братьею» по соседству с чувашской деревней пяти Маматышей¹⁰;

10) д. Новая Кошлоуш Меньшой основана на бывшем мордовском селище у дикого поля на р. Кошлоуши, после мордвы проживали русские крестьяне, затем стала помещением Третьяка Сотницкого¹¹;

11) к оброчной деревне Новое селище у р. Малый Цивиль «припущено в пашню мордовское ж селище Васьки Едигеева на речке Чирисасаре (Чамансаре)» ниже д. Именева чувашские, затем деревня стала помещением свияжского нового жильца Бориса Сотницкого¹²;

12) в чувашско-татарской деревне Нурдулатове, расположенной по соседству с чувашской деревней Исламова, имелись «порозжие земли, что была царевская Магмед Аминовская, да в той же деревни порозжая ж земля, что была мордовская», пахали эти земли «цареву и мордовскую с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам», после падения Казани татарам и чувашам отдали землю полоняников, а полоняникам выделили землю в д. Нурдулатове у р. Черзебы¹³, затем тех полоняников с их пашнями отделили в поместье свияжскому стрелецкому сотнику Булату Шерипову¹⁴;

13) в д. Бурундукове, расположенной «на мордовском на киждеевском жеребьи», проживали совместно чувашаи, татары, полоняники и новокрещены¹⁵;

14) д. Новая, основанная чувашами из д. Темяш (Темешева) «на порозжей на мордовской земле» у оброчной деревни Нороваша на р. Нороваше¹⁶;

15) д. Савино, расположенная на бывшем мордовском селище у р. Сулицы, в ней проживали русские крестьяне, платившие оброк¹⁷;

16) д. Киждеево на р. Курмышке поставлена «на мордовской земле на киждеевской, а в деревне двор монастырской» с русскими крестьянами, платившими оброк¹⁸;

17) д. Агишево на р. Берли «на мордовской кижкильдеевской (киждеевской) земле», проживали «на льготе» полоняники;

18) починок Ключев на р. Ончигире (Ольчериге) «на мордовской кижкильдеевской (киждеевской) земле», проживали русские крестьяне «на льготе»¹⁹;

19) к монастырскому сельцу Итяково Меньшое на р. Свияге приписаны бывшие мордовские земли, которые косили татары и чувашаи²⁰;

20) пустошь Алишева — бывшая мордовская земля, поместье князя Ивана Гундорова с товарищами, расположенная близ р. Алиша по соседству с монастырской деревней Киждеева²¹;

¹⁰ Там же. С. 98, 138.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 104 — 105.

¹⁴ Там же. С. 132 — 133.

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 111 — 112, 122.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ Там же. С. 127 — 128.

²¹ Там же. С. 130.

21) д. Нороваша расположена на земле бывших мордовских вытей, после мордвы в ней проживали русские крестьяне и полоняники, платившие оброк, затем она стала помещьем Константина и Федора Ольговых по соседству с чувашскими деревнями Темешева и Турмышы²²;

22) д. Асасырова — бывшая мордовская земля Алиша Ешнадынова, помещье боярина и воеводы князя Андрея Ростовского, расположенная по соседству с татарской деревней Асинова (Асанова)²³;

23) к д. Киншелеева на р. Кубне приписана бывшая мордовская земля на р. Субут, которую после мордвы пахали наездом чуваша Сеит Бурнашев с товарищами, затем она стала помещьем Андрея Киреева «с братьею»²⁴;

24) бывшая мордовская земля, которую после мордвы пахали чуваша и полоняники деревни пяти Маматышей, затем ставшая помещьем Никиты Ольгова «с братьею» и расположенная по соседству с чувашской деревней пяти Маматышей²⁵;

25) д. Азелей (Азилеева, Четаева) расположена на бывших мордовских землях пустоши Сетаевой (Четаевой), помещье Никиты Ольгова «с братьею» по соседству с чувашской деревней Озилеева²⁶;

26) д. Ардатова расположена на р. Кубне на бывших мордовских землях Ардаатовской пустоши, после мордвы проживали русские крестьяне, платившие оброк, затем стала помещьем Андрея Киреева «с братьею» по соседству с чувашскими деревнями Озилеева Розгильдея Озилеева и Наратлеева Курулуса Кудазева с товарищами²⁷.

Источник указывает, что «в тех же селех и в деревнях с татары и с чувашею преж сего жили мордва и та де мордва разошлася по своим старым улусам по вотчинам и по ухозям в мордву на Мокшу и по Суре, а иные де мордва и татарове и чуваша вымерли, а иные выбиты»²⁸. Следовательно, к 1565 — 1567 гг. часть мордовского населения покинула указанные населенные пункты, являвшиеся контактными зонами чувашей и мордвы до вхождения этих территорий в состав Русского государства. После ее ухода эти земли обрабатывались чувашами, татарами и «полоняниками», а в некоторых местах вошли в состав помещичьих земель.

Интерес представляет сопоставление земельных участков, находившихся в пределах Чувашского края и отмеченных в писцовой книге 1565 — 1567 гг. как «порозжие мордовские», с населенными пунктами современной Чувашии, частично проведенное историком В. А. Нестеровым [18, с. 113] и дополненное языковедом А. В. Кузнецовым [14, с. 94 — 96]. По их предположению, пустые земли на р. Кутолме были расположены напротив д. Белая Волошка (ныне с. Аттиково Козловского муниципального округа); участок на р. Норваше у д. Нороваш, заселенный чувашами из д. Темяш (ныне с. Янтиково) — современное с. Яншихово-Норваши Янтиковского муниципального округа; пустошь Щепачевка

²² Там же. С. 90 — 91, 133 — 134.

²³ Там же. С. 136 — 137.

²⁴ Там же. С. 96 — 97, 137.

²⁵ Там же. С. 138.

²⁶ Там же. С. 98, 138.

²⁷ Там же. С. 96, 138–139.

²⁸ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565 — 1567 гг.). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1909. С. 110.

на р. Уте — ныне с. Гришино Янтиковского муниципального округа; пустошь Прясевская на р. Уте — ныне с. Можарки Янтиковского муниципального округа; пустоши Куштонаповская и Порамзина на р. Уте — ныне с. Вутабоси Канашского муниципального округа; пустошь Демердеевская между р. Кошлаушкой и р. Щучкой — ныне с. Кольцовка и с. Зеленовка Вурнарского муниципального округа; на землях селища Сустатовского на р. Малый Цивиль было основано с. Высоковка Цивильского уезда, существовавшее до первой четверти XX в. (ныне с. Высоковка Первая и с. Высоковка Вторая Канашского муниципального округа); селище Васьки Едигерова на р. Чахназаре (Шахмазаре) было расположено ниже нынешней д. Санькасы Красноармейского муниципального округа. Эти данные позволяют утверждать, что в период Казанского ханства в Чувашском крае основными контактными зонами чувашей и мордвы являлись населенные пункты, находившиеся на территории современных Козловского, Янтиковского, Вурнарского, Канашского и Красноармейского муниципальных округов.

Сведения письменных источников о территории расселения мордвы среди чувашей подкрепляет топонимика. В настоящее время в Чувашской Республике проживает исключительно мордва-эрзя. Однако топонимические данные свидетельствуют о проживании в прошлом в северной части Чувашского края мордвы-мокши. На землях на нижнем Анише и вершине Кутельмы, ставших к середине XVI в. «мордовскими пустошами», в недавнем прошлом две чувашские деревни носили название Мокшино (ныне деревни Малое Бишево и Липово Козловского муниципального округа). В Чебоксарском муниципальном округе существуют селения Мошкасы, Мокшино, Микшикасы и др. [18, с. 113 — 114]. Следовательно, можно говорить о существовании в период Казанского ханства контактных зон не только чувашей и мордвы-эрзи, но и зон взаимодействия чувашей и мокши.

Мордовским по происхождению является входящий в состав чувашских топонимов элемент *-куш*. Данный компонент входит в состав наименований поля *Кушлавйш чикки* и леса *Кушлавйш усравё*, расположенных рядом с д. Одиково Вурнарского муниципального округа, именованная горы *Кутайкки тавайкки* рядом с д. Яшкильдино Канашского муниципального округа [21, с. 101]. Эрзянское происхождение имеют названия ряда чувашских деревень в Ядринском муниципальном округе — Верхние Ирзеи (*Тури Ирсе*), Средние Ирзеи (*Вăтам Ирсе*), Нижние Ирзеи (*Анатри Ирсе*) и Чебаково (*Ирсе*), в Красночетайском муниципальном округе — Урумово (*Кивё Ирчемес*), Мочковаши (*Сёнё Ирчемес*) и др. [18, с. 113 — 114]. Следы пребывания на земле Янтиковского муниципального округа Чувашии мордва оставила в виде известных по картам XVIII в. топонимов Инсар, Псенарь, Пшенерь, являющихся названиями р. Турмышка [14, с. 90 — 92].

Данные письменных и языковых источников о контактных зонах чувашско-мордовского населения в северной части Чувашского края дополняют археологические сведения. О проживании мордвы в XVI — XVII вв. ниже по Суре, вплоть до Ядрина, свидетельствуют материалы чувашского могильника в д. Новое Ядрино Ядринского муниципального округа. По инвентарю и реконструируемому костюму могильник представляет органичное сочетание тюркских (болгарских) и финно-угорских элементов. В нем представлены несколько женских костяков, погребенных в скорченном на боку положении, и мордовские женские украшения. Эти находки свидетельствуют о совместном проживании чувашей и

мордвы и наличии межэтнических браков на территории нынешнего Ядринского муниципального округа [23, с. 56 — 58].

В XV — первой половине XVI в. юго-восточная и южная части территории современной Чувашии, южная и юго-западная части Татарстана, а также земли современных Ульяновской и Самарской областей являлись «диким полем». Писцовая книга Свияжского уезда 1565 — 1567 гг. свидетельствует, что самые южные чувашские селения в эти годы доходили до р. Кубни. После присоединения Среднего Поволжья к России правительство предприняло меры для защиты южных и юго-восточных окраин государства от набегов степных кочевников. В третьей четверти XVI в. была построена Кубнинская засечная черта, в конце 70 — начале 80-х гг. XVI в. — укрепленная линия Тетюши — Алатырь — Темников, в 1648 — 1654 гг. — Симбирская укрепленная линия (Симбирск — Саранск — Тамбов), в 1652 — 1656 гг. — Закамская укрепленная черта от г. Белого Яра до г. Мензелинска [6, с. 298 — 299, 301].

С установлением мирной обстановки началось заселение «дикого поля» — в первую очередь юго-восточной и южной частей территории современной Чувашии — выходцами из центральных и северо-восточных районов края (нынешних Янтиковского, Урмарского, Козловского, Мариинско-Посадского, Канашского, Красноармейского, Чебоксарского муниципальных округов), а также левобережными чувашами Приказанья и Заказанья. В последней четверти XVI в. новые деревни появились на территории современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского и Шемуршинского муниципальных округов [11, с. 123 — 124]. В XVII в. население активно осваивало просторы Свияжского уезда. Облегчающим заселение «дикого поля» фактором являлось существование у чувашского крестьянства хозяйственных связей с этими районами в форме использования пашен и других природных ресурсов «наездом». В колонизации юго-восточной и южной частей Чувашии участвовали, помимо чувашей, татарские и мордовские крестьяне, служилые татары, а также русские помещики. Встречное колонизационное движение русских, татар и мордвы стесняло дальнейшее продвижение чувашских крестьян на юг [6, с. 320].

Как указано выше, после вхождения Казанского ханства в состав Московского государства многие мордовские крестьяне возвратились с территории созданного Свияжского уезда на родные земли, расположенные на побережье Суры. Оставшаяся часть мордовского населения продолжала жить на территории Свияжского уезда и в 1630-х гг., о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Так, представители мордвы указаны в списках ясачных людей, дававших показания по следственному делу 1638 г. о злоупотреблениях воеводы г. Свияжска князя Е. Ф. Мышецкого²⁹. Согласно источнику, из входивших в состав Свияжского уезда четырех татарских сотен (Князь-Аклычева Тугушевская, Князь-Ишеева Кудайбердеева, Князь-Темеева, Князь-Бекбулатова), мордовские крестьяне проживали по соседству с татарами в селениях Князь-Аклычевой и Князь-Бекбулатовой сотни³⁰.

Из переписных книг Осипа Зюзина и подьячего Путилы Одинцова на поместные и вотчинные земли, сенные покосы и другие угодья князя Аклыча и

²⁹ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа: в 2 т. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А. А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 16 — 17.

³⁰ Там же. С. 142, 149.

крестьян в Князь-Аклычевской сотне Свияжского уезда 1637 г. выясняется, что в колонизационном процессе конца XVI — начала XVII в. участвовали русские, татары, чувашы, мордва, иностранные «полоняники». В данных книгах сообщается о проживании мордовских крестьян в нескольких селениях: «Починок Лияшев на речке на Улеме, живут в нем мордва. Пашенные добрые земли сто чети, да перелогу пятнатцеть чети в поле... Лес тот же вопче, что писан к селу Янбахтину»; «Починок Чюла, живут в нем мордва. Пашенные добрые земли тритцеть семь чети с осьминою, да перелогу четырнатцеть чети с осьминою в поле... Лес к тому починку тот же, что от Юмралы речки, а владеют сопча розных деревень с татары служилых и ясашных». Данные населенные пункты находились в окружении чувашских (починок Байгулов, починок Пулбараков Алабердино тож), русских (починок Русаков, починок Белоусов) и татарских селений [2, с. 139 — 140].

Чувашское население Свияжского уезда в первой половине XVII в. проживало в десяти волостях (Хозесановской, Утинской, Темешевской, Шигалеевской, Карамеевской, Аринской, Айбечевской, Яльчикской, Андреевской, Чекурской)³¹. Сведения о совместном или соседском проживании чувашей и мордвы на территории чувашских волостей Свияжского уезда в источниках отсутствуют. Однако документы зафиксировали проживание чувашей в татарских сотнях: «Татаровя и чуваша Князь-Аклычевы сотни Князь-Тугушева деревни Каипеч сотник Тоигилдаи Ишкеев с товарыщи»³². Следовательно, относительно первой половины XVII в. можно говорить о наличии чувашско-мордовской этноконтактной зоны на территории Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда, обусловленной соседским проживанием чувашского и мордовского населения. Вполне вероятно, что некоторые взаимодействия мордовских крестьян существовали и с ясашными чувашами Хозесановской, Темешевской, Шигалеевской, Аринской и Яльчикской волостей, граничивших с Князь-Аклычевой сотней Свияжского уезда [1, с. 166].

Переписные книги 1692 г. сообщают о сокращении мордовского населения на территории Свияжского уезда к концу XVII в. Например, в них указано, что «в Свияжском уезде в селе Коротаех, а починок Менсеитов то ж, пустовая ясашная земля и сенные покосы осьми ясаков без четверти лежат в пусе». Переписные книги стольника и воеводы Д. Ф. Арсентьева и дьяка М. Полянского 1690 — 1691 гг., позволяющие подробно проследить процесс запустения указанных земель, причиной этого явления называют бегство и вымирание мордвы, населявшей ранее починок Менсеитов. Согласно источнику, бежавшие из Свияжского уезда в 1680 — 1686 гг. мордовские крестьяне поселились в Симбирском и Казанском уездах³³.

К середине XVI в., после падения Казанского ханства, западная граница мордовских поселений проходила по р. Оке и Муромскому лесу, где были бортные ухажья алатырской мордвы; восточная граница простиралась до Суры; на юге мордовские земли достигали рек Хопёр и Тансырей [13, с. 49]. Если говорить о расселении мордвы второй половины XVI в. в рамках административных границ, то она преимущественно проживала в Муромском, Нижегородском, Арзамаском, Шацком, Темниковском, Алатырском уездах.

Со второй половины XVI в. на землях расселения мордвы начала складываться новая этническая ситуация, связанная с интенсивным передвижением русских,

³¹ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. С. 17 — 18.

³² Там же. С. 151.

³³ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. Казань: Тип. Губ. правл., 1859. С. 147 — 151.

миграциями мордвы в пределах коренной этнической территории и поволжских земель. Как отмечалось ранее, после основания г. Алатыря в 1552 г. и сооружения Алатырской засечной черты в 1570 — 1580-х гг. большая группа мордовского населения, ранее насильно переселенная в Нижнее Поволжье и за Волгу, вернулась на р. Суру. Таким образом, к наиболее важным перемещениям мордвы во второй половине XVI в. нужно отнести заселение мордвой-эрзей бассейнов рек Алатыря и средней Суры — районов, где до этого мордва компактно не проживала. В конце XVI — первой половине XVII в. Алатырский уезд стал самой густонаселенной частью территории проживания мордвы [15, с. 23]. До 1781 г. уезд делился на 8 станов: Верхосурский, Верхоменский, Верхалатырский, Низсурский, Пьянский, Кишский, Чукальский, Менский.

Анализ писцовых описаний Д. Ю. Пушечникова и А. Д. Костяева 1624 — 1626 гг. позволяет утверждать, что большая группа мордовских деревень располагалась в междуречье Мени и Ичиксы на территории современного Порецкого муниципального округа Чувашии, где преобладали сельскохозяйственные угодья. Среди мордовских поселений, имеющих глубокую историю, можно назвать с. Напольное (известно с середины XVI в.) и с. Рындино (известно с 1613 г.). Территория современного Алатырского муниципального округа, в отличие от Порецкого, была густо покрыта лесными массивами, поэтому там преобладали лесные угодья — бортные «ухожей». К началу XVII в. от устья р. Аtratки и до р. Бездны территория Алатырского уезда захватывала и правый берег р. Суры, включая современные мордовские села Атрать (известно с 1612 г.) и Алтышево (известно с 1624 — 1626 гг.). Ближе к этим селам находились бортные ухोजья, в которых наряду с мордвой бортничали чуваша, именуемые в источнике «черемисами» [19, с. 31]. В связи с этим служилым татарам д. Иваш на р. Иваше, д. Новой Усад на р. Малой Медяне и неслужилым мурзам д. Иванкова на р. Суре предписывалось «лес сечь за рекою за Сурою в черемиских в бортных и в мордовских в бортных ухожьях в черном лесу, опричь бортнова деревья»³⁴. Бортничество являлось одним из наиболее древних и весьма распространенных занятий как среди мордвы, так и среди чувашей. Многочисленные русские и иностранные источники свидетельствуют о том, что бортное пчеловодство играло существенную роль в жизни этих народов.

Писцовые описания 1624 — 1626 гг. свидетельствуют, что «татарские», «буртасские», «черемисские» и главным образом «мордовские» бортные ухожья на территории Алатырского уезда были весьма многочисленны. В одном ухोजье могли находиться борти, принадлежавшие бортникам разных сел и деревень. «Судеревщиками» (совладельцами) или «сумещиками» (соседями) ряда мордовских ухожьев являлись «черемисы» (то есть чуваша), не проживавшие на территории уезда постоянно, но активно использовавшие бортные угодья.

Рассмотрим бортные угодья Алатырского уезда, находившиеся в первой четверти XVII в. на территории современной Чувашии:

1) жителям мордовских деревень Алтышево Низсурского стана, Ардатово и Алово Верхосурского стана принадлежала вотчина Вексабаланское ухожье на р. Суре. «А речкою Ватрашем правая сторона с устья до вершины, с вершины

³⁴ Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.) / НИИГН при Правительстве Республики Мордовия; сост.: В. Д. Кочетков [и др.]; [ред. совет: В. А. Юрченков (пред.) и др.]; редкол.: В. А. Юрченков, С. В. Видякин (отв. ред.) и др.]. Саранск: Красный Октябрь, 2017. С. 61 — 62, 94 — 96.

смежно Чебоксарского уезду с шатминскими черемисы. А судеревщики с ними Цывильского уезду черемиса Южа Сарсемишев з братьею. Да в ту же вотчину ходят деревни Оловы Сельдюш Алов з братьею, да Собай Пахмусов з братьею, ордаговская мордва Веткас Ночаров з братьею, да Олов Волдосев з братьею, да черемисы Бохтаев Гордеев»³⁵;

2) жители мордовских деревень Пахнусово, Тарасово Верхоменского стана и Пичевель Верхалатырского стана владели Розболамским бортным ухожьем на правом берегу Суры от озер Тарханово и Аристово на западе до «черемисских» (т. е. чувашских) земель на востоке. Источник сообщает, что данное ухожье было расположено «смежно с черемисою Цывильского уезду»³⁶;

3) жителям мордовских деревень Пичевель, Тарасово, Ардаково, Кученяево, Пахнусово, Урусово, Кулясово, Отяшино и мурзам д. Иванково принадлежала вотчина Кирмальское бортное ухожье на р. Алатырь. В описании границ ухожья упомянуты ближайшие соседи: «Да на низ по Суре реке по обе стороны до речки Терхову, от Терховы речки, Отрача, да речкою Отрачам вверх по правую сторону до отрачинского поля, до Люли реки правая ж сторона, смежно с черемисою Чебоксарского уезду. А от отрачинского поля до Люли реки правая ж сторона, смежно тою ж черемисою»³⁷;

4) жители мордовской деревни Пахнусово Верхоменского стана также владели вотчиной бортное ухожье Черное озеро от устья р. Вотрашки и до р. Бездны, «правая сторона пахнусовская, по левую сторону сумешики черемиса Свияжсково уезду. А от Безны речки до речки до Алавки и до речки Суры, правая сторона пахнусовская, по левую сторону сумешики черемиса. А рекою Сурою на низ до Аистова озера, правая сторона пахнусовская, по левую сторону сумешики черемиса. А рекою Сурою на низ до Аистова озера, правая сторона пахнусовская, по левую сторону сумешики тарасовская да елушевская мордва. А судеревщики в том бортном ухожью веткасовская мордва Чемай Кораев с товарищи»;

5) рядом с Черным озером располагалось бортное ухожье Веткомбола, «в том же ободу и судеревщики теж»³⁸.

Таким образом, контактными зонами чувашей и мордвы на территории нынешнего Алатырского муниципального округа в первой четверти XVII в. являлись пять бортных ухожьев, расположенных на правом берегу Суры.

Анализ источников позволяет утверждать, что до 1670 г. количество мордовских населенных пунктов в Алатырском уезде увеличивалось: по переписи Д. Ю. Пушечникова и А. Костяева в 1624 — 1626 гг. существовало 108 мордовских деревень, по переписи И. Путятина в 1671 г. — 119 [5, с. 361 — 363]. Однако в 1670 — 1671 гг. мордовские и чувашские крестьяне Чувашского края приняли активное участие в крестьянском восстании под предводительством Степана Разина, и после их поражения этническая обстановка в Алатырском уезде существенно изменилась. Подавление восстания сопровождалось репрессивными мерами и увеличением податной тяжести, что привело к стихийной массовой миграции мордвы из Алатырского уезда. Причиной подобной тенденции являлся также процесс колонизации богатой ресурсами и слабо освоенной территории уезда русским населением, прибывавшим из центральных регионов страны.

³⁵ Мордовский фронт... С. 305 — 306

³⁶ Там же. С. 295, 303 — 304.

³⁷ Там же. С. 298, 302, 303.

³⁸ Там же. С. 297 — 298.

Следовательно, с 1670-х гг. прослеживается постепенное уменьшение мордовского населения в Алатырском уезде: число мордовских деревень по переписи В. Шумятина 1688 г. падает до 101 [3, с. 167 — 254], по переписной книге С. Ф. Грибоедова 1696 г. — до 91 [5, с. 363]. Покинутые мордвой земли заселялись русскими дворцовыми и помещичьими крестьянами³⁹.

Указанные тенденции в полной мере отразились на жителях населенных пунктов, имевших бортные ухозя на территории Алатырского уезда в первой четверти XVII в. Так, по переписи князя В. Путятина 1688 г., д. Алтышево Низсурского стана, упоминание о которой имеется в писцовой книге 1624 — 1626 гг., продолжала существовать, однако в ней осталось всего семь жилых дворов, остальные шесть были пустыми, так как крестьяне вымерли или бежали⁴⁰. В д. Урусово числилось 48 жилых и 25 пустых дворов⁴¹. Деревня Пичевель Верхалатырского стана на р. Пичевели и Кулясово, на р. Мокшале близ р. Мени в переписи 1688 г. вовсе не упоминаются, так как их жители переселились на новые места.

В результате происходивших с 1670-х гг. стихийных процессов переселения мордвы в Симбирский, Пензенский, Казанский уезды, в Башкирию, Сызранский, Оренбургский и Саратовский края численность мордовского населения на территории Чувашского края значительно уменьшилась. По подсчетам В. П. Иванова, в 1680-х гг. на территории современной Чувашии проживало около 200 тыс. чел. В процентном соотношении чуваша составляли 80 — 81 %, русские — 16 — 17 %, татары — 1,5 — 2 %, мордва — 1 % населения (т. е. приблизительно 2 тыс. чел.) [10, с. 7 — 9]. Следовательно, сократилась до минимума и территория чувашско-мордовских контактных зон.

Чувашско-мордовские контакты осуществлялись также на территории образованного в середине XVII в. Симбирского уезда. Согласно приходу-расходной книге г. Симбирска и уезда 1665 — 1667 гг. в составе Симбирского уезда существовали деревни Шемурша, Болтайка Уразлеева на р. Хапере, Тюка на р. Тюке, Буяново на р. Карле, Малая Болтаева, Ондреевка, Четкас, Шамкино (ныне в Шемуршинском муниципальном округе) и др., основателями которых были чуваша центральной и северо-восточной Чувашии, марийцы Кокшайского уезда, чуваша и татары Казанского уезда, мордва Алатырского уезда⁴².

Некоторые мордовские поселения существовали здесь еще в первой половине XVII столетия. Так, чувашская деревня Старые Чукалы первоначально тоже была основана мордвой. Деревня была знаменита проведением каждые 50 лет на Семик больших молений, посвященных родителям, на которых приносили в жертву скот и насыпали большой мар земли (курган). В 1629 г. сюда на моление съехалась мордва из Алатырского, Арзамасского и Курмышского уездов⁴³. В 1671 г. деревня запустела, предположительно, из-за участия ее жителей в восстании

³⁹ Переписные книги Алатырского уезда 1688, 1696 и 1710 годов / сост.: В. Д. Кочетков, С. В. Видяйкин, О. И. Марискин. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2024. С. 16 — 17.

⁴⁰ Там же. С. 107.

⁴¹ Там же. С. 94 — 95.

⁴² Материалы для истории Симбирска и его уезда: Приходу-расход. кн. Симбир. приказ. избы. 1665 — 1667 гг. / публ. А. Н. Зерцалов. Симбирск: Симбирск. губ. учен. архивная комиссия, 1896. Л. 56 — 57, 71 — 78.

⁴³ Акты Московского Государства: в 3 т. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571 — 1634. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1890. № 264. С. 296 — 297.

С. Разина. В 1672 г. десяти безьясачным чувашским крестьянам д. Янишево Аринской волости Свияжского уезда (вероятно, существовавшей на территории нынешнего Козловского муниципального округа) было разрешено занять земли Старых Чукал с условием платежа оброка. Таким образом, возникли чувашские деревни Старые и Новые Чукалы Шемуршинского муниципального округа [6, с. 310].

Одной из сохранившихся до начала XVIII столетия зон активного взаимодействия чувашского и мордовского населения на территории Симбирского уезда является район современной д. Бахтигильдино Батыревского муниципального округа. Вблизи деревни находятся погребения Бахтигильдинского средневекового могильника, относящиеся к концу XVI — началу XVIII в. Комплекс вещевого материала данных погребений свидетельствует о том, что в указанный период в северной части могильника хоронили чувашское население, в южной — мордовское. Об интенсивном характере взаимоотношений чувашей и мордвы на территории Батыревского муниципального округа свидетельствует и тот факт, что в контактной зоне мордовско-чувашского взаимодействия до сих пор отмечаются смешанные селения (деревни Балабаш-Нурсово, Сигачи и др.).

На территории расселения мордвы в южных и юго-восточных районах Чувашии представлены мордовские топонимы. Этноним «мордва» зафиксировался в названиях рек Мордовка в Шемуршинском и Мордва в Алатырском муниципальных округах [8, с. 242 — 244]. Мордовская топонимия имеется на левобережье Присурья между Порецким и Алатырем, а также вокруг сел Алтышево и Атрать Алатырского муниципального округа. В районах расселения мордвы на Кубне, Буле и Карле ее широкого распространения не заметно. Имеются лишь следы мордовского влияния на местную топонимию. Так, мордовский топоним «Кошелеи» неоднократно встречается вблизи р. Кубни: с. Большие Кошелеи, д. Малые Кошелеи, р. Кошелейка [17, с. 49 — 50]. Чувашское предание о с. Большие Кошелеи, возникшем до 1565 г. (ныне с. Комсомольское), ошибочно сообщает, что в древние времена чувашаи поселились на левом берегу р. Кубни у оврага Кошелейка. Якобы овраг получил название от имени убитой на этом месте дочери князя Тюбека. В. Д. Дмитриев утверждает, что в действительности Кошелеи — мордовское название речки. Пригнанные в период Казанского ханства с бассейна Суры мордовские крестьяне основали селение и дали название речке, а после взятия Казани вернулись на р. Суру. Покинутые земли заняли чувашаи [7, с. 133]. Сохранение мордовских наименований также свидетельствует о наличии непосредственных контактов мордовского и чувашского населения в рассматриваемый период, так как без них субстратная топонимика не закрепились бы в памяти чувашей [16, с. 21].

Заключение

XVI — XVII вв. стали периодом постоянных трансформаций чувашско-мордовских контактных зон на территории Волго-Сурского междуречья. Происходившие в этот период активные переселенческие процессы не способствовали складыванию устойчивых межэтнических связей между чувашским и мордовским населением. В первой половине XVI в. территорией интенсивных чувашско-мордовских контактов являлись земли, вошедшие позднее в состав Свияжского уезда. С середины XVI столетия прослеживается постепенное движение чувашей и мордвы из северных и центральных (современных Козловского, Янтиковского, Вурнарского, Канашского, Красноармейского и др.) муниципальных

округов Чувашского края в его южные (нынешние Шемуршинский, Комсомольский, Батыревский и др.) муниципальные округа. Специфика взаимодействий чувашского и мордовского населения на территории современного Алатырского муниципального округа в первой четверти XVII в. заключалась в том, что их контакты являлись не прямыми, а опосредованными: представители народов являлись совладельцами или соседями при использовании бортовых угодий на правобережье Суры. Конец XVII в. ознаменовался уходом преобладающей массы мордвы с территории Чувашии и сохранением точечных контактных зон, преимущественно в южных районах современной республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акчурин М. М., Владимиров О. О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI — начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 154 — 183.
2. Басманцев Д. В., Кочетков В. Д. Особенности колонизации Среднего Поволжья в конце XVI — первой половине XVII века: на примере Князь-Аклычевской сотни Свияжского уезда. Приложение № 2 // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI — XIX вв. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 130 — 147.
3. Видяйкин С. В. Народ и власть: налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII — начале XVIII в. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2011. 352 с.
4. Гераклитов А. А. Алатырская мордва по переписям 1624 — 1721 гг. Саранск: Мордгиз, 1936. 88 с.
5. Гераклитов А. А. Алатырская мордва по переписям 1624 — 1721 гг. // Избранное: в 2 ч. / редкол.: В. А. Юрченков и др. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. Ч. 1. 462 с.
6. Димитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 294 — 325.
7. Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 383 с.
8. Дубанов И. С. Географические названия Чувашской Республики: краеведческий словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 525 с.
9. Зеленеев Ю. А., Зеленцова О. В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 37 — 47.
10. Иванов В. П. Мордва в Чувашии: особенности расселения и динамика численности // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 6 — 14.
11. Иванов В. П. Этническая география чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 384 с.
12. Каховский В. Ф. Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 168 — 176.
13. Козлов В. И. Расселение мордвы — эрзи и мокши // Советская этнография. 1958. № 2. С. 43 — 54.
14. Кузнецов А. В. Мордовский след на Янтиковской земле: к проблеме изучения онимов мордовского происхождения // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 90 — 98.
15. Марискин О. И. Мордовская деревня Алатырского уезда в первой четверти XVII в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 2 (34). С. 22 — 29.
16. Мясников Н. С. Мордовские археологические памятники Чувашского Поволжья III — XIV вв. // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 15 — 23.
17. Мясников Н. С., Березина Н. С. Некоторые узловые проблемы средневековой истории чувашей и казанских татар в свете данных археологии // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всерос. научно-практич. конф. Чебоксары: Новое время, 2021. С. 46 — 74.
18. Нестеров В. А. Над картой Чувашии: историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 142 с.

19. Пиняев А. М. Владения алатырской мордвы на территории современной Чувашии в начале XVII в. // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 24 — 32.
20. Поляков О. Е. Мордва и чуваш: взаимоотношения народов — взаимоотношения культур и языков // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 289 — 295.
21. Семенова И. П. Чувашские и мордовские микротопонимы как результат межэтнических контактов // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 99 — 104.
22. Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1970. № 2. С. 127 — 135.
23. Федулов М. И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. И. Н. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 53 — 61.

REFERENCES

1. Akchurin M. M., Vladimirov O. O. The role of the Tatar Aristocracy in the Governance Structure of the Mountainous Region (Sviyazhsk District). Second Half of XVI — beginning of XVII century. *Golden Horde Review*. 2022;10(1). Pp. 154 — 183. (In Russ.)
2. Basmantsev D. V., Kochetkov V. D. Peculiarities of the Middle Volga Region colonization at the end of XVI — first half of XVII Century: the example of the the Knyazh — Aklychevskaya hundred of the Sviyazhsk District. Appendix No. 2. *Land Tenure System and Social Categories of the Population of the Volga-Urals and Western Siberia in XVI — XIX centuries, issue 1*. Kazan;2021. Pp. 130 — 147. (In Russ.)
3. Vidyaikin S. V. People and power: taxes and duties of the palace peasants of the Alatyr district in XVII — early XVIII century. Saransk;2011. 352 p. (In Russ.)
4. Geraklitov A. A. The Alatyr Mordvins according to the censuses of 1624 — 1721. Saransk;1936. 88 p. (In Russ.)
5. Geraklitov A. A. The Alatyr Mordva according to the censuses of 1624 — 1721. *Selected works: 2 parts* / A. A. Geraklitov; edited by V. A. Yurchenkov et al. Saransk; 2011. 462 p. (In Russ.)
6. Dimitriev V. D. The settlement of the south — eastern and southern parts of Chuvashia. *Chuvashia in the epoch of feudalism*. Cheboksary;1986. Pp. 294 — 325. (In Russ.)
7. Dimitriev V. D. Chuvash historical legends: historical sketches of the Chuvash people from ancient times to the middle of XIX century. Cheboksary;2017. 383 p. (In Russ.)
8. Dubanov I. S. Geographical names of the Chuvash Republic: local lore dictionary. Cheboksary;2013. 525 p. (In Russ.)
9. Zeleneev Yu. A., Zelentsova O. V. The Medieval Mordva according to archaeological data. *Volga Archaeology*. 2012(1). Pp. 37 — 47. (In Russ.)
10. Ivanov V. P. The Mordva in Chuvashia: the peculiarities of settlement and population dynamics. *The Mordva in Chuvashia: History and Modernity: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference*. Cheboksary;2022. Pp. 6 — 14. (In Russ.)
11. Ivanov V. P. Ethnic geography of the Chuvash people. Cheboksary;2005. 384 p. (In Russ.)
12. Kakhovsky V. F. Mordovian-Chuvash relations according to the data of material and spiritual culture. *Ethnogenesis of the Mordovian people*. Saransk;1965. Pp. 168 — 176. (In Russ.)
13. Kozlov V. I. The Settlement of the Mordovians — Erzi and Moksha. *Soviet Ethnography*. 1958(2). Pp. 43 — 54.
14. Kuznetsov A. V. Mordovian trace on the Yantikovskaya land: the problem of studying onyms of the Mordovian origin. *The Mordva in Chuvashia: history and modernity: materials of the Interregional scientific-practical conference*. Cheboksary;2022. Pp. 90 — 98. (In Russ.)
15. Mariskin O. I. The Mordovian village of Alatyr district in the first quarter of XVII century. *Humanities: Actual problems of humanities and education*. 2016;2(34). Pp. 22 — 29. (In Russ.)
16. Myasnikov N. S. Mordovian archaeological monuments of the Chuvash Volga region of III — XIV centuries. *The Mordva in Chuvashia: history and modernity: materials of the Interregional scientific-practical conference*. Cheboksary;2022. Pp. 15 — 23. (In Russ.)
17. Myasnikov N. S., Berezina N. S. Some demanding problems of the medieval history of the Chuvash and Kazan Tatars in the light of archaeological data. *The Tatars and Chuvash are the branches of the same tree: materials on the All-Russian scientific-practical conference*. Cheboksary;2021. Pp. 46 — 74. (In Russ.)
18. Nesterov V. A. Above the map of Chuvashia: historical and toponymic notes. Cheboksary;2017. 142 p. (In Russ.)
19. Pinyaev A. M. Possessions of the Alatyr Mordva on the territory of modern Chuvashia in the early of XVII century. *The Mordva in Chuvashia: history and modernity: materials of the Interregional scientific-practical conference*. Cheboksary;2022. Pp. 24 — 32. (In Russ.)

20. Polyakov O. E. The Mordva and Chuvash: relationship of peoples — relationship of cultures and languages. *Vestnik of the Chuvash University*. 2017(2). *The Mordva in Chuvashia: history and modernity: materials of the Interregional scientific-practical conference*. Cheboksary;2022. Pp. 289 — 295. (In Russ.)
21. Semenova I. P. Chuvash and Mordovian microtoponyms as a result of interethnic contacts. *The Mordva in Chuvashia: history and modernity: materials of the Interregional scientific-practical conference*. Cheboksary;2022. Pp. 99 — 104. (In Russ.)
22. Fedotov M. R. Notes on Finno-Ugric elements in some geographical names of Chuvashia. *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1970(2). Pp. 127 — 135. (In Russ.)
23. Fedulov M. I. Ethnocultural components in the funeral rites of the Chuvash. *Vestnik of Nizhny Novgorod University named after I. N. Lobachevsky*. 2012;6(3). Pp. 53 — 61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025

Информация об авторе:

Охотникова Светлана Валерьевна, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>,
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 16.02.2025; approved after reviewing 07.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025

Information about the author:

Svetlana V. Okhotnikova, research fellow at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>, svetlana-goncharova7@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 16.02.2025 ситнӗ; рецензиленӗ хысӑн 07.03.2025 ырланӑ;
10.03.2025 пичете йышӑннӑ

Автор ҫинчен:

Охотникова Светлана Валерьевна, Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхӗсен
институтӗн ăслăлăх ӗстешӗ (428015, Раçсей, Шупашкар, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ăслăлăхӗсен кандидатӗ, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>,
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Пайталăх конфликчӗ: автор пайталăх конфликчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ал ҫыравӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(470.344)"15/17"
ББК 63.3(2Рос.Чув)4

Научная статья

К ВОПРОСУ О «ГОРНОЙ ЧЕРЕМИСЕ» В ЧУВАШИИ В XVI — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

А. А. Чибис

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
chib0701@yandex.ru

Аннотация. В письменных источниках XVI — начала XVIII века на правобережной части Среднего Поволжья, ныне входящей в состав Чувашской Республики, часто упоминалась «горная черемиса». Цель настоящей статьи — сравнительно-сопоставительное изучение особенностей употребления термина «горная черемиса» в пределах проживания каждой из трех основных этнографических групп чувашей. Исследование базируется на нарративных и документальных источниках; его реализация опирается на принципы историзма и объективности, применение логического, историко-генетического, историко-типологического и историко-системного методов. Рассмотрены особенности употребления изучаемого термина в пределах расселения низовых, средненизовых и верховых чувашей. Установлено, что термин «горная черемиса» применялся преимущественно как соционим по отношению прежде всего к ясачным чувашам. Основной территорией его применения являлся ареал расселения верховых чувашей.

Ключевые слова: «горная черемиса», история чувашского народа, терминология источников XVI — XVII в.

Благодарность: Автор выражает благодарность коллегам, оказавшим консультации при написании работы.

Для цитирования: Чибис А. А. К вопросу о «горной черемисе» в Чувашии в XVI — начале XVIII века // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 77 — 93

Scientific article

TO THE QUESTION OF «MOUNTAIN CHEREMIS» IN CHUVASHIA IN THE 16TH — BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

A. A. Chibis

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
chib0701@yandex.ru

Abstract. The written sources of 16th — early 18th centuries on the right bank of the Middle Volga, today is the part of the Chuvash Republic, «mountain cheremisa» were often mentioned. The purpose of this article is a comparative study of the peculiarities of the term «mountain cheremisa» usage within the boundaries of three main ethnographic groups of the Chuvash people. The study is based on narrative and documentary sources; its realization relies on the principles of historicism and objectivity, the application of logical, historical-genetic, historical-typological and historical-systemic methods. The peculiarities of term usage within the settlement areas of the lower, middle and lower, upper Chuvash people. It has been established that the term «mountain cheremisa» was used mainly as a socionym in relation to, first of all, the yasak Chuvash. The main territory of its usage was the settlement area of the upper Chuvash.

Keywords: «mountain cheremisa», the history of the Chuvash people, terminology of sources of 16th — 17th centuries.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to colleagues who provided consultations in the process of writing this paper.

For citation: Chibis A. A. To the question of «Mountain Cheremis» in Chuvashia in the 16th — beginning of the 18th century // Modern humanities. 2025;1(1):77 — 93

Аслăлăх статийи

XVI — XVIII ЁМЁР ПУСЛАМĂШЁНЧИ ЧĂВАШ ЕНРИ «ТУСИ ÇАРМĂСЁСЕМ» БЙТУ ÇИНЧЕН

А. А. Чибис

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтĕ,
Шупашкар, Раççей
chib0701@yandex.ru

Аннотаци. XVI — XVIII ёмёр пусламăшёнчи сырулăх çăл куçёсенче Вăтам Атăл тăрăхĕн халĕ Чăваш Республикине кĕрекен сылтăм енче час-часах «туси çармăсёсене» асăннă. Çак статья тĕллевĕ — чăваш этнографи тĕп виçĕ ушкăнёнчен кашниех пурăнакан хутлăхра «туси çармăсёсем» терминпа уçă курнин уйрăмлăхёсене танлаштаруллăн тĕпчесси. Тĕпчев нарратив тата документ çăл куçёсем çинче никĕсленнĕ; ăна пурнăçланни историлĕхпе объективлăх принципёсемпе тĕревленнĕ; логика, истори-генетика, истори-типологи тата истори-системăлăх меслечёсемпе уçă курнă. Статья тĕпчекен терминпа анат, анат енчи тата тури чăвашсем ырнаçнă хутлăхсенче еплерех уçă курнин уйрăмлăхёсене пăхса тухнă. Çакна палăртнă: «туси çармăсёсем» ăнлавпа тĕпреп илсен ясак тўлекен чăвашсем тĕлĕшпе соционим пек уса курнă. Çак термин анлăн сарăлнă территори — тури чăвашсем ырнаçса тухнă ареал.

Тĕп сăмахсем: «туси çармăсёсем», чăваш халăхĕн историйĕ, XVI — XVII ёмёрсенчи терминологи çăл куçёсем

Тав тунн: Автор çак ёсе сырнă чухне консультацн панă ёштешёсене тав тавать.

Цитатăлама: Чибис А. А. XVI — XVIII ёмёр пусламăшёнчи Чăваш Енри «туси çармăсёсем» бйту çинчен // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 77 — 93

Введение

Начиная с XIX столетия историки неоднократно затрагивали вопрос об этнической принадлежности «горной черемисы», часто упоминавшейся в письменных источниках XVI — начала XVIII в. в пределах компактного проживания чувашского этноса на правобережной (Горной) стороне Средней Волги. В дореволюционной историографии были высказаны две основные точки зрения по заявленной проблеме. Сторонником одной из них выступил чувашский писатель С. М. Михайлов, который, как и многие другие его современники, под «черемисой», «черемисами» подразумевал прежде всего марийцев. В 1858 г. в очерке по истории с. Чемеево, расположенного в северо-западной части Ядринского уезда, он отметил, что «местность сия с древнейших времен заселена была горными черемисами», что в этих местах в настоящее ему время «живут уже не черемисы, а чувашн; даже первых нет ни одной души в целом Ядринском уезде. Поэтому должно полагать: либо чувашн неправильно в грамотах названы черемисами, либо черемисы смешались с чувашами» [17, с. 232 — 233].

В увидевшей свет в 1889 г. монографии «Черемисы» профессор Казанского университета И. Н. Смирнов писал, что последние в XVI — XVII вв. проживали по всей территории Сурско-Свияжского междуречья, в том числе в Ядринском,

Чебоксарском, Цивильском, Свияжском уездах [28, с. 12 — 13]. Основанием для такого заключения послужили как многочисленные топонимические названия в пределах Горной стороны, так и указания в источниках на «черемис», проживавших в названных уездах [28, с. 13 — 14]. В отличие от С. М. Михайлова, И. Н. Смирнов не был склонен считать, что «черемисами» могли называться чувашаи, ибо, по его словам, уже «в пору казанских походов чувашаи уже были известны русским как особая народность» [28, с. 12 — 13].

Другая точка зрения была аргументирована этнографом В. К. Магницким, который пришел к выводу, что в отмеченные столетия основную массу нерусского населения средневожского правобережья составляли не черемисы-марийцы, а чувашаи, по отношению к которым приказные дьяки часто применяли чуждые названия, именуя верховую группу чувашей (*вирьял*) «горной черемисой», а низовую (*анатри*) — татарами [16, с. 101 — 102, 129 — 125, 327 — 329].

Но ни одна из рассмотренных точек зрения общего признания не получила. В течение начальных десятилетий советского периода авторы трудов по истории Среднего Поволжья эпохи феодализма подразумевали под «горной черемисой» то чувашей, то марийцев [34, с. 71], причем вторая трактовка явно преобладала. В опубликованном в 1920 г. очерке «История мари (черемис)» исследователь истории и культуры чувашей и других народов Поволжья Н. В. Никольский констатировал, что в XVII в. правительственные акты «указывают мари там, где ныне их уже не встречается, а именно около Цивильска и Свияжска» [20, с. 136 — 137]. В документах, на которые были сделаны ссылки, при описании нерусского населения Свияжского и Цивильского уездов фигурировали чувашаи, «черемисы», мордва. Следовательно, автор традиционно подразумевал под вторым термином только марийцев [20, с. 136 — 137].

В другой, написанной в 1950 г., но неопубликованной монографии по истории Марийского края Н. В. Никольский отдельно пояснил, что вплоть до 1917 г. название «черемисы» употреблялось русскими только по отношению к марийцам, в том числе и горным¹. Версия о том, что «горная черемиса» XVI — XVII вв. — это прежде всего марийцы, была представлена и в трудах по истории марийского народа, вышедших в послевоенные десятилетия из-под пера других авторов² [15, с. 8 — 10, 12 — 13, 19 и др.].

В 1964 г. чувашский историк В. Д. Димитриев выступил со специальной статьей, в которой привел существенные доказательства в пользу того, что под «горной черемисой» на большей части Горной стороны, включавшей в себя Чувашию, следует подразумевать только чувашей, которые в XIV — XV вв. вытеснили из ареала своего расселения ранее живших там горных марийцев или ассимилировали их. Исследователь полагал, что широкое присутствие марийских племен на средневожском правобережье до XIV в. и послужило главной причиной именования русскими чувашей «черемисой» [6, с. 118 — 132]. При этом исследователь никак не обозначил особенности применения этого термина в пределах проживания разных этнографических групп чувашского народа.

¹ Никольский Н. В. История Марийского края с древних времен до XVI в. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета им. Н. И. Лобачевского. Ф. 6. Д. 1. Л. 79 — 80, 156.

² См., например: Макаров Д. М. Из истории мари. Первобытно-общинный строй — период феодализма конец XVII века: пособие для учителей. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1959. С. 49 — 58 и др.

Предложенная В. Д. Дмитриевым интерпретация «горной черемисы» на территории Чувашии получила свое дальнейшее выражение как в его последующих трудах, так и в работах других чувашских историков³ [4, с. 97 — 98; 5, с. 26, 31, 39; 23, с. 107, 113; 35, с. 29; 36, с. 29 — 30].

На рубеже XX — XXI вв. представители марийской гуманитарной науки выступили с аргументацией, что под «горной черемисой» в русских источниках фигурировали марийцы, которые после вхождения Чувашии в состав Русского государства продолжали проживать в ее пределах и взаимодействовать с чувашами. Однако среди марийских ученых не сложилось общего мнения по вопросам конкретизации хронологических и территориальных рамок проживания марийцев-черемисов в пределах Чувашского Поволжья. Одни исследователи (Г. Н. Сепеев) утверждали, что основная масса марийцев мигрировала на левобережье уже к концу XVI в. [27, с. 60 — 62], другие (В. Т. Востриков и К. Н. Сануков) пришли к выводу, что «горная черемиса» была тюркизирована чувашами в конце XVI — первой половине XVII в. [18, с. 192], третьи (Д. Е. Казанцев, Т. Б. Никитина, Г. Н. Айплатов, И. Ф. Ялтаев, С. К. Свечников) полагали, что марийцы проживали на правобережье вплоть до конца XVII или даже начала XVIII в., но затем были ассимилированы чувашским этносом или переселились на левый берег Волги [1, с. 7 — 9; 12, с. 133; 13, с. 113; 19, с. 92 — 93; 25, с. 89 — 90]. Т. Б. Никитина и С. К. Свечников доказывали, что северная Чувашия была основной территорией расселения горных марийцев-черемисов, на основе которых сложилась группа верховых чувашей⁴ [19, с. 85 — 93; 24, с. 431 — 438; 25, с. 81 — 82]. Д. Е. Казанцев, Г. Н. Айплатов, И. Ф. Ялтаев полагали, что марийцы проживали на всей территории Горной стороны [1, с. 8; 13, с. 113].

На фоне существующих разногласий оптимальным средством решения дискуссионных вопросов по «горной черемисе» является рекомендованное одним из ведущих марийских историков А. Г. Ивановым «комплексное исследование историками, археологами, этнографами, лингвистами этой проблемы. Данные письменных источников, топонимики и языка позволили бы создать целостную картину сложных этнодемографических процессов в междуречье Суры и Свияги» [10, с. 120].

Цели настоящей работы: 1) подробно рассмотреть хронологию и другие особенности употребления термина «горная черемиса» в письменных источниках, относящихся как ко всей Горной стороне, так и к территории проживания трех этнографических групп чувашей: верховых, низовых и средненизовых (*анат енчи*); 2) на основании полученных результатов сделать выводы по идентификации носителей изучаемого названия на каждой такой территории.

Материалы и методы

Исследование базируется на опубликованных нарративных и документальных источниках; его реализация опирается на принципы историзма и объективности, применение логического, историко-генетического, историко-типологического и историко-системного методов. Первый из них позволил рассмотреть изучаемый термин как отдельное звено в системе этнических и социальных дефиниций, второй — проследить изменения содержания исследуемого объекта,

³ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII — XVIII века / сост. А. А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 13.

⁴ Свечников С. К. А чуваша назови — «родня» // Марийский мир (Марий сандалык). 2022. № 2. С. 49 — 51.

третий — выявить характерные признаки последнего, четвертый — сделать выводы о значении объекта в условиях исторической действительности в XVI — начале XVIII в.

Результаты исследования и их обсуждение

Самое раннее упоминание «горных черемис» представлено в «Записках о Московии» австрийского дипломата С. Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг. Он писал, что по обоим берегам Волги живет народ, «звущийся черемисами», из них населяющие правобережье между Нижним Новгородом и крепостью Сурой (Васильсурском) «называются черемисами верхними или горными»; они исповедуют магометанство, подчиняются царю казанскому, хотя ранее большинство из них платило дань князю московскому [3, с. 301, 303, 387].

Самым ранним русским источником, в котором фигурирует «горная черемиса», является составленный в 1553 — 1555 гг. «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»⁵, содержание которого вошло в последующие летописные сочинения: продолжение Никоновской⁶ и Львовскую⁷ летописи, Царственную книгу⁸ и др., а также Степенную книгу царского родословия⁹. В статьях за 1546 г. в летописце кратко сообщается: «...тоя же осени декабря 6 прислали к великому князю бити челом Горная Черемиса Тугаи с товарищи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами служить государю хотят»¹⁰. Под 1551 г. в летописец включен раздел «О Горнеи Черемисе», в котором подробно рассказывается о вхождении Горной стороны Казанского ханства в состав Русского государства, перечисляются населявшие ее народы: чуваша, черемисы, мордва, можары (мишари)¹¹. Таким образом, составители произведения использовали словосочетание «горная черемиса» в одних случаях для обозначения всех нерусских народов Горной стороны, в других — как название одного из них, под которым, несомненно, подразумевались горные марийцы.

В «Истории о великом князе Московском» ее автор князь А. М. Курбский, излагая перипетии похода руководимых им военных отрядов на Казань летом 1552 г., писал: «Егда же преплывишася Суру реку, тогда и Черемиса Горная, а по их чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию [понеже в их земле поставлен он предреченный град Свияжск]» [29, стб. 178]. Следовательно, в отличие от составителей «Летописца начала царства...», А. М. Курбский прямо указывал, что «горная черемиса» есть русское название народа, представители которого сами себя именуют «чувашой». Первого названия придерживался и сам князь, когда при рассказе о покупке русскими воинами продовольствия у местного населения

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. С. 9 — 116.

⁶ Там же. Т. XIII. 1-я половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904.

⁷ Там же. Т. XX. 2-я половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914.

⁸ Там же. Т. XIII. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906.

⁹ Там же. Т. XXI. 2-я половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. II. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913.

¹⁰ Там же. Т. XXIX. С. 49.

¹¹ Там же. С. 62, 64.

в Засурье вспоминал: «Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных колачей, обретется» [29, стб. 178]. С. К. Свечников, изучив маршрут движения руководимых А. М. Курбским военных отрядов по Горной стороне, пришел к выводу, что они проходили по местности, населенной предками низовых чувашей, и что все процитированные замечания полководца относятся только к этой этнографической группе чувашского народа [24, с. 434]¹².

Неизвестный автор в созданной в середине 1560-х гг. и весьма популярной «Казанской истории» (История Казанского царства, Казанский летописец) отмечал: «Две бо Черемисы бе в Казанской области <...>; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет — и та ся наречет луговая <...>». В той же стране луговой есть Черемиса Кокшаская и Ветлушская <...>»¹³ [11, с. 86]. При освещении конкретных событий «горная черемиса» впервые упоминается в «Казанской истории» под 1524 г., когда русские воеводы «повоеваша нагорную черемису»¹⁴ [11, с. 68]. В разделе о строительстве Свияжска и вхождении Горной стороны в состав Московского государства в числе ее нерусского населения была названа только «горная черемиса», которая вся «царю и великому князю (Ивану IV. — А. Ч.) приложися пол земля Казанския людей»¹⁵ [11, с. 88]. Профессор М. Н. Тихомиров писал, что «черемиса» для неизвестного автора была собирательным названием нетатарских народов, подчиненных Казани: удмуртов, марийцев, чувашей [32, с. 94, 96 — 97, 99 — 100].

Традиция обобщенного именования «черемисой» бывших подданных казанских ханов, а затем и русских царей получила продолжение в поздних памятниках русского летописания. Так, в составленных в начале XVII в. безымянных летописных заметках о построении в Русском государстве новых городов отмечалось, что в 1584, 1590, 1591 гг. «в Черемисе» (т. е. землях, населенных «черемисами») были основаны «Царев город» (ныне Йошкар-Ола Республики Марий Эл), Цивильск (ныне в Чувашской Республике), Ераньск (ныне Яранск Кировской области) [31, с. 93 — 94]. О построении в «Черемисской земле» на Нагорной и Луговой сторонах Волги царем Федором Ивановичем Цивильска и других городов также сообщает созданный в 1630 г. «Новый летописец»¹⁶.

Со второй половины XVI в. термин «черемисы», в том числе и «горные», начинает постоянно употребляться и в записках западноевропейских купцов, дипломатов, военных, а также в картографических источниках. Так, на карте «России, Московии и Татарии», впервые изданной в 1562 г. и приписываемой английскому дипломату и купцу А. Дженкинсону, на территории современной Чувашской Республики и Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл обозначены только «*seremise gorni*» [22, с. 27]. На другой аналогичной карте, созданной в 1636 г. итальянским купцом И. Массой в тех же пределах, отмечены лишь «*szereimi nagornoy*»¹⁷. В одном из томов так называемого «Больш-

¹² Свечников С. К. Вопрос об этнониме «черемис» в источниках XVI — XVII вв. С. 434.

¹³ ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. Стб. 60.

¹⁴ Там же. Стб. 60.

¹⁵ Там же. Стб. 63.

¹⁶ Там же. Т. XIV. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. С. 36.

¹⁷ Новейшая карта России Исаака Массы. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/novissima-russiae-tabula-auteur-isaaco-massa> (дата обращения: 28.09.2024).

шого атласа или космографии», вышедшего из-под пера голландского картографа Блау в 1665 г., в числе поволжских народов, подданных Московского государства, отмечены только «татаровя, черемиса, мордва»¹⁸.

Некоторые иностранцы относили «черемисов» к татарским народам. Английский дипломат Дж. Флетчер, бывший в Москве в 1588 — 1589 гг., писал: «Черемисские Татары, обитающие между Русскими и Нагайцами, разделяются на Луговых (т. е. живущих в долинах) и Нагорных или жителей гористых мест» [33, с. 88]. Голштинский ученый А. Олеарий, плывший в 1636 г. по Волге на Каспий, сообщал, что ниже Васильурска живут «другого рода татары (т. е. отличные от мусульман-татар. — *А. Ч.*), а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги <...>. Те из них, что живут направо от Волги, именуются «нагорными», так как они живут на высоте: на горах или между горами» [21, с. 364]. Марийские историки Г. Н. Айплатов и И. Ф. Ялтаев отмечали, что А. Олеарий проплывал через земли, населенные не только марийцами, но и чувашами, однако не смог отличить их друг от друга из-за схожести материальной культуры и обрядов, и поэтому отождествил оба народа под одним названием — «черемисы» [1, с. 6 — 13]. Так же, как и А. Олеарий, о «черемисских татарах», населявших пространство от Васильурска до Казани, писали голландские путешественники, побывавшие на Волге, соответственно, в 1669 и 1703 гг. — корабельный мастер Я. Стрейс (Стрюйс) [30, с. 182 — 184] и художник К. де Брюйн (Бруин) [2, с. 147]. Другой голландец — дипломат Б. Козйт засвидетельствовал активное участие «черемисских и мордовских татар и русских крестьян» в восстании под предводительством С. Т. Разина на правобережной части Среднего Поволжья¹⁹.

К началу XVII в. часть Горной стороны, ныне входящая в пределы Чувашской Республики, оказалась в составе Свияжского, Чебоксарского, Алатырского, Цивильского, Ядринского, Курмышского, правобережных частей Кокшайского и Козьмодемьянского уездов [7, с. 77, 81, 91, 98, 101, 106, 108]. В относящихся к каждому из них материалах приказного делопроизводства и правовых актах фигурирует «черемиса», причем в ряде случаев одновременно с «чувашой»²⁰.

Опубликованные к настоящему времени комплексы документов изучаемого периода дают возможность рассмотреть особенности упоминаний «черемисы» в пределах достаточно крупных Свияжского, Цивильского и Ядринского уездов. Отметим, что первый из них включал в себя ареал соседства низовых и средне-низовых чувашей, последние также проживали во втором уезде, а третий уезд являлся центром расселения верховой группы чувашского этноса.

В поместных, межевых и дозорных книгах Свияжского уезда 1564/65 и 1565/66 гг. только один раз называются «бортные ухажья в лесех и бобровые гоны

¹⁸ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. С. 187.

¹⁹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. С. 188 — 189.

²⁰ См. например: Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I. СПб.: В тип. II отд-ния собственной его императорского величества канцелярии, 1853. Стб. 49 — 50, 1144 — 1147, 1252 — 1255, 1357 — 1360; Т. II. СПб.: В тип. II отд-ния собственной его императорского величества канцелярии, 1855. Стб. 194 — 199, 291 — 293, 357 — 360, 746 — 749, 822 — 825, 925 — 929; Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611 — 1612 гг. Сборник. [Нижегород], [1912]. С. 133, 135, 137, 148, 150 (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XI).

в реках во всех Свияжском уезде татарские и черемисские и чувашские»²¹. Но при последующих перечислениях земель, деревень и других объектов, принадлежавших нерусскому населению, в книгах присутствуют только прилагательные «татарские», «мордовские», «чувашские»²², названия «черемисские», «черемисы» отсутствуют.

В грамоте приказа Казанского дворца от 25 ноября 1606 г. свияжским воеводам с указаниями о недопущении присяги населения Горной стороны Лжедмитрию I и пресечении мятежа в г. Курмыш, в числе нерусских жителей Свияжского уезда фигурируют только татары и «черемиса»²³. 12 апреля 1609 г. этот же приказ направил новую грамоту «в Свияжской князем и мурзам и татаром жаловальным и татаром и чуваше и черемисе». В *dispositio* документа «князи и мурзы и татарове служилые и ясачная чюваша и черемиса» призывались к отвращению от Смуты, им выражалась благодарность за верную службу царю Василию Шуйскому²⁴. Прочитированное свидетельствует, что при составлении грамот приказные подьячие употребили термин «черемиса» и словосочетание «ясачная чюваша и черемиса» как соционимы для общего обозначения податного нерусского населения уезда, платившего в казну денежный и натуральный ясак. Под «татарами», «князьями и мурзами» здесь, несомненно, подразумевались представители нерусских служилых сословий, по-видимому, без учета их этнической принадлежности.

В так называемых «Книгах разрядных по официальным оных спискам» за первую треть XVII в. под 1615, 1625, 1626, 1627, 1629, 1630, 1631, 1633, 1635, 1636 гг. сообщается о мобилизации с нерусского населения уездов Горной стороны ратников в армию. По Свияжскому уезду за восемь из десяти перечисленных лет упоминаются чуваша и черемисы, и только за два года — чуваша и татары²⁵.

В 2017 г. вышло в свет следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы Е. Ф. Мышецкого и его сыновей. Центральное место в этом комплексе занимают обыскные речи жителей четырех сотен (Князь-Аклычевой, Князь-Ишеевой, Князь-Темеевой, Князь-Байбулатовой) десяти волостей (Айбечевской, Андреевской, Аринской, Карамамеевской, Темешевской, Хозесановской, Утинской, Чекурской, Шигалеевской, Яльчикской), причем представители первых перечисленных подразделений называют себя татарами, а поверенные от вторых — «чювашой»; в отдельных случаях в составе сотен упоминаются жившие в них мордва и чуваша, а в волостях — татары²⁶. Во всех материалах дела термин «черемис» применен только к некоему И. Бисарину, причем в одних документах он фигурирует под последним названием, а в других именуется «чювашенином»²⁷.

²¹ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565 — 1567 гг.). Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1909. С. 65.

²² Там же. С. 66, 68, 71, 77, 84, 85, 91, 94, 98, 102, 104, 106 — 111, 125, 127, 129, 133 — 142.

²³ Свод письменных источников по истории Свияжского края. Вып. 2. Источники по истории Свияжского края конца XVI — начала XVII вв. / сост. и ред. Д. А. Мустафина. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Музей остров-град Свияжск, 2016. № 77.

²⁴ Там же. № 92.

²⁵ Книги разрядные по официальным оных спискам... Т. I. Стб. 49 — 50, 1144 — 1147, 1252 — 1255, 1357 — 1360; Т. II. Стб. 194 — 199, 291 — 293, 357 — 360, 746 — 749, 822 — 825, 925 — 929.

²⁶ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А. А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 140 — 149.

²⁷ Там же. С. 32 — 33, 54, 73, 74, 84, 96 — 97, 106, 115, 132 — 133, 163, 180 — 181.

Еще один пример применения разных терминов по отношению к одним и тем же персонам представлен в изданной симбирским архивистом П. Л. Мартыновым владенной выписи от 21 февраля 1671 г. на земли в «диком поле», данной в приказе Казанского дворца Б. Бектемирову с товарищами, проживавшими в д. Полевая Житница Шигалеевской волости Свияжского уезда (располагалась в пределах современного Батыревского муниципального округа Чувашской Республики). Получатели выписи на разных ее листах именуются то «ясашной черемисой», то «чувашею», то «свияжскими ясашными татарами»²⁸.

Дополнительно нами просмотрено 100 документов за 1556 — 1716 гг., в разное время изданных С. Е. Мельниковым, Д. А. Мустафиной, другими археографами, и связанных своим происхождением с различными конкретными событиями, происходившими в Свияжском уезде²⁹. Из них в составе населения уезда, кроме русских и татар, в 23 документах упоминаются чуваш³⁰, и только в 4 — черемисы, причем в двух документах черемисы и чуваш³¹ упоминаются одновременно³¹. Так, в наказных памятях от 29 октября и 23 декабря 1674 г., данных свияжским воеводой А. В. Толстым и дьяком Б. Ефимовым свияженину Д. И. Тишенкову, последнему предписывалось отказать поместные земли служилых людей Катышевских их родственникам, предварительно сыскав «большим повальным обыском всяких чинов многими рускими людьми и иноземцы, рускими людьми по святей непорочной евангильской заповеди Господни, а мурзы и татары и чувашею и черемисою по их вере по шерти»³².

Рассмотренные документы позволяют заключить, что в изучаемый период термин «черемиса» в пределах Свияжского уезда имел сравнительно небольшое распространение и применялся прежде всего для обобщенного обозначения податного ясачного населения уезда.

Одними из первых известных документов, в которых упоминается «черемиса», относившаяся к Цивильскому уезду, являются писцовые и межевые книги 1593 г. вотчины Троице-Сергиева монастыря в Свияжском уезде, в которых,

²⁸ Архив Симбирского окружного суда. Вып. 2. Гражданские дела Буинского уездного суда / разобрал и приготовил к изданию П. Мартынов. Симбирск: Тип. М. Д. Бычковой, 1905. С. 9 — 23.

²⁹ Акты исторические и юридические, и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. I. № III — VII, IX — XI, XIV — XVIII, XXII, XXIV — XXVI, XXVIII — XXX, XXXVIII, XLII, XLIII, L — LXIII, LXV, LXVII, LXX; Димитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XIV. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Приложения № 4 — 7; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. Ч. I. Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. № 90, 202 (КВПСР); Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI — середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. № 2 — 4, 6, 9, 16, 22, 27, 31, 38, 39, 42, 52 — 57, 65, 66, 73 (ДИКК); Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. — первая четверть XVIII в.). / сост. А. А. Чибис, Б. М. Пудалов. Чебоксары: Пегас, 2006. № 1, 2, 7, 11, 55, 72, 75, 92 (ДИФЗХ); Казанские документы 1649 — 1675 годов / изд. подг. Д. А. Мустафиной и Э. И. Амерхановой. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. № 3, 5, 11, 12, 14, 25, 28, 42, 44, 45, 49, 50, 53, 73, 75, 76; Казанские документы последней четверти XVII века / изд. подг. Д. А. Мустафиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. № 7, 11, 12, 15, 44, 62, 67, 78.

³⁰ Акты исторические и юридические... № IV, V, XXIV; Димитриев В. Д. К вопросу о заселении... № 4 — 7; КВПСР. № 90, 202; ДИКК. № 4, 2; ДИФЗХ. № 7, 55, 72, 75, 92; Казанские документы 1649 — 1675 годов. № 11, 12, 73, 75, 76; Казанские документы последней четверти XVII века. № 7, 14.

³¹ КВПСР. № 202; ДИКК. № 57; Казанские документы 1649 — 1675 годов. № 73, 76.

³² Казанские документы 1649 — 1675 годов. С. 99, 106 — 107.

в частности, говорится: «А межа учинена деревне Семенцовы с Сербеевскою (т. е. цивильскою. — *А. Ч.*) черемисою»³³. Однако, на наш взгляд, достоверность упоминания о последней можно поставить под сомнение, так как в последующем описании земельной межи фигурирует уже не «черемиса», а новокрещены д. Старой Семенцовской³⁴.

Тема цивильской «черемисы» получила продолжение в документальных источниках по истории Смуты. В письме владимирского воеводы М. И. Вельямина литовскому полководцу и стороннику Лжедмитрия II П. Я. Сапеге от 29 января 1609 г. сообщается, что «черемиса... для ради грабежю город (Цивильск. — *А. Ч.*) сожгли и выграбили весь...»³⁵. Но в опубликованной цивильским городским головой А. А. Пономаревым выдержке из межевой книги этого города за 1705 г. говорится, что после его разорения и сожжения в 1608/09 г. «черемисами», пустошью и выгонной землей завладели «Цивильскаго уезда Сюрбеевской волости чуваша», издревле, по данным публикатора, населявшие местность построения Цивильска, основанного на месте чувашской деревни Сюрби³⁶.

В грамоте приказа Казанского дворца от 19 января 1627 г. цивильскому воеводе И. П. Матюшкину и подьячему И. Дмитриеву о выявлении в уезде и записи в тягло не платящих ясак людей, все податное население Убиевской (Убеевской) и других уездных волостей именуется только «черемисой»³⁷.

Ясачные жители центра названной волости — д. Убеевой (ныне в Красноармейском муниципальном округе Чувашской Республики) — неоднократно фигурируют в уже упоминавшейся владенной выписи от 21 февраля 1671 г. как вторая сторона тяжбы за землю с населением д. Полевая Житница. В выдержках из различных земельных актов за период с 1621/22 по 1671 г., включенных в состав выписи, убеевцы так же, как и их оппоненты, именуются то ясачной «черемисой», то «чувашой», а проживавшие в Убеевой представители служилого сословия — татарами³⁸.

Важную информацию по идентификации «цивильской черемисы» дают материалы приказного делопроизводства, отражающие ситуацию в Цивильском уезде в период Крестьянского восстания 1670 — 1671 гг. Так, в отписке от 5 ноября 1670 г. воевода князь Д. Барятинский писал на имя царя, что 23 октября «воровские русские люди и чуваша и черемиса з 10 000 человек» преградили руководимому им отряду правительственных войск путь к Цивильску, но были разбиты³⁹. Далее воевода сообщал о снятии в тот же день блокады с этого города, после чего из 20 взятых в плен повстанцев «велел я... повесить пущих воров и заботчиков дву человек русских людей да чуваша 10 человек... да 4 человек чуваша Цивильского уезду велел я... привести к шерти и отпустить в Цивильской и в Чебоксарской уезды наговаривать чувашу и черемису, чтоб они в винах своих тебе, великому государю, добили челом»⁴⁰.

³³ Свод письменных источников по истории Свияжского края. Вып. 2. С. 119.

³⁴ Там же.

³⁵ Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. С. 45.

³⁶ Отрывок из цивильской старины // Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. Отд. IV. Казань: Губ. тип., 1862. С. 58, 60.

³⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. № 79.

³⁸ Архив Симбирского окружного суда. Вып. 2. С. 9 — 12, 14 — 22.

³⁹ КВПСР. С. 242.

⁴⁰ Там же.

В своем доезде от 8 января 1671 г. полковник М. Кравков докладывал воеводе Ю. А. Долгорукову, что ему с ратными людьми было приказано следовать в Богатыревскую волость Цивильского уезда к «чювашу и черемису, которые великому государю станут бити челом и вины свои приносить учнут, приводить их к шерти»⁴¹. Но при изложении дальнейших действий полковника в Богатыревской и Убеевской волостях в доезде по отношению к жителям последних употребляются только термины «чюваша», «чювашенин».

Особый интерес представляет составленная в декабре 1670 г. роспись селений Рунгинской, Кошкинской, Богатыревской, Тугаевской, Тимирчеевской (Чемирчеевской) волостей Цивильского уезда, жители которых присягнули, не присягнули, или же после принятия присяги вновь изменили царю. Все ясачное население волостей и их деревень, в том числе Убеевой, именуется только «чювашой». Например, «цывильская ясачная чюваша подго[род]ных да Рунгинских да Кошкинской да Багатыревской волостей в таборех и в Цивильску шертовали 1243 человека»⁴².

Дополнением к росписи служит челобитная пострадавших от действий мятежников чувашей д. Янашевы С. и И. Савганеевых, Я. Ахпаева, поданная в Цивильске приказным властям в том же декабре 1670 г. Челобитчики сообщали, что в число восставших, действовавших в Цивильском уезде, входили «русские люди и мордва и татары и чуваша» и далее перечислили ряд имен повстанцев-чувашей. Но «черемис» (*çarmăc/çarmăç*), под которыми чуваша подразумевали марийцев [9, с. 335 — 336], среди участников восстания челобитчики не называли вовсе⁴³.

Можно констатировать, что в отличие от Свияжского, в Цивильском уезде «черемиса» упоминается гораздо более часто, особенно в первой половине XVII в., но как в первом, так и во втором из них этот термин употреблялся для общего обозначения податного населения, под которым подразумевались прежде всего этнические чуваша.

В грамоте приказа Казанского дворца от 31 марта 1588 г. нижегородскому воеводе Ф. И. Кривоборскому впервые упоминается «черемиса» Ядринской и Сугуцкой волостей, которая якобы завладела бортными ухояями Нижегородского Благовещенского мужского монастыря, расположенными в Курмышском уезде⁴⁴. В 1588 г. эти волости располагались в Чебоксарском уезде, но после образования через два года г. Ядрин Ядринская волость вошла в состав одноименного уезда [7, с. 106 — 108]. С тех пор и вплоть до рубежа XVII — XVIII вв. ядринская «черемиса» регулярно упоминается в письменных источниках как основное ясачное население своего уезда. За конец XVI — первую половину XVII столетия отметим следующие памятники: 1) документы 1595, 1596, 1621 — 1622 гг. о последующей тяжбе благовещенских монахов с указанными оппонентами⁴⁵; 2) отписка ядринского воеводы Н. Степанова боярину И. Н. Одоевскому с товарищами от 23 февраля 1614 г., в которой также упомянуты «Ядринского уезда черемисские сотники и старосты и черемиса всего Ядринского уезда», а также «черемисские

⁴¹ Там же. С. 514.

⁴² Там же. № 362.

⁴³ Там же. № 313.

⁴⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. III / сост. Л. В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 21.

⁴⁵ Там же. № 30, 31, 64.

волости» того же уезда⁴⁶; 3) разрядные книги за первую половину XVII в. в которых под 1615, 1625 — 1627, 1629, 1630 — 1633, 1635 — 1636 гг. по Ядринскому уезду восемь раз упоминается о мобилизации в армию только «черемис», и лишь два раза — «черемис» и чувашей⁴⁷.

Наиболее существенное представление об употреблении изучаемого термина дает архивный фонд Ядринской приказной избы, документы которого охватывают период от середины XVII в. до 1702 г. В 2017 г. было опубликовано 508 наиболее содержательных единиц из этого комплекса, помещенных в издании под 436 номерами. В последних «черемиса» вплоть до начала 1700-х гг. фигурирует не менее чем под 131 номерами. Под ней подразумевается как нерусское население каждой из трех уездных волостей (Ядринской, Вильской, Сорминской), так и конкретные его представители из числа ясачных и служилых людей⁴⁸.

Для сравнения отметим, что за тот же период (до конца XVII в.) чувашаи названы всего в 23 памятниках⁴⁹. Добавим, что впервые в изучаемом комплексе термин «чуваша» по отношению к населению Ядринского уезда употреблен в документах, исходящих от приказной администрации г. Казани. Так, в отписке от августа 1667 г. казанские воеводы Г. С. Куракин с товарищами сообщили своему ядринскому коллеге Д. Г. Грузову, что проживавший в их городе каменщик Д. Семенов «подрядился... в Ядрине у чувашаи изготовить в астраханской отпуск всякий лес»⁵⁰. 16 марта 1670 г. из Казанской приказной палаты воеводе Ядрина И. А. Чемесову поступило требование выслать «с ядринских с русских людей и с чувашаи» лес для отправки в «низовой отпуск»⁵¹, т. е. города, расположенные ниже Казани по течению Волги.

Несомненный интерес представляет собой сохранившаяся переписка между приказными администрациями Казани и Ядрина о порядке управления д. Шигалей, основанной в Ядринском уезде ясачными переселенцами из Казанского уезда. В отписке, присланной в Ядрин из Казани 19 декабря 1680 г., говорится: «...били челом великому государю Ядринского уезду деревни Шигалей горная чуваша Огарличко Уразлин с товарищи» с просьбой «денежной и хлебной ясак платить и судом ведать их в Казани»⁵². Как видно из процитированного, податели челобитной, вышедшие из Казанского уезда, называли себя «горными чувашами». В последующих отписках за 1680, 1682 гг., направленных по данной же проблеме из Казани в Ядрин, шигалинцы по-прежнему именовались «чувашами»⁵³,

⁴⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: Тип. Бр. Пантелеевых, 1875. Стб. 331 — 333.

⁴⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам... Т. I. Стб. 49 — 50, 1144 — 1147, 1252 — 1255, 1357 — 1360; Т. II. Стб. 194 — 199, 291 — 293, 357 — 360, 746 — 749, 822 — 825, 925 — 929.

⁴⁸ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII — XVIII века / сост. А. А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. № 11, 18, 19, 22, 24, 27, 31, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 45, 49, 53, 65 — 68, 71 — 73, 76 — 78, 82, 84, 90, 92, 94, 99, 102, 111, 125, 127, 130 — 132, 134, 143, 147, 148, 151, 153, 156 — 159, 163, 167, 169, 170, 172/II, 174, 177, 179, 184, 186 — 189, 191, 193 — 202, 204, 206, 208, 212, 213, 218, 224, 228, 229, 231, 243, 260 — 262, 270, 274, 275, 281, 285, 289, 293, 297, 302 — 304, 307 — 309, 310, 312, 313, 315 — 318, 320, 321, 326, 327, 330, 332, 333, 337 — 339, 341, 342, 349, 356, 358, 360, 361, 365, 366, 368.

⁴⁹ Там же. № 58, 63 — 65, 67, 146, 167, 175, 176, 196, 201, 204, 211, 233, 262, 263, 292, 308, 324, 329, 330/I, 365, 369.

⁵⁰ Там же. № 58.

⁵¹ Там же. № 63.

⁵² Там же. № 146.

⁵³ Там же. № 175, 176.

а из Ядрина в Казань — «черемисами»⁵⁴, как и все нерусское население Ядринского уезда.

С. К. Свечников обратил внимание, что в ряде документов XVII в., исходящих от представителей нерусского населения, последние сами именовали себя «черемисами»⁵⁵ [24, с. 437 — 438; 25, с. 81 — 82]. Исследователь особо выделил челобитную, поданную 4 ноября 1695 г. Т. Акмоллиным и другими ясачными «черемисами» и служилыми тарханами Вильской волости в Ядринскую приказную избу с просьбой назначить к ним толмачом посадского человека Н. И. Коротова, в том числе и потому, что «нашему черемискому языку он, Микита, доволен»⁵⁶. Такое самообозначение нерусских ясачных и служилых людей послужило для С. К. Свечникова одним из главных доказательств того, что большинство населения Ядринского уезда составляли марийцы-черемисы⁵⁷ [24, с. 436 — 438; 25, с. 81 — 82].

Заметим, что в просительных и ряде других актов XVI — XVII вв. для идентификации лиц, от которых они исходили, обычно использовались не этнонимы, а установленные приказными властями соционимы: «сироты», «холопы», «богомольцы» или же «ясачная чюваша», «служилая чюваша». Несомненно, в таком же значении здесь употреблен термин «черемиса», под которыми подразумевались нерусские ясачные люди. Также добавим, что слово «черемис», имевшее, по мнению ряда ученых, тюркское происхождение, не являлось самоназванием марийцев, которые для собственного обозначения использовали этноним *мари* [8, с. 29, 35; 9, с. 334 — 335]. Но последних, как уже отмечалось, «черемисами» называли чуваша. Так, в грамоте приказа Казанского дворца от 18 января 1683 г. ядринскому воеводе А. С. Любятинскому говорилось о челобитной «чувашенина» д. Атаевой Вильской волости Б. Федорова на «черемисина» той же деревни К. Ивашкина, который якобы со своими родственниками незаконно завладел ясачной землей, разломал межевую карду (от чув. *карта* «ограда») на участке челобитчика⁵⁸. Приведенный пример, а также результаты археологических исследований [14, с. 20; 19, с. 85 — 93] свидетельствуют о том, что в XVII в. марийцы проживали в Ядринском уезде. Но их численность из-за миграций на левобережье и ассимиляции чувашами не могла быть большой, на что, кстати, указывали и марийские исследователи [13, с. 113].

В рассматриваемых здесь материалах приказного делопроизводства миграция горных марийцев, их межэтническое взаимодействие с чувашами прямого отражения не получили, несомненно, потому, что оба народа обозначались в основном одним соционимом. В одной из указных грамот говорится о том, что к началу 1682 г. 306 ясачных дворов ядринской «черемисы» либо вымерли, либо бежали «в Казанской и Свияжской и Синбирской и Алатурской уезды»⁵⁹. Несомненно, под «черемисой» здесь также следует подразумевать прежде всего чувашей, которые в XVII в. активно колонизировали целинные земли («дикое поле»), расположенные в перечисленных уездах [7, с. 294 — 322].

⁵⁴ Там же. № 148, 156, 163, 177.

⁵⁵ Свечников С. К. А чуваша назови — «родня». С. 51.

⁵⁶ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. № 341.

⁵⁷ Свечников С. К. А чуваша назови — «родня». С. 51.

⁵⁸ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. № 196.

⁵⁹ Там же. № 197.

С 1701 г. из памятников Ядринской приказной избы название «черемиса» резко исчезает, ясачные люди начинают именоваться только «чувашой», «чювашой». Особо отметим челобитную от 7 февраля этого года ясачных жителей Сорминской, Ядринской и Вильской волостей о досмотре и описи в их деревнях пустых дворов. В этом источнике фигурируют персоны — уже упоминавшийся Т. Акмоллин и др., которые в челобитных середины 1690-х гг. представлялись «черемисой», теперь же пишутся «чувашой»⁶⁰.

Опубликованные В. Д. Дмитриевым итоговые данные I ревизии 1723 г. свидетельствуют, что в начале XVIII в. термин «горная черемиса» перестает использоваться по отношению к нерусскому населению не только Ядринского, но и большинства других уездов Горной стороны; исключение составил Козьмодемьянский уезд, в котором было зафиксировано 6950 чел. марийцев, из них более 5000 были горными [7, с. 8]. Именно последние, проживавшие в основном на части Козьмодемьянского уезда, впоследствии вошедшей в состав современного Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл, и их потомки с XVIII и вплоть до начала XX в. были главными носителями названия «горные черемисы»⁶¹.

Заключение

Подытоживая изложенное, отметим следующее. Термин «горная черемиса» впервые стал употребляться в иностранных и русских нарративных источниках со второй четверти XVI в. в следующих значениях: 1) экзоэтнонима для горных марийцев; 2) соционима для нерусских народов, подданных сначала казанских ханов, а затем московских государей, каковыми на Горной стороне являлись марийцы и чуваш. Документы приказного делопроизводства свидетельствуют, что второе значение было основным. В пределах проживания этнографических групп *анатри* и *анат енчи* изучаемое название использовалось для общего определения ясачных людей, но при конкретном рассмотрении объектов его применения оказывалось, что под «черемисой» подразумевались в основном этнические чуваш. В местах расселения *вирьял* название «черемиса» вплоть до начала XVII в. постоянно употреблялось для обозначения не только всего нерусского населения, но и отдельных его представителей. Основная причина устойчивости такого применения, несомненно, заключалась в проживании горных марийцев и верховых чувашей на сопредельных территориях и устойчивых хозяйственных и культурных связях между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айплатов Г. Н., Ялтаев И. Ф. Марийцы в «Описании путешествия» Адама Олеария: историко-этнографические аспекты // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 5 — 14.
2. Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С. 19 — 189.
3. Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. I. Латинские и немецкие тексты / под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
4. Дмитриев В. Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 311 с.
5. Дмитриев В. Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Нац. акад. наук и искусств Чуваш. Респ., 2001. 119 с.
6. Дмитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Ученые записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. XXVII. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 118 — 132.

⁶⁰ Ср. Там же. Т. I. № 341 — 342 и 388.

⁶¹ Айплатов Г. Н. Черемисы // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. Феллахи — Чжалайнор. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Стб. 839.

7. Димитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 453 с.
8. Егоров Н. Е. Материалы по истории народа мари. Йошкар-Ола: Историко-литератур. музей финно-угорских народов им. В. Колумба, 2012. 176 с.
9. Егоров Э. Н., Егоров Н. И. Черемисы русских источников XVI — XVIII вв.: милитоним, соционим, этноним // История Чувашии через призму комплексного подхода: от междисциплинарности к трансдисциплинарности: сб. материалов Всерос. научно-практич. конф., посвященной 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора В. Д. Димитриева (Чебоксары, 11 января 2024 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. С. 331 — 384.
10. Иванов А. Г. Вмещающий ландшафт жизнедеятельности горных мари и чувашей вирьял в исторической ретроспективе // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 117 — 121.
11. Казанская история / подг. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой; под ред. В. А. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
12. Казанцев Д. Е. О разных трактовках некоторых письменных источников по истории марийцев // Советское финно-угроведение. 1987. XXIII. № 2. С. 131 — 134.
13. Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. 159 с.
14. Каховский В. Ф. Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991. С. 3 — 20.
15. Коробов С. А. Прошлое марийского народа. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1957. 159 с.
16. Магницкий В. К. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Труды по этнографии народов Поволжья / сост. Ю. В. Гусаров, А. А. Чибис. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2024. 400 с.
17. Михайлов С. М. Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденция. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма / сост., автор предисл., коммент. и прил. В. Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 509 с.
18. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин [и др.]. М.: Наука, 2000. 578 с. (Народы и культуры).
19. Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.). По материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 159 с.
20. Никольский Н. В. Собрание сочинений. Т. III. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.
21. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введение, пер., примеч. и указатель А. М. Ловягина. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1906. XXXII+528 с.
22. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974. 111 с.
23. Салмин А. К. Финны Волго-Камья и некоторые вопросы истории чувашей // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 105 — 116.
24. Свечников С. К. Вопрос об этнониме «черемис» в источниках XVI — XVII вв. // II Ёпымари лудмаш (II Васильевские чтения). Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 431 — 432.
25. Свечников С. К. Марийско-чувашские этнические контакты в XVI — XVII вв. // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 77 — 90.
26. Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола; Казань: Акад. наук Республики Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, 2014. 268+8 с. (Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 3).
27. Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 198 с.
28. Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. II+265 с.
29. Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. XXV с., 622 стб.
30. Стрейс Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.
31. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. 1941. № 10. С. 84 — 94.
32. Тихомиров М. Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93 — 106.

33. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1906. XXII+138 с.
34. Чибис А. А. «Горная черемиса» второй половины XVI — начала XVII в. в трудах В. Д. Дмитриева и А. Г. Иванова // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 70 — 76.
35. Чуваш / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова. М.: Наука, 2017. 653 с. (Народы и культуры)
36. Чуваш: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 456 с.

REFERENCES

1. Aiplatov G. N., Yaltaev I. F. The Mari people in Adam Olearii's "Description of the Journey": historical and ethnographic aspects. *Vestnik of Chuvash University*. 2014;3. Pp. 5 — 14. (In Russ.)
2. Bruin K. Travels into Muscovy. *Russia in XVIII century through the eyes of foreigners* / Text preparation, introduction and commentary Y. A. Limonov. L.;1989. Pp. 19 — 189. (In Russ.)
3. Gerberstein S. Notes on Muscovy: in 2 volumes. Vol. I. Latin and German texts / ed. by A. L. Khoshkevich. M.;2008. 776 p. (In Russ.)
4. Dimitriev V. D. The issues of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people: a collection of articles. Cheboksary;2004. 311 p. (In Russ.)
5. Dimitriev V. D. Peaceful accession of Chuvashia to the Russian State. Cheboksary;2001. 119 p. (In Russ.)
6. Dimitriev V. D. The meaning of the ethnonym "cheremis" in Russian and West European sources of XVI — early XVIII centuries. *Scientific Notes of the Research Institute of Language, Literature and History at the Council of Ministers of the Chuvash ASSR. Vol. XXVII*. Cheboksary;1964. Pp. 118 — 132. (In Russ.)
7. Dimitriev V. D. Chuvashia in the epoch of feudalism (XVI — early XIX cc.). Cheboksary;1986. 453 p. (In Russ.)
8. Egorov N. E. Materials on the history of the Mari people. Yoshkar-Ola;2012. 176 p. (In Russ.)
9. Egorov E. N., Egorov N. I. Cheremis Russian sources XVI — XVIII centuries: militonym, socionym, ethnonym. *The History of Chuvashia through the prism of a comprehensive approach: from interdisciplinarity to transdisciplinarity* / Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Vasily Dimitrievich Dimitriev (Cheboksary, January 11, 2024). Cheboksary;2024. Pp. 331 — 384. (In Russ.)
10. Ivanov A. G. The landscape integration of the mountain Mari and the Chuvash viryal life activities in historical retrospect. *The Chuvash and Mari — neighbors in the "common home": Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (Bolshoi Sundyr, Kulakovo, May 17, 2019)* / co-edited by G. A. Nikolaev. Cheboksary;2019. Pp. 117 — 121. (In Russ.)
11. The Kazan history. Preparation of the text, introductory article and notes by G. N. Moiseeva / ed. by V. V. Adrianova-Peretz. A. Adrianova-Peretz. M.; L.;1954. 195 p. (In Russ.)
12. Kazantsev D. E. Different interpretations of some written sources on the history of the Mari. *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1987. XXIII(2). Pp. 131 — 134. (In Russ.)
13. Kazantsev D. E. The the Mari language dialects' formation (the Mari origin). Yoshkar-Ola;1985. 159 p. (In Russ.)
14. Kakhovsky V. F. The research of the pagan burial ground near the village of Verkhnie Achaki, Yadrinsky district. *The issues of archeology and anthropology in Chuvashia*. Cheboksary;1991. Pp. 3 — 20. (In Russ.)
15. Korobov S. A. The past of the Mari people. Yoshkar-Ola;1957. 159 p. (In Russ.)
16. Magnitsky V. K. Collected Works in five volumes. Vol. I. The works on ethnography of the Volga region peoples / compiled by Y. V. Gusarov, A. A. Chibis. Cheboksary;2024. 400 p. (In Russ.)
17. Mikhailov S. M. Collected Works. Autobiography. Articles and correspondence. Publication of documents. Essays and stories. Folklore records. Letters / compiled, preface, commentary and appendix. V. D. Dimitriev. Cheboksary;2004. 509 p. (In Russ.)
18. The Peoples of the Volga Region and the Urals. The Komi-Zyrians. The Komi-Permyaks. The Mari. The Mordva. The Udmurts / Ed. by N. F. Mokshin [and others]. M.;2000. 578 p. (Series: Peoples and Cultures). (In Russ.)
19. Nikitina T. B. The Mari (late XVI — early XVIII cc.). The materials of burial grounds. Yoshkar-Ola;1992. 159 p. (In Russ.)
20. Nikolsky N. V. Collected Works. Vol. III. The works on the history, culture and statistics of the peoples of Volga-Urals and Siberia. Cheboksary;2008. 735 p. (In Russ.)
21. Olearius A. The description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back / introduction, translation, notes and index by A. M. Lovyagin. SPb.;1906. XXXII+528 p. (In Russ.)

22. Rybakov B. A. Russian maps of Muscovy XV — early XVI centuries. М.;1974. 111 p. (In Russ.)
23. Salmin A. K. The Finns of Volgo-Kamya and some historical issues of the Chuvash people. *Vestnik of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2015;4 (36). Pp. 105 — 116. (In Russ.)
24. Svechnikov S. K. The problem on the ethnonym “Cheremis” in the sources of XVI — XVII centuries. *II Upimari ludmash (II Vasiliev readings). Actual problems of modern comparativistics. The materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Yoshkar-Ola;2023. Pp. 431 — 432. (In Russ.)
25. Svechnikov S. K. The Mari-Chuvash ethnic contacts in XVI— XVII centuries. *The Mari and Chuvash: ethno-cultural dialogue in historical retrospect: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (Krasny Yar village, Zvenigov municipal district, Republic of Mari El, September 22, 2023) / co-edited by G. A. Ertsikova; Mari Research Institute of language, literature and history, Chuvash State Institute of Humanities*. Yoshkar-Ola;2023. Pp. 77 — 90. (In Russ.)
26. Svechnikov S. K. The accession of the Mari region into the Russian state. Yoshkar-Ola; Kazan;2014. 268+8p. (Historical fates of the Volga region and the Urals’ peoples. Vol. 3). (In Russ.)
27. Sepeev G. A. The History of Mari settlement. Yoshkar-Ola;2006. 198 p. (In Russ.)
28. Smirnov I. N. Cheremis. Historical and ethnographic sketch. Kazan;1889. II+265 p. (In Russ.)
29. The Works by Prince Kurbsky. Vol. I. Original writings. SPb.;1914. XXV p., 622 pp. (In Russ.)
30. Streiss Y. Three Journeys / translated by E. Borodina. М.;1935. 415 p. (In Russ.)
31. Tikhomirov M. N. Little-known chronical monuments of XVI century. *Historical notes*. 1941;10. Pp. 84 — 94. (In Russ.)
32. Tikhomirov M. N. The accession of Chuvashia into the Russian state. *Soviet Ethnography*. 1950;3. Pp. 93 — 106. (In Russ.)
33. Fletcher D. The Russian State. SPb.;1906. XXII+138 p. (In Russ.)
34. Chibis A. A. “Mountain Cheremisa” the second half of XVI — early XVII century in the works of V. D. Dimitriev and A. G. Ivanov. *The Mari and Chuvash: ethno-cultural dialogue in historical retrospect: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (Krasny Yar village, Zvenigov municipal district, Mari El Republic, September 22, 2023) / co-edited by G. A. Ertsikova; Mari Research Institute of language, literature and history, Chuvash State Institute of Humanities*. Yoshkar-Ola;2023. Pp. 70 — 76. (In Russ.)
35. The Chuvash people / ed. by V. P. Ivanov, A. D. Korostelev, E. A. Yagafova. М.;2017. 653 p. (Series: Peoples and Cultures). (In Russ.)
36. The Chuvash people: history and culture. Vol. 1 / ed. by V. P. Ivanov. P. Ivanov. Cheboksary;2009. 456 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025;
принята к публикации 28.02.2025

Информация об авторе:

Чибис Александр Алексеевич, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-5162>, chib0701@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 19.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025;
accepted for publication 28.02.2025

Information about the author:

Alexander A. Chibis, researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-5162>, chib0701@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 19.02.2025 җитнӗ; рецензиленӗ хыҗҗан 28.02.2025 ырланӑ;
28.02.2025 пичет йышӑннӑ

Автор җинчен:

Чибис Александр Алексеевич, Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх ӗҗтешӗ (428015, Раҗсей, Шупашкар, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-5162>, chib0701@yandex.ru
Пайталӑх конфликтӗ: автор пайталӑх конфликтӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 811.512.1:930.2

ББК 81.2-03(=63)

Научная статья

ЯЗЫК ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

И. Зимони

Сегедский университет,
г. Сегед, Венгрия
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Аннотация. В статье рассматриваются различные гипотезы в отношении языка волжских булгар, анализируются его названия, предлагаемые разными учеными. Утверждается, что в государстве Волжская Булгария существовало несколько языков, среди которых помимо собственно языка чувашского типа можно еще назвать финно-угорские, караканидско-тюркский и арабский языки. Последний распространился вследствие принятия волжскими булгарами ислама. На материале работ Д. Г. Мухаметшина и других авторов приводится статистика, касающаяся количества, локаций, датировки и языка эпиграфических памятников Поволжья. Далее перечисляются нарицательные слова, этнонимы, личные имена и географические названия, сохранившиеся в глоссариях на различных языках. Отмечается, что в них имеются как слова с типичными чувашскими элементами, так и слова общетюркского типа. Отдельно рассмотрен вопрос о заимствованиях из волжско-булгарского языка в соседние языки финно-угорской группы и наоборот. Вслед за К. Адягаши приводится утверждение о наличии в языке волжских булгар трех диалектов, из которых только один имеет непосредственное отношение к современному чувашскому языку. В доказательство этому представлена таблица, где указаны формы числительных в этих диалектах в сравнении с восточным и западным древнетюркскими языками. В выводах говорится о локализации и временной отнесенности памятников, написанных на указанных диалектах, и о периоде, когда предположительно началось формирование чувашского языка на базе третьего диалекта.

Ключевые слова: волжско-булгарский язык, тюркские г-языки, огуры, надмогильные памятники, чувашский язык, общетюркский язык

Для цитирования: Зимони И. Язык волжских булгар // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 94 — 106

© Зимони И., 2025

Scientific article

THE LANGUAGE OF THE VOLGA BULGARS

I. Zimoni

Szeged University,
Szeged, Hungary
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Abstract. The article considers various hypotheses concerning the language of the Volga Bulgars, its names proposed by different scholars have been analyzed. There were several languages in the state of Volga Bulgaria: the Chuvash language itself, the Finno-Ugric, Karakhanid-Turkic and Arabic languages. The latter spread due to the adoption of Islam by the Volga Bulgars. The statistics concerning the number, locations, dating and language of epigraphic monuments of the Volga region based on the works of D. G. Mukhametshin and

other authors has been given. Further the nominal words, ethnonyms, personal names and geographical names preserved in glossaries in various languages have been listed. It is noted that they contain both words with typical Chuvash elements and words of common Turkic type. The question of borrowings from the Volga-Bulgarian language into the neighboring languages of the Finno-Ugric group and vice versa has been considered separately. Following K. Adyagashi, a statement about the presence of three dialects in the language of the Volga Bulgars where only one is directly related to the modern Chuvash language has been given. The table including forms of numerals in these dialects in comparison with eastern and western Old Turkic languages has been presented. In conclusion the author underlines about localization and temporal attribution of the monuments written in the mentioned dialects and the period of the Chuvash language formation based on the third dialect.

Keywords: the Volga-Bulgarian language, Turkic r-languages, the Ogurs, grave monuments, the Chuvash language, the Common Turkic language.

For citation: Zimoni I. The Language of the Volga Bulgars // Modern humanities. 2025;1(1):94 — 106

Аслăлăх статийи

АТĂЛСИ ПĂЛХАРЁСЕН ЧĖЛХИ

И. Зимони

Сегед университетĕ,
Сегед хули, Венгри
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Аннотаци. Статъяра Атăлси пăлхарсен чĕлхипе сыхăннă тĕрлĕ гипотезăна пăхса тухнă, унăн тĕрлĕ тĕпчевĕĕ сĕнекен ячĕсене тишкернĕ. Атăлси Пăлхар патшалăхенче темиĕ чĕлхепе усă курнă тесе ĕирĕплетесĕĕ, вĕсен хушшинче чăваш чĕлхи йышши чĕлхесĕр пуçне финн-угр, караханид-тĕрĕк тата араб чĕлхисене асăнмалла. Араб чĕлхи Атăлси пăлхарсем ислам тĕнне йышăнсан сарăлнă. Д. Г. Мухаметшин тата Ытти автор ĕĕсенчи материала тĕпе хурса Атăл тăрăхĕнчи эпиграфи палăкĕсен шутне, вĕсене тупса палăртнă вырăнсемпе, чул палăксене хăш вăхăтра тунипе тата вĕсене мĕнле чĕлхепе сырнипе сыхăннă статистикăна илсе кăтартнă. Малалла эпитафисенче тĕл пулакан, тĕрлĕ чĕлхере упранса юлнă пайăр ятсене, этнонимсене, харпăр ятсене тата географи ячĕсене пăхса тухнă. Вĕсен йышĕнче чăваш чĕлхин элеменчĕсемлĕ сăмахсем те, пĕрлехи тĕрĕк чĕлхисенчи сăмахсем те пуррине палăртнă. Атăлси пăлхар чĕлхинчен кўршĕри финн-угр чĕлхисене, финн-угр чĕлхисенчен Атăлси пăлхар чĕлхине кĕнĕ сăмахсене уйрăммăн пăхса тухнă. К. Адягаши хыçĕн ĕакна ĕирĕплетнĕ: Атăлси пăлхарсен чĕлхинче виçĕ диалект пулнă, вĕсенчен пĕри кăна хальхи чăваш чĕлхипе тўрремĕн сыхăннă тенĕ. Ėак шухăша ĕенертеме асăннă диалектсенчи хисеп ячĕсен варианчĕсене авалхи хĕвелтухăç тата хĕвеланăç тĕрĕк чĕлхисенчи хисеп ячĕсемпе таблица туса танлаштарнă. Пĕтĕмлетўсенче асăннă диалектсене чул палăксене тупнă вырăнсемпе тата вĕсене тунă вăхăтпа сыхăнтарса хальхи чăваш чĕлхи виçĕмĕш диалект никĕсĕ ĕинче йĕркеленсе аталанма пуçланнин тапхăрне палăртнă.

Тĕп сăмахсем: Атăлси пăлхар чĕлхи, тĕрĕк г-чĕлхисем, огурсем, вил тăприсем ĕинчи палăксем, чăваш чĕлхи, пĕрлехи тĕрĕк чĕлхи

Цитатăлама: Зимони И. Атăлси пăлхарёсен чĕлхи // Хальхи гуманитаристика. 2025. Т. 1. №. С. 94 — 106

Введение

Тюркские языки традиционно делятся на две ветви: г-языки и з-языки, что определяется конкретными фонетическими критериями. Последнюю ветвь обычно называют термином «общетюркская». Общетюркские языки можно разделить на такие подгруппы, как огузская, кыпчакская, карлукская, сибирско-тюркская. Из

другой ветви на сегодняшний день сохранился только один язык: чувашский [19]¹. У этой ветви даже название является спорным. Термин «булгаро-тюркский»² мы можем связать с именем Ашмарина, который, основываясь на г-языковых источниках XIII — XIV вв., применил его по отношению к языку надмогильных надписей. Источником чувашского языка он считал язык волжских булгар. Ученые предполагали, что после исхода народа, давшего название волжским булгарам, с земель, расположенных предположительно севернее Черного и Азовского морей, называвшихся в греческих источниках Великой Болгарией, на г-языке говорили там, где обитали булгары [2]. Вследствие этого Гомбоц использовал термин «булгаро-тюркский» в отношении языка жителей Великой Булгарии, а также и дунайских и волжских булгар [18]. Данную концепцию Дьюла Немет распространил на группы народов, в названии которых присутствует элемент *ogur*, общетюркское соответствие которого — хорошо известный термин *oguz*. Таким образом, говорящими на булгаро-тюркском языке стали считаться такие народы, как огуры, сарагуры, оногуры, кутригуры и утигуры [22, с. 148 — 155; 23, с. 39 — 40].

Результаты исследования и их обсуждение

Использование термина «булгаро-тюркский» обманчиво, потому что он происходит из исторической конструкции, согласно которой как дунайские, так и волжские булгары отпочковались от основанной Кубратом Великой Булгарии, тогда как выражение *Великая Булгария* (*Magna Bulgaria*) греческие источники используют в смысле более ранней родины дунайских булгар. Тогда же источник того времени называл Кубрата владыкой оногундуrow. В империи Кубрата действительно жил народ под названием *булгар*, и этот же этноним взяли с собой вышедшие оттуда дунайские и волжские булгары, но на язык этих народностей указывают только некоторые глоссарии. От них не сохранилось письменных памятников. То же самое относится и к языку народов, которые имели огурский элемент. Следовательно, на основе этнонима невозможно определить, на каком же языке говорил данный народ. Вместо термина *булгаро-тюркский* Голден использует слово *огур*, понимая под ним и язык булгар [17, с. 95 — 97]. Золтан Гомбоц и Дьюла Немет считали, что хазары, создавшие в VII — X вв. империю, которая оказывала влияние на всю Восточную Европу, тоже были носителями общетюркского языка. Однако Лайош Лигети и Андраш Рона-Таш привели убедительные доказательства в пользу того, что и хазары тоже могли говорить на тюркском г-языке. Споры продолжаются и поныне, но все-таки более достоверным кажется, что в V — X вв. в Восточной Европе тюркские г-языки могли иметь определенную значимость. Что касается терминологии, то Лигети в отношении тюркских г-языков предложил использовать выражение (*язык*) *чувашского характера* или *типа* [21, с. 9 — 12], тогда как Рона-Таш и Арпад Берта предлагали термин *западно-древнетюркский*. Восточно-древнетюркский язык имеет свои письменные памятники с VIII в. — это тексты на тюркском руническом, уйгурском и арабском алфавитах. Конец древнетюркской эпохи обычно связывают с монгольским завоеванием. Так как западный древнетюркский язык V — XII вв. не имеет своих письменных памятников, мы можем реконструировать его только на основе заимствований и сохранившихся в источниках глоссариев. В отноше-

¹ Последняя крупная обзорная работа о тюркских языках.

² Первый компонент термина сформулирован от славянского варианта *bolgar*, изначального тюркского *bulgar*. В случаях, связанных с этнонимом, я придерживался исходной формы *bulgar*.

нии V — IX вв. лучше всего использовать вошедшие в венгерский язык несколько сотен тюркских слов [32, с. 20].

В связи с этим возникает вопрос, на каком же языке могли говорить волжские булгары или каким общепринятым языком пользовались в Волжской Булгарии? Ведь очевидно, что население могло быть многоязычным. Помимо народов, говоривших на тюркских г- и z-языках, мы должны иметь в виду и носителей финно-угорских языков и их диалектов; известно, что был распространен и караханидский тюркский литературный язык, так как торговые связи волжских булгар были довольно обширными. Естественно, можно предположить, что из-за принятия ислама было распространено знание арабского языка среди улемов.

Нам стоит обратить внимание на реконструкцию общеупотребительного языка волжских булгар. Какие источники у нас есть? 1. Сохранившиеся в мусульманских и русскоязычных источниках, а также на латыни глоссарии и собственные имена. 2. Заимствования, употребляемые в языках соседних народов, и взятые из этих языков. 3. Языковые данные надмогильных надписей с XIII — XIV вв.

Подробный анализ надмогильных надписей Поволжья [6; 7; 16] в своих последних работах дал Мухаметшин [5]. Он исследовал около 900 эпиграфических памятников, созданных с XI в. по первую треть XX в. Хронологически он выделил три периода: XIII — XIV вв., с XV до начала XVII в., со второй половины XVII до XX в. Из последнего периода — по расчетам автора — известны 700 эпитафий, встречающихся на современной территории Республики Татарстан севернее Камы [5, с. 61]. На 94 могильниках, датируемых с XV до начала XVII в., было найдено 250 надмогильных надписей, которые можно отнести к трем регионам: Казань, Касимов и Карино [5, с. 46]. Язык данных эпитафий, относящихся к двум из указанных периодов, определяется как предшественник татарского языка, т. е. как общетюркский язык.

Рис. 1. Памятники XIII — XIV вв. [5, с. 75]

Число эпитафий XIII —XIV вв. — около 400. В Болгаре было найдено 158 надписей, 128 — в 55 местах к югу от Камы, 26 — в 18 местах к северу от Камы и к западу от Волги в 20 местах — 50 надписей, всего 362 надписи из 93 местностей. Мухаметшин построил классификацию болгарских эпитафических памятников на принципах хронологии и географического распространения, исходя из которых рассмотрел типологические и лингвистические аспекты. Памятники он распределил по четырем регионам: территория города Болгар с 47 могильниками и 285 эпитафиями, Кирмен-Джукетау с 37 могильниками и 90 эпитафиями, восточный регион с 7 могильниками и 12 эпитафиями; северная территория с 1 эпитафией, в итоге речь идет о 92 могильниках и 387 эпитафиях.

Из найденных в г. Болгар 158 эпитафий можно датировать 53: 19 эпитафий датируются периодом до 1300 г., 34 — XIV в.; арабоязычных эпитафий 37, болгарских 75, общетюркских 4. В регионе к югу от Камы обнаружено 128 эпитафий, 53 из которых датированы. Одна из них датируется периодом до 1300 г., остальные — XIV в., 4 эпитафии арабоязычные, 84 — болгароязычные. Из обнаруженных к северу от Камы 26 эпитафий датированы 16, 2 из них — периодом до 1300 г., 14 датируются XIV в., одна на арабском языке и 22 на болгарском. Из найденных к западу от Волги 50 надписей можно датировать 23. Одна из них создана до 1300 г., а 22 датируются XIV в., 43 написаны на болгарском языке.

Марсель Эрдал в своей монографии, написанной в 1993 г., к периоду до 1400 г. относит 24 общетюркских и 139 волжско-болгарских надписей. Из последних надписей датированы 88, на 20 дата не читается, а 30 — без даты. Материал с тех пор значительно расширился, потому что из 362 надписей Кирмен-Джукетау датированы 135, а у 270 надписей можно установить и язык: 224 на болгарском, 4 на общетюркском и 42 на арабском языке [14, с. 12].

Эрдал отметил, что первая надмогильная надпись от 1281/82 г. написана на арабском языке, еще имеется одна двуязычная надпись на волжско-болгарском и арабском языках от 1290 г. Первую надпись на волжско-болгарском языке можно датировать 1291 г., а первую на общетюркском языке — 1311 г. Кроме этого, имеются и трехязычные (арабский, болгарский, общетюркский языки) надписи от 1310/11 г. и 1324 г. Дата на последней волжско-болгарской надписи — 1361 г. [14, с. 10 — 11]. Большинство волжско-болгарских надписей создано во время правления Узбека (Özbeğ) (1312 — 1341) — в период расцвета Золотой Орды. Надписи на общетюркском языке, датируемые до 1400 г., сделаны на хорезмийском тюркском языке и не отражают среднекыпчакские формы. Значит, они не похожи на формы, отраженные в «Кодексе Куманикус» [14, с. 20].

Таблица 1

Географическое и лингвистическое разделение надписей

Болгар	158 надписей	Мухаметшин 2008, 85 — 91
До 1300 г.: 19	Арабский: 37	
XIV в.: 34	Булгарский: 75	
	Общетюркский: 4	
Южнее Камы	128	Мухаметшин 2008, 92 — 96
До 1300 г.: 1	Арабский: 4	
XIV в.: 52	Булгарский: 84	
Севернее Камы	26	Мухаметшин 2008, 97
До 1300 г.: 2	Арабский: 1	
XIV в.: 14	Булгарский: 22	

Западнее Волги	50	Мухаметшин 2008, 98 — 99
До 1300 г.: 1	Булгарский 43	
XIV в.: 22		
До 1300 г.: 23	Арабский: 42	
XIV в.: 112	Булгарский: 224	
XIV в.: 14	Общетюркский: 4	

Языковой материал надмогильных надписей XIII — XIV вв. в Поволжье доказывает, что на территории бывшего волжско-булгарского государства у населения, оставшегося после монгольского завоевания, основным был тюркский г-язык, который, следовательно, можно называть волжско-булгарским языком. Однако в Поволжском регионе употреблялся и хорезмийско-тюркский литературный язык, и, естественно, используемый мусульманами арабский язык. Однако следует подчеркнуть, что надписи появились после того, как прекратило свое существование волжско-булгарское государство, т. е. тогда, когда в нем происходила значительная политическая и общественная перестройка. Что касается истории языка, тюркологи подчеркивали, что отражающийся в эпитафиях волжско-булгарский тюркский г-язык, хотя и относится к языкам чувашского типа, все же не является непосредственным предшественником чувашского языка. После 1362 г. на надмогильных надписях нет никаких следов волжско-булгарского языка, и это означает, что он был вытеснен из употребления. Причины этого Шамилоглу объяснил эпидемией чумы [34, с. 157 — 163], т. е. значительной гибелью городского населения, но хорошо известно и то, что начиная с 1360-х гг. в Золотой Орде также наступил серьезный и длительный политический кризис [15, с. 261 — 266].

В исламских источниках имеются упоминания языка волжских булгар. В работе аль-Истахри и Ибн Хаукаля в традиции Балхи можно прочесть следующую заметку: «Хазарский язык и не тюркский, и не персидский, и не какой-либо другой язык одной из народностей... Язык булгар (Bulğār) такой же, как и у хазар; а язык буртасов (burtās) другой, соответственно и язык руссов (rūs) другой, нежели хазарский и буртасский» [20, с. 29, 31, 77, 80]. Аль-Бируни в начале XI в. об их языке писал: «Они не говорят по-арабски, у них свой язык — тюрко-хазарская смесь» [33, с. 51]. Эти данные указывают на то, что языки хазар и волжских булгар были схожими.

В разноразличных глоссариях сохранились нарицательные слова, этнонимы, личные имена, географические названия. Из мусульманских источников — в глоссарии Ибн Фадлана (922): нарицательные слова *süçü* ‘медовуха’, *sağrağ* ‘стакан’, *ħading* ‘береза’ [21, с. 459 — 460; 31, с. 163 — 164]; чины *yiltavar* ~ *elteber*, *wijriğ* ~ *buynuq* [21, с. 457 — 459], личные имена *Almīš*, *Sālkāy* [21, с. 457], названия рек *Jayīğ* ‘Урал’, *Udīl* ‘Уйил’, *Vutba* ‘Утва’, *Vutiğ* ‘Удга’, *Baynağ* ‘Майна’ [4, с. 125, 163, 188 — 189; 21, с. 460]. Большинство приведенных здесь данных можно объяснить при помощи тюркского г-языка, но в имени *Almīš* присутствует общетюркский маркер [21, с. 456 — 457].

Другой известный мусульманский автор аль-Кашгари (1072 — 1074) привел следующие данные: *bal* ‘мед’, *avus* ‘воск’, *ākin* ‘хлопчатобумажный платок’, *yanguq* ‘рабыня’, *azağ* ‘нога’, *toz* ‘насытиться’, *qanaq* ‘масло, кожица молока’, *bün* ‘суп’, *bän* ‘я’, *ol anīng birlä kökläšti* ‘он вступил с ним в племенной союз’ [21, с. 460 — 463; 25, с. 92 — 116]. Эти слова отражают общетюркский язык, т. е. могли быть словами торговца, проживавшего на волжско-булгарской территории.

Русскоязычные источники в большинстве своем сохранили этнические и географические названия: *Болгары* [37, с. 35 — 38], *Великий Город Брахимовъ, Тухчин ~ Тукчин ~ Тугчин, Черемисанъ* [4, с. 182 — 184], *Собъкуля ~ Собъкуляне ~ Собъкудя ~ Собакула* (родит. падеж), *Челмат, Темтюз* [3, с. 118 — 120; 4, с. 169 — 175], *Торцъский* [4, с. 197 — 199], *Оиель* [4, с. 135 — 141]. Слово *трунове* является закономерным соответствием тюркского *tudun* [30, с. 158], а *Бохмитъ* — это болгарская форма имени *Mohamed*.

В наших источниках на латыни у венгерского Анонима встречается *Bular* [36, с. 35 — 38], а также и личные имена *Billa ~ Bylla* [24, с. 165 — 170; 36, с. 114 — 115], *Bocsu* [36, с. 114 — 115], *Ethey* [36, с. 115], *Heten* [36, с. 115], у Кезаи (Kézai) этноним болгар имеется в форме *Belar* [36, с. 145; 37, с. 35 — 38], а название р. Волга — *Etul* [36, с. 145].

В глоссариях имеются элементы, демонстрирующие типичные чувашские признаки, но имеются и слова, относящиеся исключительно к общетюркским языкам.

Следы контактов волжско-булгарского и соседних языков хорошо отражены в заимствованиях. Доказательством контактов протопермского (зырянский — вотяцкий) с волжско-булгарским языком являются 20 волжско-булгарских слов в протопермском и вотяцком (удмуртском. — Ю. Д.) языках, а также 22 протопермских и вотяцких заимствования в волжско-булгарском [26, с. 281 — 298; 27, с. 125 — 133; 28, с. 158 — 179; 29, с. 3 — 41]. Что касается контактов волжско-булгарского и мордовского языков, то установлено, что в мордовском обнаружено 4 волжско-булгарских заимствования, однако не удалось выявить заимствования из мордовского в волжско-булгарский язык [31, с. 156].

Языковые контакты с одной стороны объясняются торговлей между разноязычными народами, с другой стороны — принятием ислама. Благодаря этому в волжско-булгарский язык перешли многочисленные арабские и персидские заимствования [10, с. 24 — 25; 30, с. 158 — 163; 35]. В современном чувашском языке имеется множество таких заимствованных слов, 80 % которых — позднее татарское заимствование, но 20 % из них восходит к волжско-булгарскому периоду. В чувашском языке дохристианской эпохи выявлен ряд арабских и персидских заимствований [13, с. 400 — 419].

Заимствования, попавшие из восточнославянских языков в волжско-булгарский, обработаны Кларой Адягаши. Ею было идентифицировано 21 древнерусское слово. В восточнославянских языках точно встречается 6 волжско-булгарских слов или же попавших в эти языки посредством волжско-булгарского языка [1].

Следы волжско-булгарского влияния обнаруживаются и в лексике волжско-кыпчакских языков. Здесь речь идет о волжско-булгарских заимствованиях татарского и башкирского языков. Андраш Рона-Таш идентифицировал 16 + 3 таких слов, список которых Арпад Берта и Клара Адягаши увеличили еще 2 и 4 словами [8, с. 11 — 15; 9, с. 25 — 28; 12, с. 14 — 19; 31, с. 152 — 157].

Таблица 2

Языковые связи [10, с. 29 — 31]

Волжско-булгарский → протопермский и вотяцкий	протопермский и вотяцкий → волжско-булгарский
Волжско-булгарский → восточнославянский	восточнославянский → волжско-булгарский
Волжско-булгарский → мордовский	
	арабский и новоперсидский → волжско-булгарский
Волжско-булгарский → кыпчакский	

Помимо заимствований и субстратной лексики можно реконструировать волжско-булгарские формы на материале современного чувашского языка. В этом значительным шагом вперед является монография Андраша Рона-Таш и Арпада Берты под названием «*West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian*», в которой рассматриваются 384 западно-тюркских заимствования в венгерском языке. Из них 246 слов встречаются как в венгерском, так и в чувашском, 115 слов отсутствуют в чувашском, а 23 слова в чувашском языке заимствованы из татарского или башкирского языков. Следовательно, всего 138 слов не имеют чувашского соответствия, а 246 слов представлены и в чувашском, и в волжско-булгарском языках.

Таблица 3

Разделение древнетюркских заимствований в венгерском языке

Западный др.тюрк.	384	чув. 116	др. тюрк. 268	куманский 35	419
Венгерский тат./башк. → чув.	23	7	16		
Венгерский	115	26	89	35	
Венг.– чув.	246	83	163		

Основываясь на этом материале, а также и на материале волжско-булгарских эпиграфий, на заимствованиях и реконструкциях из чувашского языка, Клара Адягаши разработала концепцию, согласно которой можно говорить о трех волжско-булгарских диалектах:

— Диалект ВБ₁ устанавливается по заимствованиям, которые попали из волжско-булгарского в протопермский и правотяжский (праудмуртский) языки. Гласные первого слога в этих заимствованиях прошли следующие этапы изменений: *a > ă, e > i, o > u; ă* и *ĩ* совпали, а *i, u, ỹ* редуцировались. Во втором слоге *u, ỹ, i, ĭ* сохранились, здесь произошла только делябиализация. Характерные изменения в области согласных: *č > ś, ĵ > ś, si > śi, ŋ > m, q > χ, g > γ > 0*.

— Диалект ВБ₂, исходя из анализа данных волжско-булгарских эпиграфий и заимствований, сохранившихся в татарском, башкирском и чувашском языках, соотносится с периодом после монгольского вторжения. Основные свойства данного диалекта: сохранение оппозиций *ĵ : č, č' : č, s : ś*, в притяжательном аффиксе 3-го лица *-si > -śi*, переднеязычные гласные сохраняют свою долготу, а в случае заднеязычных гласных наблюдается начало дифтонгизации, появление *v*-протезы перед лабиальным начальным гласным, наличие аллофонов *ā* и *e*.

— Диалект ВБ₃ — предшественник чувашского языка. Для него характерны ослабление оппозиции долгих и кратких гласных и начало дифтонгизации оставшихся долгих гласных.

Три волжско-булгарских диалекта можно реконструировать в виде таблицы на основе сравнения числительных:

Таблица 4

**Имена числительные
в трех диалектах волжско-булгарского языка [38, с. 485]***

Szá- mok	Keleti ötörök	Nyugati ötörök	VB ₁	VB ₂	VB ₃	Csuvas
1	bīr	bīr	bīr	bir	pir	pērē
2	ekki	eki	eki	eki	eki	ikē
3	ūč	ūč	ūč ~ ūš	ūč>weč	ūš	višē
4	tort	tōrt	tūwet	tūwet	tūart	tāvatā
5	bēš	bēl	bēl	bjel	pelik	pilēk
6	altī	altī	āltī	altī	āltī	ultā
7	yetti	jeti	šeti ~ četi	četi	šeti	šičē
8	sākkiz	sākir	sākir	sekir	sākir	sakār
9	tokuz	toḡur	tūḡur	toḡur	tuxur	tāḡār
10	ōn	ōn	ōn	wan	ōn	vunā
20	yegirmi	jīyirmi	šerim ~ čerim	čerim	šerim	širēm
30	ottuz	otur	ūtur	wotur ~ watur	utur ~ vutur	vātār
40	kīrk	ḡīrk	ḡīrk	ḡīrk	ḡīrk	ḡērēḡ
50	ellig	ālliy	ālli	elli ~ ellū	ālli	allā
60	altmīš	altmīl	āltmīl	altmīl	āltmīl	utmāl
70	yetmīš	jetmīl	šetmīl	četmīl	šetmīl	šitmēl
100	yūz	jūr	šūr	čūr	šūr	šēr

Заключение

На диалекте ВВ₁ могли говорить на территории, непосредственно соседствующей с населением, являющимся носителем протопермского и протовотяжского языков. Этот диалект мог локализоваться только на территориях, расположенных к северу от Камы [11, с. 161 — 163]. Диалект ВВ₂ представлен на волжско-булгарских надмогильных памятниках (1281 — 1361), он мог быть центральным диалектом волжско-булгарского языка [11, с. 168]. Территориально он скорее всего располагался южнее Камы, где и концентрировалось большинство волжско-булгарского населения. Диалект ВВ₃ не мог быть связан с диалектом ВВ₁ [11, с. 180]. По всей вероятности, его можно локализовать на территориях, расположенных западнее Волги.

* Венгерские слова в данной таблице переводятся следующим образом: Számok «Числа», Keleti ötörök «Восточный древнетюркский», Nyugati ötörök «Западный древнетюркский», VB₁ «ВВ₁», VB₂ «ВВ₂», VB₃ «ВВ₃», Csuvas «Чувашский». — Ю. Д.

После монгольского вторжения центральный диалект ВБ₂ потерял свою доминантную роль, и определяющим стал язык новоприбывших кыпчаков. На исчезновение этого диалекта в среде городского населения значительно повлияла эпидемия чумы XIV в., и это же может подтверждаться тем, что последняя эпиграфия на волжско-булгарском языке датируется 1361 г. Данный диалект был ассимилирован кыпчакским языком, который занял господствующие позиции. Диалект ВБ₁ был ассимилирован позже, по всей вероятности, в XV — XVI вв. во времена Казанско-Татарского ханства. Наконец, формирование собственно чувашского языка могло начаться в монгольскую эпоху на основе диалекта ВБ₃.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адыгаши К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. I. *Studies in Linguistics of the Volga-Region*. 2005. Vol. II. Debrecen. 216 с.
2. Ашмарин Н. И. Болгары и чуваш. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1902. 132 с.
3. Гарипова Ф. Г. Отражение древнебулгарских топонимов и этнонимов в топонимии Среднего Поволжья // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980. С. 111 — 123.
4. Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 294 с.
5. Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Вып. 6. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. 132 с. (Археология евразийской степей. Вып. 6).
6. Хакимзянов Ф. С. Язык эпиграфий волжских болгар. М.: Наука, 1978. 205 с.
7. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 204 с.
8. Agyagási K. A Volga-Bulgarian Loan-word in a Tatar Dialect Spoken in Diaspora // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 50. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1997. Pp. 11 — 15.
9. Agyagási K. Some Middle Bulgarian Loan-words in the Volga Kipchak Languages / K. Agyagási // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 55. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002. Pp. 25 — 28.
10. Agyagási K. Language contact in the Volga-Kama Area // *The Szeged Conference Proceedings of the 15th International Conference on Turkish Linguistics held on August 20 — 22, 2010 in Szeged*. Edited by Kincses-Nagy, É. and Biacsi, M. *Studia Uralo-Altaica* 49. Szeged, 2012. Pp. 21 — 37.
11. Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p.
12. Berta Á. Zwei wolgabolgarische Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren // *Studies in Chuvash Etymology*. Ed. by Róna-Tas, A. [*Studia Uralo-Altaica* 17]. Szeged, 1982. Pp. 14 — 19.
13. Dallos E. The Arabic and Persian Layer of Names of Chuvash Mythical Creatures // *Historical linguistics and philology of Central Asia: essays in Turkic and Mongolic studies*. Ed. by Khabtagaeva, B. with the assistance of Olach, Zs.. [Series: Languages of Asia, volume 26] Leiden — Boston, 2022. Pp. 400 — 419.
14. Erdal M. Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. 172 p.
15. Favereau M. The Horde: How the Mongols changed the world. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2021. 377 p.
16. Fodor S. Róna-Tas A. *Epigraphica Bulgarica*. [*Studia Uralo-Altaica* 1] Szeged, 1973. 189 p.
17. Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1992. 494 p.
18. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1912. 278 p.
19. Johanson L. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1063 p.
20. Kmoskó M. Mohamedán írók a steppe népeiről. *Földrajzi irodalom*. I/2. Szerk. Zimonyi I. [Magyar Östörténeti Könyvtár 13] Budapest: Balassi Kiadó, 2000. 268 p.
21. Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 301 ol.
22. Németh Gy. On ogur, hét magyar, Dentümogyer // *Kőrösi Csoma Archivum* I. (1921). Budapest: 1922. Ol. 148 — 155.
23. Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1930. 350 ol.

24. Németh J. Das Wolga-bulgarische Wort baqšī ‚gelehrter Herr‘ in Ungarn / J. Németh // *Islâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi* 5. Istanbul, 1973. S. 165 — 170.
25. Pritsak O. Kaşğarîs Angaben über die Sprache der Bulgaren // *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft* 109. Wiesbaden, 1959. S. 92 — 116.
26. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek ősermi bolgár-török jövevényszavai // *Nyelvtudományi Közlemények* 74. Budapest, 1972. Ol. 281 — 298.
27. Rédei K., Róna-Tas A. Ősermi és votják jövevényszavak a csuvasban // *Nyelvtudományi Közlemények* 82. Budapest, 1980. Ol. 125 — 133.
28. Rédei K., Róna-Tas A. Proto-Permian and Votyak Loan Words in Chuvash // *Studies in Chuvash Etymology I. Studia Uralo-Altaica* 17. Ed. by A. Róna-Tas. Szeged, 1982. Pp. 158 — 179.
29. Rédei K., Róna-Tas A. Early Bulgarian Loanwords in the Permian Languages // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 37. Budapest, 1983. Pp. 3 — 41.
30. Róna-Tas A. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History // *Chuvash Studies* Ed. by Róna-Tas A. Budapest, 1982. Pp. 113 — 170.
31. Róna-Tas A. Three Volga Kipchak Etymologies // *Studies in Chuvash Etymology I*. Ed. by Róna-Tas A. [Studia Uralo-Altaica 19] Szeged, 1982. Pp. 152 — 157.
32. Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. 2 parts. With the assistance of L. Károly. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.
33. Sachau C. E. Chronology of Ancient Nations: An English version of the Arabic text of the *Athâr-ul-bâkiya* of Albirûnî, or „Vestiges of the Past,” collected and reduced to writing by the author in A.H. 390-1, A.D. 1000. Translated and edited, with notes and index, by C.E. Sachau. London, 1879. 492 p.
34. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas*. Szeged, 1991. Pp. 157 — 163.
35. Scherner B. Arabische und neupersische Lehnwörter im tschuwaschischen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1977. XXX + 213 s.
36. *Scriptores rerum Hungaricarum, I–II. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini 1937–1938*, Reprint kiadás: Az utószót és bibliográfiát összeállította, valamint a Függelékben közölt írásokat az 1. kiadás anyagához illesztette és gondozta Szovák Kornél és Veszprémy László. Bp., 1999. Nap Kiadó Bt. XIV, 553; 799 l.2
37. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars. [Studia Uralo-Altaica 32] Szeged: Department of Altaic Studies, University of Szeged, 1990. 211 p.
38. Zimonyi I. Klára Agyagási, Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden, 2019. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2020. Pp. 480 — 487.

REFERENCES

1. Adyagashi K. Early Russian borrowings of the Turkic languages of the Volga-Kama area. I. The studies in linguistics of the Volga-Region. 2005. Vol. II. Debrecen. 216 p. (In Russ.)
2. Ashmarin N. I. The Bulgar and Chuvash peoples. Kazan;1902. 132 p. (In Russ.)
3. Garipova F. G. The reflection of the Old Bulgarian toponyms and ethnonyms in toponymy of the Middle Volga region. *The research of the ancient written monuments' language*. Kazan;1980. Pp. 111 — 123. (In Russ.)
4. Garipova F. G. The studies on hydronymy of Tatarstan. M.;1991. 294 p. (In Russ.)
5. Mukhametshin D. G. The Tatar epigraphic monuments. Regional peculiarities and ethno-cultural variants. Kazan;2008. 132 p. (Archaeology of the Eurasian steppes. Vol. 6). (In Russ.)
6. Khakimzyanov F. S. The language of epitaphs of the Volga Bulgars. M.;1978. 205 p. (In Russ.)
7. Yusupov G. V. The introduction to Bulgaro-Tatar epigraphy. M.;1960. 204 p. (In Russ.)
8. Agyagási K. A Volga-Bulgarian Loan-word in a Tatar Dialect Spoken in Diaspora. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 50. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1997. Pp. 11 — 15.
9. Agyagási K. Some Middle Bulgarian Loan-words in the Volga Kipchak Languages / K. Agyagási. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 55. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002. Pp. 25 — 28.
10. Agyagási K. Language contact in the Volga-Kama Area. *The Szeged Conference Proceedings of the 15th International Conference on Turkish Linguistics held on August 20 — 22, 2010 in Szeged. Edited by Kincses-Nagy, É. and Biacsi, M. Studia Uralo-Altaica* 49. Szeged, 2012. Pp. 21 — 37.
11. Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p.

12. Berta Á. Zwei wolgabolgarische Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren. *Studies in Chuvash Etymology*. Ed. by Róna-Tas, A. [Studia Uralo-Altaica 17]. Szeged, 1982. Pp. 14 — 19.
13. Dallos E. The Arabic and Persian Layer of Names of Chuvash Mythical Creatures. *Historical linguistics and philology of Central Asia: essays in Turkic and Mongolic studies*. Ed. by Khabtagaeva, B. with the assistance of Olach, Zs.. [Series: Languages of Asia, volume 26]. Leiden-Boston, 2022. Pp. 400 — 419.
14. Erdal M. Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. 172 p.
15. Favereau M. The Horde: How the Mongols changed the world. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2021. 377 p.
16. Fodor S. Róna-Tas A. Epigraphica Bulgarica. [Studia Uralo-Altaica 1] Szeged, 1973. 189 p.
17. Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1992. 494 p.
18. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1912. 278 p.
19. Johanson L. Turkic. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1063 p.
20. Kmoskó M. Mohamedán írók a steppe népeiről. Földrajzi irodalom. I/2. Szerk. Zimonyi I. [Magyar Östörténeti Könyvtár 13]. Budapest: Balassi Kiadó, 2000. 268 p.
21. Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 301 ol.
22. Németh Gy. On ogur, hét magyar, Dentümgöyer // Körösi Csoma Archivum I. (1921). Budapest: 1922. Ol. 148 — 155.
23. Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1930. 350 ol.
24. Németh J. Das Wolga-bulgarische Wort *baqšī* ‚gelehrter Herr‘ in Ungarn / J. Németh // Islâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi 5. Istanbul, 1973. S. 165 — 170.
25. Pritsak O. Kašgarī's Angaben über die Sprache der Bulgaren. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft* 109. Wiesbaden, 1959. S. 92 — 116.
26. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek ősspermi bolgár-török jövevényszavai. *Nyelvtudományi Közlemények* 74. Budapest, 1972. Ol. 281 — 298.
27. Rédei K., Róna-Tas A. Ősspermi és votják jövevényszavak a csuvasban. *Nyelvtudományi Közlemények* 82. Budapest, 1980. Ol. 125 — 133.
28. Rédei K., Róna-Tas A. Proto-Permian and Votyak Loan Words in Chuvash. *Studies in Chuvash Etymology I. Studia Uralo-Altaica 17*. Ed. by A. Róna-Tas. Szeged, 1982. Pp. 158 — 179.
29. Rédei K., Róna-Tas A. Early Bulgarian Loanwords in the Permian Languages. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 37. Budapest, 1983. Pp. 3 — 41.
30. Róna-Tas A. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History. *Chuvash Studies* Ed. by Róna-Tas A. Budapest, 1982. Pp. 113 — 170.
31. Róna-Tas A. Three Volga Kipchak Etymologies. *Studies in Chuvash Etymology I*. Ed. by Róna-Tas A. [Studia Uralo-Altaica 19] Szeged, 1982. Pp. 152 — 157.
32. Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. 2 parts. With the assistance of L. Károly. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.
33. Sachau C. E. Chronology of Ancient Nations: An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or „Vestiges of the Past”, collected and reduced to writing by the author in A. H. 390-1, A.D. 1000. Translated and edited, with notes and index, by C. E. Sachau. London, 1879. 492 p.
34. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian. *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas*. Szeged, 1991. Pp. 157 — 163.
35. Scherner B. Arabische und neupersische Lehnwörter im tschuwaschischen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1977. XXX + 213 s.
36. Scriptores rerum Hungaricarum, I — II. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini 1937 — 1938, Reprint kiadás: Az utószót és bibliográfiát összeállította, valamint a Függelékben közölt írásokat az 1. kiadás anyagához illesztette és gondozta Szovák Kornél és Veszprémy László. Bp., 1999. Nap Kiadó Bt. XIV, 553; 799 12.
37. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars. [Studia Uralo-Altaica 32]. Szeged: Department of Altaic Studies, University of Szeged, 1990. 211 p.
38. Zimonyi I. Klára Agyagási, Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden, 2019. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2020. Pp. 480 — 487.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 23.02.2025

Информация об авторе:

Иштван Зимони, профессор кафедры средневековой истории Сегедского университета
(6722, Венгрия, г. Сегед, ул. Эдетем, д. 2), доктор исторических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4644-2969>, zimonyi@hist.u-szeged.hu

The article was received by the editors on 27.01.2025; accepted for publication 23.02.2025

Information about the author:

István Zimony, Professor of the Department of Medieval History, University of Szeged
(6722, Hungary, Szeged, Edethem Str., Buil. 2), doctor of Historical Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4644-2969>, zimonyi@hist.u-szeged.hu

Статья редакции 27.01.2025 читнё; 23.02.2025 пичете йышанна

Автор синчен:

Иштван Зимони, Сегед университетчён ватам ёмёрсен историйён кафедрин профессорё
(6722, Венгри, Сегед, Эдетем ур., 2-мёш сурт), истори ёслалăхёсен докторё,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4644-2969>, zimonyi@hist.u-szeged.hu

Оригинал статьи опубликован в сборнике материалов конференции XX. Nemzetközi Vámbéry Konferencia előadásai «Ázsia világának belsejébe» на С. 109 —126.

Перевод с венгерского языка Ю. Дмитриевой

УДК 811.512.111'35
ББК 81.635.1-6

Научная статья

**ОТРАЖЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ПРАВОПИСАНИЯ
В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

О. Р. Студенцов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
studor2@yandex.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка проследить за становлением и распространением чувашского правописания в текстах переводной литературы яковлевского периода (1871 — 1917). Материальной базой исследования послужили переводные издания церковно-богослужебной литературы — частей Ветхого и Нового Заветов на чувашском языке. Исследование опирается на труды В. Г. Егорова, И. П. Павлова, Н. П. Петрова, Р. И. Цаплиной, И. Я. Яковлева, П. Я. Яковлева. Используются методы наблюдения, описания, анализа и синтеза в диахроническом и синхроническом аспектах. В статье на основе картотеки примеров проанализированы закономерности слитного, дефисного и раздельного написания в переводах текстов Библии. Правописание в целом соответствует правилам, изложенным в предуведомлении к букварям просветителя И. Я. Яковлева. Однако в его орфографии выявляются противоречия и элементы, не соответствующие нормам. Полное объяснение этого феномена требует специального исследования. Вероятно, существует комплекс факторов, способствовавших возникновению таких противоречий: копирование русской орфографии текстов-оригиналов, различная хронология переводов, пересмотр правил в процессе работы, влияние подходов разных лиц, участвовавших в переводе и редактировании и др. Правила, предложенные И. Я. Яковлевым, получили широкое признание и стали основой чувашской письменности. Их значимость и практическая ценность подтвердились на практике, и многие из них органично вошли в более поздние этапы формирования чувашской орфографии, способствуя ее дальнейшему развитию и совершенствованию. Таким образом, современная чувашская орфография базируется на принципах И. Я. Яковлева в части слитного, дефисного и раздельного написания слов и словосочетаний.

Ключевые слова: чувашский язык, яковлевский период, переводная православная литература, письменные памятники, чувашское правописание, современная орфография

Для цитирования: Студенцов О. Р. Отражение становления и распространения современного чувашского правописания в письменных памятниках второй половины XIX — начала XX века // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 107 — 119

© Студенцов О. Р., 2025

Scientific article

**THE ESTABLISHMENT AND SPREAD OF MODERN CHUVASH
ORTHOGRAPHY IN THE WRITTEN MONUMENTS OF THE SECOND
HALF OF 19TH — BEGINNING OF 20TH CENTURY**

O. R. Studentsov

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
studor2@yandex.ru

Abstract. This paper attempts observe the formation and spread of the Chuvash spelling in the texts of translated literature of the Yakovlev period (1871 — 1917). The translated editions

of church and liturgical literature, parts of the Old and New Testaments in the Chuvash language are the materials to study. The study relies on the works of V. G. Egorov, I. P. Pavlov, N. P. Petrov, O. R. Studentsov, R. I. Tsaplina, I. Y. Yakovlev. The methods of observation, description, analysis and synthesis in diachronic and synchronic aspects have been used. The regularities of conjunctive, hyphenated and separate spelling in translations of Bible texts have been analyzed based on card index of examples. The spelling generally corresponds to the rules set forth the enlightener I. Y. Yakovlev. However, his orthography reveals contradictions and elements that do not conform to the norms. Thus a complete explanation of this phenomenon requires a special study. There are probably a complex of factors contributed to the emergence of such contradictions: copying the Russian orthography of the original texts, different chronology of translations, revising the rules in the process of work, the influence of different persons' approaches, involved in translation and editing, etc. The rules proposed by I. Yakovlev were widely recognized and became the basis of the Chuvash script. Their significance and practical value were confirmed in practice and many of them organically entered the later stages of the Chuvash orthography formation contributing to its further development and improvement. Thus, the modern Chuvash orthography is based on I. Yakovlev's principles in terms of the conjunctive, hyphenated and separate spelling of words and word combinations.

Keywords: the Chuvash language, the Yakovlev period, translated orthodox literature, written monument, the Chuvash spelling, modern orthography.

For citation: Studentsov O. R. Reflection of the modern Chuvash orthography formation and spread in written monuments at the end of 19th — beginning of 20th century // Modern humanities. 2025;1(1):107 — 119

Аслăлăх статийи

ХІХ ЁМЁРЁН ИККЁМЁШ СЎРРИНЧИ — ХХ ЁМЁР ПУСЛАМАШЁНЧИ СЫРУ ПАЛАКЁСЕНЧЕ ХАЛЬХИ ЧАВАШ ОРФОГРАФИЙЁН ЙЁРКЕЛЕНЁВЁПЕ САРАЛАВНЕ САНАНИ

О. Р. Студенцов

Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар, Раççей
studor2@yandex.ru

Аннотаци. Ёсre Яковлев тапхăрĕнчи куçару тексчĕсенче чăваш орфографийĕ мĕнле йĕркеленнине тата сарăлнине сăнанă (1871 — 1917). Тĕпчев çăл куçĕ — чиркÿпе тĕн литературин куçару кăларăмĕсем: Кивĕ тата Çĕнĕ Халал пайĕсем. Тĕпчев никĕсĕнче — В. Г. Егоров, И. П. Павлов, Н. П. Петров, О. Р. Студенцов, Р. И. Цаплина, И. Я. Яковлев, П. Я. Яковлев ёçĕсем. Статъяра диахронипе синхрони аспекчĕсене шута илсе сăнав, сăнлав, анализ тата синтез мелĕсемпе усă курнă. Тĕслĕхсен картотекине тĕпе хурса Библи тексчĕсен куçарăвĕсенче пĕрле, уйрăм тата дефиспа сырасин саккунĕсене тишкернĕ. Тĕрĕс сырас йĕрке, пĕтĕмĕшпе илсен, И. Я. Яковлев çутта кăларуçăн буквaрĕсен ум сăмахĕнче çырнă йĕркесемпе килĕшсе тăрат. Анчах та унăн орфографийĕнче нормăсене тивĕçтермен хирĕçÿсемпе элементсем палăраççĕ. Çак феномена туллин ăнлантарса пама ятарлă тĕпчев кирлĕ. Ахăртнех, çакăн пек хирĕçÿсем сиксе тухма пулăшнă факторсен комплексĕ пур: оригиналсен вырăс тексчĕсенчи орфографине копилени, куçарусен тĕрлĕ хронологийĕ, ёç процесĕнчи йĕркесене тепĕр хут пăхса тухса улăштарни, куçарас тата редакцилес ёсе хутăшнă тĕрлĕ сынан тĕрлĕ ёç мелĕсем витĕм кÿни т. ыт. те. И. Я. Яковлев сĕннĕ правилăсем ăнлан сарăлса чăваш сырулăхĕн никĕсĕ пулса тăнă. Вĕсен пĕлтерĕшĕпе практика хаклăхĕ пурнăçра сирĕпленнĕ. Вĕсенчен чылайăшĕ чăваш орфографине малалла аталантарма тата лайăхлатма пулăшнă. Сапла вара, хальхи чăваш орфографийĕн никĕсĕнче И. Я. Яковлев сĕннĕ принципсем, сăмахсемпе сăмах майлашăвĕсене пĕрле, уйрăм е дефиспа сырас правилăсем пуç пулса тăраççĕ.

Тĕп сăмахсем: чăваш чĕлхи, Яковлев тапхăрĕ, куçарнă православи литератури, сыру палăкĕсем, чăвашла тĕрĕс сырас йĕрке, хальхи орфографи

Цитатӑлама: Студенцов О. Р. XIX ёмӑрӑн иккӑмӑш сурринчи — XX ёмӑр пуҫламӑшӑнчи ҫыру палӑкӑсенче хальхи чӑваш орфографийӑн йӑркеленӗвӗпе сарӑлавне сӑнани // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 107 — 119

Введение

Большинство словарей лингвистических терминов под термином «орфография» (от греч. *orthos* «прямой, правильный» + *grapho* «пишу», т. е. «правописание») понимает следующую систему правил:

- 1) о слитных, дефисных и раздельных написаниях слов;
- 2) о написании слов и их значимых частей;
- 3) об употреблении прописных и строчных букв;
- 4) о переносе слов с одной строки на другую¹.

В нашей статье предпринята попытка обнаружения закономерностей слитного, дефисного и раздельного написания в переводах текстов Библии — частей Ветхого [1] и Нового Заветов [3] на чувашском языке конца XIX — начала XX в. Остальные вышеперечисленные пункты ввиду значительного объема рассматриваемого материала будут объектами отдельного исследования. Кроме того, тематика чувашского алфавита, графики, орфографии дореволюционных изданий частично освещалась и обсуждалась в статье П. Я. Яковлева [8], монографиях Н. П. Петрова [5], В. Г. Егорова [2], учебном пособии Р. И. Цаплиной [6], в диссертационном исследовании² и учебном пособии³ О. Р. Студенцова.

Материалы и методы

Для анализа процесса формирования и распространения современного чувашского правописания⁴ были использованы письменные источники второй половины XIX — начала XX в. В их число вошли в основном переводы Библии, изданные в рассматриваемый период, а также другие произведения, которые могли повлиять на становление норм правописания.

Применены следующие методы исследования:

1. Анализ письменных источников: были изучены переводы текстов Библии с целью выявления закономерностей в слитном, дефисном и раздельном написании слов.
2. Сравнительный анализ: проведено сравнение различных изданий и переводов, чтобы выявить изменения в правописании и установить тенденции.
3. Типологический анализ: классификация различных вариантов чувашского алфавита и правописания, выявление их особенностей и влияния на формирование современных норм.
4. Статистический анализ: подсчет частоты использования различных вариантов написания слов для определения наиболее употребительных и закрепления их в правописании.

¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку: словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Мир и образование, 2023. 624 с.

² Студенцов О. Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И. Я. Яковлева и его школы (1871 — 1917): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2007. 329 с.

³ Студенцов О. Р. Новое в лексике чувашской православной литературы (1871 — 1917) : учеб. пособие / Мин-во образования и науки Российской Федерации; Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 140 с.

⁴ Чӑваш чӗлхин орфографи словарӗ / Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑӑхӑсен институтӗ; А. А. Алексеев пухса хатӗрленӗ; И. П. Павловпа Ю. М. Виноградов редакциленӗ. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2002. 399 с.

5. Контекстуальный анализ: анализ контекста использования различных вариантов написания слов для понимания их семантики и функциональности.

6. Экспертные оценки: консультации с лингвистами и специалистами в области чувашского правописания для получения экспертных оценок и рекомендаций.

7. Наблюдения, описание и синтез: выведены закономерности орфографирования чувашских переводов частей Библии.

Все эти методы позволили выявить закономерности становления и распространения современного чувашского правописания в письменных памятниках второй половины XIX — начала XX в.

Результаты исследования и их обсуждение

Говоря о правописании чувашских слов, необходимо коротко сказать о развитии чувашского алфавита и его вариантах. Просветитель И. Я. Яковлев в своем первом букваре,данном в печать 15 (27) ноября 1871 г., под непосредственным руководством профессора Н. И. Ильминского, подготовил первый вариант чувашского алфавита при помощи русского студента В. А. Белилина и чувашского ученика Казанской крещено-татарской школы С. Н. Тимрясова. Положив в основу фонетический принцип транскрипции, в алфавит он включил 47 букв, из них 9 гласных и 38 согласных: Аа, Бб, Б'б', Вв, В'в', Гг, Г'г', Ѓѓ, Ѓ'ѓ', Дд, Д'д', Д'д', Ее, Жж, Ж'ж', Зз, З'з', Ии, Йй, Кк, К'к', Лл, Л'л', Мм, М'м', Нн, Н'н', Оо, Пп, П'п', Рр, Р'р', Сс, С'с', Тт, Т'т', Ѓ Ѓ, Уу, Ёё, Фф, Хх, Х'х', Шш, Ш'ш', ь, ь, Ыы. Данный алфавит на основе русской графики со многими диакритическими знаками позволял орфографировать чувашские и заимствованные из русского языка слова по единому правилу (каждому звуку чувашской и русской речи соответствовал один знак).

Из-за сложности печатного набора и записи от руки, а также различий в диалектах и некоторых других причин И. Я. Яковлев и его учитель Н. И. Ильминский уже в следующем году усовершенствовали алфавит, поставив прагматическую цель упростить письмо. Во втором варианте алфавита из 47 букв осталось 27: Аа, Пп, Вв, Кк, Тт, Ѓ Ѓ, Ѓ'ѓ', Ее, Шш, Сс, Сс, Ии, Јј, Лл, Љљ, Мм, Нн, Њњ, Оо, Пп, Рр, Уу, Ёё, Фф, Хх, ь, ь, Ыы, на котором было напечатано сразу два издания: «Букварь...» и «Начальное учение православной христианской веры». Третий вариант алфавита из 25 букв от 1873 г. претерпел незначительные изменения: после выхода этих книг снова был пересмотрен алфавит и внесены небольшие изменения: знаки «ь», «ь» заменены буквами «ӓ», «ӕ», знак «ј» — буквой «й»; буквы «о», «ф» были удалены как несвойственные родному низовому диалекту просветителя. Данный вариант за малыми изменениями успешно функционировал около 60 лет вплоть до 1933 г.: Аа, Ӑӑ, Уу, Ыы, Ее, Ӗӗ, Ӧӧ, Ии, Йй, Лл, ӖӖ, Кк, Мм, Нн, ӖӖ, Рр, Сс, ӖӖ, Шш, Вв, Кк, Хх, Пп, Тт, ӖӖ, ӖӖ. За год после принятия нового, третьего варианта, было напечатано сразу четыре книги: «Букварь с присоединением русской азбуки», «Евангелие от Матфея», «Начальное учение о православной христианской вере» и «Пасхальные молитвы».

Естественно, становление норм правописания яковлевского периода не может являться одномоментным процессом. Выработка норм правописания слов происходит постепенно, в результате переводов, изданий и переиздания книг, через школьную практику преподавания и издания учебной литературы, а также в результате издания публицистических текстов. Причины медленной унификации правописания во многом очевидны. Кратко перечислим основные из них. Пер-

вое — это участие в процессе переводов и создания оригинальных письменных текстов представителей всех диалектов из местностей, расположенных иногда за сотни километров. Каждый из авторов и соавторов привносит свои языковые особенности, которые со временем в результате увеличения частоты использования особенностей становятся привычными и закрепляются в орфографических нормах (в письменных правилах и сводах, принятых официально). Второй фактор — это децентрализованность переводов на чувашский язык. Известна работа в разных временных промежутках четырех переводческих центров: Симбирского, Казанского, Самарского и Уфимского. Все они осуществляли свою деятельность фактически под руководством, финансированием и контролем православных учреждений Российской империи. Причем в Казани в начале XX в. возникла и плодотворно работала еще одна (можно сказать, пятый центр), практически независимая группа с более светским уклоном содержания изданий, инициатором и вдохновителем которой был Н. В. Никольский. Речь идет о публицистической деятельности начинающего этнографа и историка и, в частности, об организации им выпуска первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть) — издано 65 номеров в 1906 — 1907 гг., и организации переводов научно-популярной, официально-деловой, православной литературы на чувашский язык. В их числе более 30 брошюр на чувашском языке о земледелии, животноводстве, пчеловодстве, медицине, воспитании детей и т. д.; 9 календарей на чувашском языке — «Султалăк кёнеки» с 1906 по 1914 г. Благодаря деятельности Н. В. Никольского число авторов текстов и читателей возросло многократно, усилилась нормотворческая деятельность, в том числе и орфографирование чувашских текстов.

В «Предупреждении» букварей, издававшихся под разными наименованиями, И. Я. Яковлев пишет: «Закончим наше Предупреждение следующими практическими замечаниями:

а) падежные окончания: *нăн, нён, на, не, ра, ре, сем, сене* и др., также окончания лица в глаголах: *тăн, тён, тăн, тён* и пр. пишутся слитно с теми словами, которые спрягаются или склоняются;

б) предлоги: *сине, синче*, отрицательные частицы *мар, ан*, союзы *та, те* пишутся отдельно;

в) составные части сложных сущ., глаголов и др. частей речи отделяются друг от друга знаком */-/*; например: *кил-сұрт, сұрăм-пуç, ача-пăча, кĕл-тума* и др.» [7].

Как видим, просветитель в вводной части Букваря в целом закрепил правило слитно-раздельного написания, правописание слов с аффиксами, раздельное написание сочетаний с послелогоми и написание через дефис «сложных слов». К сожалению, в трудах чувашских лингвистов данные положения остались незамеченными и неучтенными [4]. В яковлевский период других работ или научных статей по чувашскому правописанию не появлялось.

Правописание слов с частицами. Слова с частицей *-ах (-ех)* писались слитно. Частицы *-ха, -ске (-ёске), -и, -ии, -мён, -иç* писались через дефис:

Вĕрентекен! Çăлăнакан чăнахах сахал-и-мён? тенĕ «Господи! неужели мало спасающихся?» (Лк 13:23); *Ана кунён-сĕрĕн йăлăнсан, васкасах хăтармасан та, хăтармасăр хăварё-и?* «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их» (Лк 18:7); *Иуда! Этем Ывăлне чуп-тусах тытса паратăн-и-мён?* «...целованием ли предаешь Сына Человеческого?» (Лк 22:48); *Ун валли кам та пулин çиме илсе килнĕ-и-мён?* «...разве кто принес Ему есть? (Ин 4:33).

Изредка встречается раздельное написание частицы *мён*: ...*ку* *Сын чайнах та Турă Ывăлĕ пулнă мён* «...истинно Человек Сей был Сын Божий» (Мк 15:39).

Формант -чĕ практически всегда пишется через дефис:

Ку кăна та вилмелле мар тума пултарайман пулĕ-чĕ-и-мён? «...не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?» (Ин 11:37); *Христос çапла асап курса Хай мухтава тухмалла мар-чĕ-и вара? тенĕ* «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк 24:26); ...*вăл сире итлĕ-чĕ* «...она послушалась бы вас» (Лк 17:6); ...*çавăн чух Иисус каланă: вун-нăн тасалман-чĕ-и? тăххăрĕшĕ аста тата?* «Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять?» (Лк 17:17).

Орфография слов-повторов. Заметим, что по современным орфографическим правилам повторяющиеся слова, как и в русском языке, в чувашском пишутся через дефис: *хăш-хăш*, *ларсан-ларсан*, *пин-пин*, *сърерĕ-сърерĕ*, *султан-сул*. Но в исследуемый период они писались, как правило, всегда раздельно:

Вăл Иисус ури патне хыçёнчен пырса тăнă та, йĕре йĕре Унăн урисене куç-сулĕне йĕпетсе, хайĕн пуçёнчи сўсёне шăла шăла илнĕ, урине чун-тăва чун-тăва миро сёрнĕ «...и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром» (Лк 7:38); *Иисуса хире хирĕç тăракан сёрпў* «Сотник, стоявший напротив Его» (Мк 15:39); ...*хăшĕ хăшĕ тата йывăç турачĕсем каса каса илсе, вёсене сул тăрăх пăрахса пынă* «...другие резали ветви с дерев и постилали по дороге» (Мк 11:8); *Пахчаçсем пĕр пĕрне каланă* «Садовники сказали друг другу» (Мф 24:10); *Унăн пĕртен пĕр савнă ывăлĕ пулнă* «Имея же еще одного сына, любезного ему...» (Мк 12:6); ...*пĕрерĕн пĕрерĕн чёнсе илнĕ* «И, призвав должников господина своего, каждого порознь...» (Лк 16:5); ...*хăлхисемне те вёсем аран аран илтесçĕ* «...и ушами с трудом слышат...» (Мф 13:15); ...*сана йĕрки йĕркине сырса парас терĕм* «...по порядку описать тебе» (Лк 1:3); ...*вёсем тырă пуçахёсене тата тата илсе сие пуçланă* «...ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть» (Мф 12:1); *Иоанн вĕренекенĕсем те, фарисейсенĕн те час часах типĕ тытаççĕ, кĕл-тăваççĕ* «...ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские...» (Лк 5:33); ...*кавакарчăн сутакансенĕн тенкеллисене тўнтере тўнтере янă* «...скамьи продающих голубей опрокинул» (Мк 11:15).

Дефисное написание повторяющихся слов встречается довольно редко: *Турă Моисейне куçа-куçăн тăрса калаçнă* «И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу» (Исх 33:11); ...*сиртен пĕри-пĕри тăрăшса пўне пĕр чике пек те пулин ўстерме пултарайĕ-и* «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть» (Лк 12:25); *Пĕр-пĕр хулана пырсан* «И если придете в какой город» (Лк 10:8); ...*вёсене сан патăнтан ерри-еррипенĕн хăваласа пырăп* «...мало-помалу буду прогонять их от тебя» (Исх 23:30).

Правописание парных слов с частичным удвоением основы

Традиция, заложенная И. Я. Яковлевым и его соратниками, сохранила форму написания слов через дефис до настоящего времени: ...*тумтирĕ шап-шурă, çап-çутă* *пулса тăнă* «...и одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17:2); ...*пĕтĕм сёр çинче сĕм-тĕттĕм тăнă* «...и сделалась тьма по всей земле до часа девятого» (Лк 23:44); ...*çап-çутă тумтирлĕ икĕ сын пырса тăнă* «...предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих» (Лк 24:4); ...*пĕтĕм Египет сёрĕнче виçĕ кунччен тĕт-тĕттĕм тăнă* «не видели друг друга, и никто не вставал с

места своего три дня» (Исх 10:23); ...*пăхър савăтне тап-таса тасатса шыва* *çăвас пулать* «если же она варилась в медном сосуде, то должно его вычистить и вымыть водою» (Лев 6:28).

В то же время в некоторых случаях *сѐм тѣттѐм* является исключением из правила: ...*пѣтѐм сѣр синче сѐм тѣттѐм пулса тăнă* «...настала тьма по всей земле» (Мк.15:33); ...*аллуна пѣлѣт синелле тăс, Египет сѣрѣнче тѣттѐм пулса тăрѣ, сѐм тѣттѐм пулѣ, тенѣ* «...прости руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма» (Исх 10:21).

В начале XX в. правописание имен существительных находилось в стадии формирования норм. Наблюдается тенденция в переводах к раздельному написанию числительных.

Адам пурăннă кун-сул пурѣ тăхър сѣр вăтър сул пулнă «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет» (Быт 5:5); *Енох Турă умѣнче виçѣ сѣр сул сѣренѣ* «И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусала, триста лет» (Быт 5:22); ...*пин те сичѣ сѣр ситмѣл пилѣк сикль кайнă; ...сирѣме ситсе, унтан иртсе хисепе кѣнѣ ултă сѣр виçѣ пин те пилѣк сѣр аллă сынтан таса сикль хисепѣне сын пуçенчен суршар сикль кайнă* «...серебра же от исчисленных лиц общества сто талантов и тысяча семьсот семьдесят пять сиклей» (Исх 38:25); (Ин 21:8); *Ной пилѣк сѣр султа пулнă* «Ноею было пятьсот лет» (Быт 5:32).

В то же время часть имен числительных пишется слитно: *Енох тăхървунă сул пурăннă* «Енох жил девяносто лет» (Быт 5:9); *Енох пурăннă кун-сул пурѣ виçсѣр утмăл пилѣк сул пулнă* «Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет» (Быт 5: 23); ...*карапăн тăрăшишѣ виçсѣр чике* «...длина ковчега триста локтей» (Быт 6:15); *Сим пилѣксѣр сул пурăннă* «Сим жил пятьсот лет» (Быт 11:11); *тăватсѣр сын* «...четыреста человек» (Быт 32:6); ...*иккѣмѣш уйăхăн вунсиччѣмѣш кунѣнче* «...во второй месяц, в семнадцатый день месяца» (Быт 7:11).

Дефисное написание встречается лишь несколько раз:

Ку мирăна мѣшѣн виç-сѣр динарияна сутса, укѣине мѣскѣнсене парас мар-чѣ, тенѣ «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Мф 12:5); *Корнилий каланă: тăватăм-кун эпѣ сак хальхи сехетчен типѣ тытрăм* «...и говорит: «Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои вспомнялись пред Богом» (Деян 10:30).

Как видим, единых подходов в правописании имен числительных в библейских текстах И. Я. Яковлеву как редактору установить не удалось. Попытка подражания правописанию русских имен числительных, разные принципы — фонетический и морфологический, в их написании не позволили выработать единый стандарт.

Правописание парных слов. В библейских текстах подавляющее большинство парных слов подчиняются дефисному написанию: *пѣтѐм кун-сулăм тăрăшишѣне* «во все дни жизни» (Быт 43:9); *ху суралнă сѣр-шыва таврăн* «возвратиться в землю отцов твоих и на родину твою» (Быт 31:3); ...*хѣс-пăшална сыхласа тăнă чух* «...когда сильный с оружием охраняет» (Лк 11:21); ...*аййър-чиккър сирѣн вăрланине, улталаса илнине тулнă* «...а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства» (Лк 11:39); *савăт-сапасем, тиркѣсем, чашăксем тунă* «...сделал сосуда, принадлежащие к столу: блюда, кадилъницы, кружки и чаши» (Исх 37:16); *аишѣ-амăшѣ сълăха кѣнѣрен-и?* «...кто согрешил, он или родители его?» (Ин 9:2); *Ман патăма килекен хай аишѣне, амăшине, арăмне, ачине-пăчине, пиччѣш-не-ишлѣне, аппăшине-йăмăкне, савăн пекех тата хайѣн пурăнăçне те курайми*

пулмасан въл Манйн вѣренекем пулма пултараймасть «...если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк 14:26).

Есть и исключения в виде раздельного написания нескольких парных слов: *йѣри тавра тѣртсе тунă*... «вокруг по подолу ее...» (Исх 28:33); *Е таса мар сѣлен калта* вилине сѣртѣнсен «Или если прикоснется...к трупам гада нечистого» (Лев 5:2).

Правописание отдельных слов и тематических групп слов:

а) Обозначения сторон света пишутся двояко. Раздельно: *сур сѣр*, *хѣвел тухăс*, *хѣвел анăс*: ...*сур сѣр* енне, ...*хѣвел тухăс* енне, *хѣвел анăс* енне *савăрăнса пăх* «...посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу» (Быт 13:14); *Хѣвел тухăс енче*, *Едемра*, *Турă рай пахчи лартса ўстернѣ* «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке» (Быт 2:8); Через дефис: *Хѣвел-тухăсѣ енчен те*, *хѣвел-анăсѣ енчен те*, *сур-сѣр енчен те*, *кăнтăр енчен те пырса Турă патшалăхне ларĕс* «И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божию» (Лк 13:29); *тата сур-сѣр енѣ валли сирĕм хăма ту* «и сделай двадцать брусев для другой стороны скинии к северу» (Исх 26:20). Обнаружено несколько примеров дефисного написания слова *сур-сѣр* в значении «полночь»: ...*те кашпа*, *те сур-сѣрте*, *те автан авăт-нă вăхăтра*, *те ирхине килет* «Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру» (Мк 13:35).

б) Названия дней недели в сочетании с *кун* «день» всегда пишутся отдельно: *Турă сире шăмат кун панă* «Господь дал вам субботу» (Исх 16:29); *Пѣр шăмат кун Иисус тырă пуссине иртсе пынă* «В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями» (Мф 12:1).

в) Сочетания слов, обозначающих одно понятие, в яковлевских переводах Библии единому стандарту не подчиняются — имеют либо раздельное, либо дефисное написание: *ар сын* «муж» (Быт 49:5); *Эсѣ йывăр сын пулса*, *Ывъл-Ача суратăн* «...зачнешь во чреве, и родишь Сына» (Лк 1:31); *сиччĕн пѣр-тăван пурчĕ* «было у нас семь братьев» (Мф 22:25); *Эсир вăрăм-тунана сѣрсе хăваратăр* «Вожди слепые, оцеживающие комара» (Мф 23:24); *сире кăкшăмпа шыв сĕклесе пыракан сын тĕл-пулĕ* «встретится с вами человек, несущий кувшин воды» (Лк 22:10); *Ун пуçне йĕплĕ-хулăран пуç-илемĕ* *пекки явса тăхăнтарнă* «И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Мф 27:29) и др.

г) Другие группы слов в подавляющем большинстве случаев подчиняются дефисному написанию:

Туй-пуçне леще парăр, *тенĕ* «И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира» (Ин 2:8); ...*аллине ака-пуç тытсан* «...никто, возложивший руку свою на плуг» (Лк 9:62); *тăлăх арăмсен сурчĕсене тĕп-тăвакансем* «сии, поядающие дома вдов» (Мк 12:40); ...*хăвăра хур-тăвакансемшĕн те*, *хĕсĕрлекенсемшĕн те кĕл-тăвăр* «...молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5:44); *кирек епле ўсен-тăран япала та хăрса пĕтĕ* «...всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф 15:13); ...*эпир яра-куна ĕслерĕмĕр* «...с нами, перенесшими тягость дня и зной» (Мф 20:12); ...*ашаксем те*, *хĕр-арăм чурасем те*, *лашалла-ашаксем те*, *тĕвесем те* *пулнă* «...и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды» (Быт 12:16); *сурăм-пуç сутапса тухсан* «когда взошла заря» (Быт 19:15); *вĕсем эпи-карчăк* *пырса ситичченех суратса ĕлкĕресĕсĕ*, *тенĕ* «Повивальные бабки сказали фараону: ...ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже

рождают» (Исх 1:19); *ак саксем таса мар: кай-ура, ийиши, калтапа унён айрвён-чисем* «Вот что нечисто для вас из животных, пресмыкающихся по земле: крот, мышь, ящерица с ее породой» (Лев 11: 29); *саванта сынсем пёр хёр-суранлэ сынна вырйёнпех сёклесе пынэ* «принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен» (Лк 5:18); *...саван-сунан сынсем Стефана пытарнэ* «...Стефана же погребли мужи благоговейные» (Деян 8:2); *унта сёр сынчи таватэ уралэ чёрё-чунсем, тискер-кайаксем, шуса-сёрен япаласем, вёсен кайаксем куртам* «Я...увидел четвероногих земных, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных» (Деян 11:6).

Есть несколько исключений, например, сочетание имени прилагательного с отрицательной частицей *мар*, которое в контексте высказывания явно переходит в категорию имени существительного: *мёшён эсир хывёр айшарта ырмайра шухайшлатёр* «...для чего вы мыслите худое в сердцах ваших» (Мф 9:4); *...эмелсё сыввисене кирлэ мар, сываймаррисене кирлэ* «...не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф 9:12); *сываймаррисем сине аллисене хурсан, сываймарсем сывалёс* «возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк 16:18); *ирсёррине е тасамаррине энё нимёскер те, нихасан та сймен* «я никогда не ел ничего скверного или нечистого» (Деян 10:14).

д) словосочетания из двух имен существительных, где второй компонент присоединил аффикс категории принадлежности 3-го лица *-и* или *-ё*: *пуп-пуслэхёсем Айна нумай айяпланэ* «и первосвященники обвиняли Его во многом» (Мк 15:3); *...ал-шайлли илсе, айна тилёкне сыхнэ* «...снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался» (Ин 13:4); *тар-чирёне пит йывёр выртнэ* «была одержима сильною горячкою» (Лк 4:38); *...исём-сырли эрехне урах ёсмён* «...не буду пить от плода виноградного» (Мк 14:25); *йёплё-хулэран пуç-илемё пекки явса тыхантарнэ* «сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Мф 27:29); *ёнте сұл-юпписем сине кайёр* «итак, пойдите на распутья» (Мф 22:9); *...кавас чёресёсене хул-пуçсийёсем сине лартса пынэ* «...квашни их, завязанные в одеждах их, были на плечах их» (Исх 12:34); *...чён-амайшэ хай чёпписене суначё айне пухнэ пек* «...как птица собирает птенцов своих под крылья» (Мф 23:37); *...Ирод-па фарисейсен кавас-чустинчен сыхланёр, тенё* «...смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой» (Мк 8:15); *...Унён урисене куç-сулёне йёпетсе* «...плача, начала обливаться ноги Его слезами» (Лк 7:38); *...ашакё сине лартса, хайна-кильне илсе пынэ* «...и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу» (Лк 10:34); *...Аарон пуçё сине сёрмелли йывайс-савё юхтарнэ* «...и возлил елей помазания на голову Аарона, и помазал его, чтоб освятить его» (Лев 8:12); *Икё хёр-арам пёрле алэ-арманё авёртёс* «две женщины будут молотить вместе» (Лк 17:35); *кам сана сылтэм пит-сймартинчен супать...* «но кто ударит тебя в правую щеку твою...» (Мф 5:39).

Примечательно орфографирование сочетания *сйл-куçё*: 1) если словосочетание употреблено без аффикса категории принадлежности 3-го лица, то наблюдаем дефисное написание: *...сйл-куç тёлёнке ўсекен сймёс кўрекен йывайс хунавё* «...отрасль плодоносного дерева над источником» (Быт 49:22). 2) В случае принятия вторым компонентом аффикса категории принадлежности 3-го лица появляются варианты раздельного написания компонентов: *...сйл куçёне шыв тэракан пуçэ анчах таса юлаçсё* «...только источник и колодезь, вмещающий воду, остаются чистыми...» (Лев 11:36).

Безукоснительно соблюдался принцип слитного написания следующих сочетаний слов: *сурпус*: *...сурпусран та каяраха сутмассё-и?* «Не две ли малые

птицы продаются за ассарий?» (Мф 10:29); *пуççан* + *ма*: ...*пуççанма* килтёмёр, *тенё* «...пришли поклониться Ему» (Мф 2:2); *асту*: *Вёсем вара Иисус сáмахёсене астуса* илнё «И вспомнили они слова Его» (Лк 24:8).

В целом, в библейских текстах яковлевских переводов укрепилась тенденция раздельного написания словосочетаний: *чёрё чун*: ...*шыв йáшáлтатса сýрекен чёрё чунсем* кáлартáр «...да произведет вода пресмыкающихся, душу живую» (Быт 1:20); *сум курáккё*: *Вáл сана йёплё курáксем, сум курáккёсем ўстерсе парё* «...терния и волчцы произрастит она тебе» (Быт 3:18); *чуп ту*: ...*áна чуп тáва чуп тáва* униáн йёнё «Иосиф пал на лице отца своего, и плакал над ним, и целовал его» (Быт 50:1); *юхáм шыв*: *Иссахар — юхáм шывсен хушишинче выртакан тёреклё ашак нек* «Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод» (Быт 49:14); *кёл ту*: ...*кёл тáвáр*: *эсир тарасси хёлле, е шáмат кун ан килтёр* «Молиитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу» (Мф 24:20); *пушáй хир*: ...*пирён аттесем пушáй хирте* манна сáнё «Отцы наши ели манну в пустыне» (Ин 6:31); *тёл пул*: ...*вёсене Иисус тёл пулса*: *савáнáр! тенё* «Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!» (Мф 28:9); *тав та пуç*: ...*çапла каласа кёлтунá*: *ей Турá! тав та пуç* сана «Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя» (Лк 18:11); *ан тив*: ...*ан тив* Хáйне Хáй сáлтáр ёнтё, *тенё* «...пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий» (Лк 23:35); ...*мён пурё*: *мён пурё* вунтáват сыпáк «...всех родов ...четырнадцать родов» (Мф 1:17). Данное сочетание в Деянии апостолов единственный раз встречается написанием через дефис: *Вёсем мён-пурё* вуникё сáнна яхáн пулнá «Всех их было человек около двенадцати» (Деян 19:7).

Рассмотрим более детально пример орфографирования и функционирования диалектизмов *уй* и *хир* с показательной продолжительной историей конкурентной борьбы, завершившейся компромиссом — образованием парного слова, сочетающего оба компонента: *уй-хир* «поля, пашни».

Словосочетания *пушáй хир* «свободное поле, пустыня», *пушáй уй* «свободное поле», *пушáй сёр* «свободная земля» зафиксированы во многих изданиях (Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна различных годов изданий; Псалтирь (1911); Деяния святых апостолов (1911); Наставления в Законе Божьем епископа Агафодора (1906); Поучения и речи сельским жителям при их работах (1904); Главные церковные праздники Господни и Богородичны (1882); О святой чудотворной иконе, находящейся в церкви села Ишак Козьмодемьянского уезда Казанской епархии (1895) и др. Рассмотрим их в соответствующих контекстах.

Исходная позиция: сочетание *пушáй уй* признают своим говорящие на верховом диалекте, а *пушáй хир* — носители низового диалекта. Нейтральным употреблением следует признать *пушáй сёр*.

Стихи 3: 1 — 3 Евангелия от Матфея на чувашском читаются так: *Иудея пушáй сёрё... Пушáй сёрте чёнекен сасá*... «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской... ибо он тот, о котором сказал пророк Исайя: глас вопиющего в пустыне...» [Мф. 3: 1 — 3]. Такое прочтение дается лишь в первых двух редакциях Евангелия от 1873 и 1879 гг.

Сёр — общенародная лексема, при этом достаточно многозначная⁵. Она естественным образом входит в лексический состав обоих чувашских диа-

⁵ Чувашско-русский словарь / под ред. [и с предисл.] М. И. Скворцова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 411 — 412.

лектов. В диалектологическом аспекте такие слова условно можно назвать нейтральными.

Однако начиная с 1880 г. редактором И. Я. Яковлевым во многих изданиях нейтральное слово *сёр* заменено на низовое *хир*. В то же время без специальных исследований не поддается объяснению неизменность перевода во всех изданиях 13-го стиха 14-й главы (Мф. 14: 13) нейтральным *сёр*: *...пёчченех пушй сёре кайнй* «...удалился оттуда на лодке в пустынное место один...». Вероятная причина может быть скрыта в тексте Русского Синодального издания или же в греческом оригинале.

Примечательно, что в Евангелии от Марка (Мк 6: 31 — 32, 6: 35) сочетаний *пушй хир* из НД (низового диалекта) или *пушй уй* из ВД (верхового диалекта) не содержится. Вместо них во всех трех стихах употреблено более нейтральное и потому более приемлемое с точки зрения общепонятности *пушй сёр*: *Эсир хавър кйна пушй сёре кайър та, пяртак канър, тенё... Вара вёсем хайсем анчах пушй сёре кайнй... Кунта пушй сёр... сйме вёсенён нимён те сук, тенё*. «Он сказал им: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного... И отправились в пустынное место в лодке одни... Место здесь пустынное... ибо им нечего есть». То же самое наблюдается и в Евангелии от Луки (Лк 4:41, 5:16): *Тул сүтълсан, въл унтан Исхса пушй сёре кайнй*. «Когда же настал день, он, выйдя из дома, пошел в пустынное место...»; *Анчах въл пушй сёре кайнй, унта кёл-тунй*. «Но он уходил в пустынные места и молился».

Слово *уй* (современное значение — «поле») из ВД использовано лишь в нескольких изданиях. Пример: *...луш уйри илемлё вырйнсем чечеке ларёс* «...в пустыне красивые места зацветут». Далее к *уй* в скобке добавлен его низовой вариант *хир*, т. е. переводчик знакомит читателя с непривычной лексемой другого диалекта. Только после этого адресат данной книги может наблюдать объединение этих единиц в парное слово *уй-хир*: *...вёсен уйне-хирне хёвел пёсертсе янй* «...их поля выжгло солнце». Вышеперечисленные моменты не позволяют нам сомневаться в том, что такие принципы перевода прямо вели к выработке единого общенационального языка — чувашского литературного. Для наглядности приведем этот процесс в виде схемы: *уй* → *уй (хир)* → *уй-хир*. Тем самым ликвидировался психолингвистический барьер — «свое» слово — «чужое» слово. Вновь образованная парная лексема для представителей обоих диалектов становилась обычной и привычной. Остается только добавить, что последний вариант *уй-хир*, как наиболее оптимальный, занял свою нишу в лексике современного чувашского литературного языка⁶.

Такие аналогичные примеры в чувашских переводных и полуоригинальных текстах яковлевской школы встречаются систематически. В книге «О poste по учению православной церкви» от 1893 г. 15 раз употребляется строго орфографированное слово-новообразование *карта-хъме* «забор, изгородь», являющее собой парное слово, в котором сочетаются синонимы верхового и низового диалектов.

Заключение

В результате исследования письменных памятников конца XIX — начала XX в. было выявлено, что современное чувашское правописание базируется на принципах, предложенных просветителем И. Я. Яковлевым. В переводах текстов

⁶ Студенцов О. Р. Инновации в лексике церковно-богослужебной литературы на чувашском языке в переводах И. Я. Яковлева и его школы (1871 — 1917). С. 134 — 138.

Библии прослеживаются закономерности слитного, дефисного и раздельного написания слов, которые в целом соответствуют правилам, изложенным в предупоминении к его букварям.

Однако в орфографии переводов обнаруживаются противоречия и элементы, не соответствующие нормам. Вероятно, существует комплекс факторов, способствовавших возникновению таких противоречий. К ним можно отнести копирование русской орфографии текстов-оригиналов, различную хронологию переводов, пересмотр правил в процессе работы, влияние подходов разных лиц, участвовавших в переводе и редактировании.

Тем не менее правила, предложенные И. Я. Яковлевым, получили широкое признание и стали основой чувашской письменности. Их значимость и практическая ценность подтвердились на практике, и многие из них органично вошли в более поздние этапы формирования чувашской орфографии. Это способствовало ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

Таким образом, наше исследование отражает процесс становления и распространения современного чувашского правописания в письменных памятниках конца XIX — начала XX в. Оно подчеркивает важность правил, предложенных Яковлевым, для формирования чувашской орфографии и их влияние на дальнейшее развитие письменности.

Список сокращений

Быт — Бытие
ВД — верховой диалект
Деян — Деяния святых апостолов
Ин — Евангелие от Иоанна
Исх — Исход
Лев — Левит
Лк — Евангелие от Луки
Мк — Евангелие от Марка
Мф — Евангелие от Матфея
НД — низовой диалект

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авалхи халал. Моисейн пилёк кёнеки = Ветхий Завет. Пятикнижие Моисея: Ветхий Завет. Пятикнижие Моисея. СПб.: Раçсей библи пёрлэхё, 2001. 437 [1] с.
2. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1 / Научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. 240 с.
3. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа = Пирён Туррăмăр Иисус Христос хунă сёне сăмах. Симбирск: Типолит. губерн. правления, 1911. 525 с.
4. Павлов И. П. И. Я. Яковлев кăларнă кёнекесен орфографийё сиччен // 100 лет новой чувашской письменности: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1972. С. 109 — 120.
5. Петров Н. П. Чăваш сырулăхё: сёне сырулăх пусланни 100 сул ситнё май [Чувашская письменность: к 100-летию начала новой письменности]. Шупашкар: Чăваш АССР кен. изд-ви, 1971. 62 с.
6. Цаплина Р. И. Обучение орфографии родного языка в чувашской начальной школе / Акад. пед. наук РСФСР; Научно-исслед. ин-т нац. школ. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 160 с.
7. Яковлев И. Я. Предупоминение // Чăваш ачисене сырава вёренмелли кёнеке = Букварь, религиозно-нравственные наставления, молитвы и избранные места из священного писания, изложенные на наречии низовых чуваш, или чуваш анатри. Казань, 1872. С. VIII.
8. Яковлев П. Я. И. Я. Яковлев ертсе пыниле куçарнă Библи тексчёсен орфографийё: пёрле-уйрăм сырас йёрке // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. (Чебоксары, 12 марта 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 41 — 53.

REFERENCES

1. Avalhi halal. Mosesën pilëk këneki = Old Testament. The Taurat: the Old Testament. The Taurat. SPb.;2001. 437 p. (In Russ.)
2. Egorov V. G. Modern Chuvash literary language in comparative-historical illumination. Part. 1 / The Research Institute of Language, Literature and History at the Council of Ministers at the Chuvash ASSR. Cheboksary;1954. 240 p. (In Russ.)
3. The New Testament of our Lord Jesus Christ = Pirën Turrämär Jesus Christ hună çënëñe sāmakh. Simbirsk;1911. 525 p. (In Russ.)
4. Pavlov I. P. I. Yakovlev kälarnă kënekesen orthographyë çinchen [Orthography books published by I. Yakovlev] // 100 years of new Chuvash writing: a collection of articles / Edited by L. P. Sergeev and A. E. Gorshkov. Cheboksary;1972. Pp. 109 — 120. (In Russ.)
5. Petrov N. P. Chävash çyrułăkhë: çënë çyrułăkh puçlanni 100 çul çitnë may [Chuvash writing: to the 100th anniversary of the beginning of the new writing system]. Shupashkar;1971. 62 p. (In Russ.)
6. Tsaplina R. I. Teaching the orthography of the native language in the Chuvash primary schools / Academy of Pedagogical sciences RSFSR. Scientific research institute of national schools. Cheboksary;1957. 160 p. (In Russ.)
7. Yakovlev I. Я. Preface // Chuvash achisene çyrăva vërenmelli këneke = Alphabet book, religious and moral instructions, prayers and selected passages from the Holy Scriptures, set forth in the language of the lower Chuvash, or Chuvash anatri. Kazan;1872. P. VIII. (In Russ.)
8. Yakovlev P. Y. I. Y Yakovlev ertse pynipe kuçarnă Bibli tekschësen orthography: përlë-uirăm çyras yërke [Orthography of biblical texts translated under the guidance of I. Y. Yakovlev: Joint and Separate Spelling] // the Chuvash orthography yesterday, today, tomorrow: materials of the Interregional scientific-practical conference (Cheboksary, 12 March 2015) / [ed. by Y. N. Isaev (pred.), Y. M. Vinogradov, A. P. Dolgova (javaplä ed.)]. Cheboksary;2015. Pp. 41 — 53. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025;
принята к публикации 10.03.2025

Информация об авторе:

Студенцов Олег Ростиславович, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат филологических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, studor2@yandex.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 23.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025;
accepted for publication 10.03.2025

Information about the author:

Oleg R. Studentsov, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Philological Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, studor2@yandex.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 23.02.2025 çитнë; рецензиленë хыççан 28.02.2025 ырланă;
10.03.2025 пичете йышăннă

Автор çинчен:

Студенцов Олег Ростиславович, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхëсен институчен ăслăлăх аслă ётешë
(428015, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), филологи ăслăлăхëсен кандидачë,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, studor2@yandex.ru

*Пайталăх конфликчë: автор пайталăх конфликчë çуккине пëlтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.*

**ВИДЫ ИСКУССТВА (МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО) /
ARTS (MUSICAL ARTS) / ЁНЕР ТЁСЁСЕМ (МУЗЫКА ЁНЕРЁ)**

УДК 781.2

ББК 85.31

Научная статья

**К ПРОБЛЕМАМ ТИПОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Л. И. Бушуева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
niclub7@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются основные тенденции в развитии и изучении отечественной музыки второй половины XX в., затронутые в наиболее значимых трудах российского музыкознания. Выявляются актуальные вопросы истории и теории: художественно-эстетические устремления, проблемы стилей, жанров, музыкального Текста и композиции, аспекты хронологии и периодизации. Отмечая, что отечественная музыка второй половины XX в. — тема неизмеримо богатая и многогранная, которая может и должна быть исследована в различных аспектах и ракурсах, автор уделяет внимание междисциплинарным подходам и разнообразной, нередко противоречивой научной терминологии, характеризующей художественные стили и музыкальную композицию XX столетия. Поиски методов анализа современной музыки — один из нерешенных и дискутируемых вопросов, внести ясность в который по-своему пытается каждый исследователь. Представлены существующие мнения, помогающие выстроить логичную картину общего состояния современной отечественной науки и акцентируя наиболее проблемные ее моменты.

Ключевые слова: отечественная музыка второй половины XX в., история и теория, междисциплинарный подход, научная терминология, художественные стили, музыкальная композиция

Для цитирования: Бушуева Л. И. К проблемам типологии и периодизации в отечественной музыке во второй половине XX века // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 120 — 136

© Бушуева Л. И., 2025

Scientific article

**THE PROBLEMS OF TYPOLOGY AND PERIODIZATION IN THE
RUSSIAN MUSIC IN THE SECOND HALF OF 20TH CENTURY**

L. I. Bushueva

Chuvash State Institute of Humanities,
г. Cheboksary, Russia
niclub7@gmail.com

Abstract. The article highlights the main trends in the development and study of Russian music in the second half of the 20th century, touched upon in the most significant works of Russian musicology. The current issues of history and theory are revealed: artistic and aesthetic aspirations, problems of styles, genres, musical text and composition, aspects of chronology and periodization. Noting that Russian music of the second half of the 20th century is an

immeasurably rich and multifaceted topic that can and should be explored in various aspects and perspectives, the author pays attention to interdisciplinary approaches and diverse, often contradictory scientific terminology characterizing artistic styles and musical composition of the 20th century. The search for methods of analyzing modern music is one of the unresolved and debated issues, which each researcher tries to clarify in his own way. The existing opinions are presented, helping to build a logical picture of the general state of modern Russian science and emphasizing its most problematic points.

Keywords: Russian music of the second half of the 20th century, history and theory, interdisciplinary approach, scientific terminology, artistic styles, musical composition

For citation: Bushuyeva L. I. The problems of typology and periodization in the Russian music in the second half of 20th century // Modern humanities. 2025;1(1):120 — 136

Аслалӑх статийи

РАҢҖЕЙ МУЗЫКИНЧИ XX ӖМӖРӖН ИКӖМӖШ ЎРРИНЧИ ТИПОЛОГИЕ ТАПӖАРЛАВ ПРОБЛЕМИСЕМ

Л. И. Бушуйева

Чӑваш патшалӑх гуманитари аслалӑхӗсен институтӗ,
Шупашкар, Раҗей
niclub7@gmail.com

Аннотаци. Статъяра Раҗей музыкин XX ӗмӖрӖн икӖмӖш ӱрринчи аталанӑвӗнчи тата ӑна тӗпчес ӗсри тӗп туртӑмсене ӑутатӑӑ, вӑсене Раҗей музыка пӗлӗвӗн пӗлтерӗшлӗ ӗӑесенче хуґкатнине палӑртӑӑ. Истори́е теорин актуалӑ ыйтӑвӗсене пӑхса тухӑӑ: илем-эстетика ӑнтӑлӑвӗсем, стильсен, жанрсен, музыка Тексӗ́е композицин проблемисем, хронологие тапӑрлав аспектӗсем. Раҗейӗн XX ӗмӖрӖн икӖмӖш ӱрринчи музыки калама ӑук пуян та нумай енлӗ тема пулнине, ӑна тӗрлӗ аспектпа тата ракурспа тӗпчелмеллине палӑртӑӑ май автор дисциплинӑсен хушшинчи тӗпчев ӑул-йӗрне тата аслалӑхӑн тӗрлӗ енлӗ, тӗпӗр чух пӗр-пӗрне хирӗґлекен терминологие тӗплӗ тишкерет, вӑл иртнӗ ӑр ӑулӑхӑн илем стилӗсемпе музыка композицине хаклама пулӑшнине кӑтартса хӑварать. Хальхи музыкӑна тишкерес ӗсри меслетсене шыраса тупасси — чи татса паман тата дискуссилӗ ыйтусенчен пӗри, кашни тӗпчевӑ ӑна хӑй пӗлнӗ пек уґамлатма тӑрӑшать. Раҗейӗн хальхи вӑхӑтри аслалӑхӗн пӗтӗмӗшле тӑрӑмне логика тӗлӗшӗнчен куґ умне тӗрӗс кӑларса тӑратма пулӑшакан шухӑшсене илсе кӑтартӑӑ, татса паман чи кӑткӑс ыйтусене хуґкатӑӑ.

Тӗп ӑамахсем: Раҗейӗн XX ӗмӖрӖн икӖмӖш ӱрринчи музыки, историе теори, дисциплинӑсен хушшинчи ӑул-йӗрсем, аслалӑх терминологийӗ, илем стилӗсем, музыка композицийӗ.

Цитатӑлама: Бушуйева Л. И. Раҗей музыкинчи XX ӗмӖрӖн икӖмӖш ӱрринчи типологиие тапӑрлав проблемисем // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 1 №. С. 120 — 136

Введение

В современном искусствознании констатируется сложность и неоднородность творческих процессов в искусстве XX в. Отразив события глобального масштаба, вобрав в себя самые разные тенденции, стили и направления, оно поражает небывалой концентрацией новаторских идей и многоликостью художественных устремлений. «XX век, — считает музыковед Рауф Фархадов, — оказался для истории музыки веком радикальных открытий и превзошел в этом все то, что происходило в музыкальном искусстве в прежние времена и эпохи»¹. Но суть

¹ Северина И. «XX век: точка отсчета» // Играем с начала: [сайт]. 2016. URL: <https://gazetaigraem.ru/article/12972?ysclid=ltf79cw4ppu539349219> (дата обращения: 02.05.2024).

происшедших изменений не только в абсолютной новизне творческих замыслов и их воплощений. Многие труды из разных областей гуманитарного знания пронизывает ощущение «переходности» момента, зарождения в нем кардинальных перемен совершенно особого качества, преобразивших общественное сознание в целом. Нельзя не согласиться с утверждением А. С. Соколова, что «расценивая XX век как некий критический предел в движении по пути, избранному европейской цивилизацией со времен античности, как достигнутый пик, с вершины которого изумленному взору открылась панорама иной “части света”, мы тем самым обнаруживаем точку отсчета, объективно присутствующую в сознании современного человека. Речь идет о тех глубинных, генетически предопределенных механизмах мышления, рассмотрение которых на любом конкретном материале невозможно без постановки вопросов общепhilosophического характера» [21, с. 256]. Уникальность данного периода истории заставляет искать нестандартные научные подходы и методы. Возникают новые концепции и теории, дополняются и переосмысливаются имеющие давнюю историю термины, в общепринятую в музыковедении систему понятий проникает обширный круг из других гуманитарных наук: философии, эстетики, культурологии, психологии, семиотики. Обновление научного аппарата коснулось всех основных направлений музыкальной науки: художественно-эстетических представлений, вопросов композиции, истории и хронологии, преломляющихся в национальных культурах. Выделить основные тенденции в их осмыслении видится целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Основным методом исследования в данной статье является источниковедческий, в работе затронуто множество разнообразных трудов, где проблемы истории и теории музыки XX в. осмысливаются контекстуально и во взаимодействии с другими гуманитарными науками. Используя проблемно-хронологический и аналитический методы, автор приводит наиболее важные концепции и понятия, существующие в современной науке. В соответствии с принципами историзма, объективности и системности выявлены весомые идеи и подходы отдельных ученых. Фактологический метод позволил обобщить результаты исследуемого материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Отечественной музыке XX в. посвящено несколько крупных коллективных монографий. Из числа первых, где было введено понятие «отечественная музыка» и по-новому оценивалось ее развитие, следует назвать вузовский учебник «История современной отечественной музыки»². О главной задаче издания заявлено в предисловии к первому выпуску: «...дать, по возможности, объективное и непредвзятое освещение музыкально-исторического процесса в стране начиная с 1917 г. и до настоящего времени»³, т. е. до 1995 г. Временные рамки этого периода почти синонимичны «советской музыке», наряду с ней по отношению к музыкальной культуре России использовалось понятие «русской советской музыки» или просто «русской музыки»⁴. Данная терминология встречается в трудах, затронувших искусство первой половины прошлого столетия — в «Истории

² История современной отечественной музыки: учебник в 3 вып. Вып. 1 (1917 — 1941) / ред. М. Тараканов. М.: Музыка, 1995. 480 с.; Вып. 2 (1941 — 1958) / ред. М. Тараканов. М.: Музыка, 1999. 477 с.; Вып. 3 (1960 — 1990) / ред. Е. Долинская. М.: Музыка, 2001. 656 с.

³ История современной отечественной музыки. Вып. 3. С. 3.

⁴ Там же. С. 535.

русской советской музыки» и в «Музыке XX века», где рассматриваются явления отечественного искусства в мировом контексте. К другим значимым исследованиям относятся семитомная «История музыки народов СССР», книги «Музыкальная культура РСФСР», «Русская музыка и XX век», «История зарубежной музыки», десяти томная «История русской музыки», где прослеживается ее развитие от самых истоков и до 1917 г. Все труды выстроены по принципу «от общего к частному», характеристика искусства определенного периода детализируется в аналитических очерках по жанрам и персоналиям.

1990-е гг. способствовали возникновению дополнительных коннотаций: «новой музыки», отчасти по хронологическим параметрам близкой к «советской», и «новейшей», после 1991 г. Их трактовка в отечественном и западном музыкознании неоднородна. К примеру, немецкий музыковед Детлеф Гойови относит к «новой советской музыке» явления «первого русского авангарда» в отечественной музыкальной культуре 1920-х гг. [5]. В отечественном музыкознании понятие «новой музыки» зачастую ассоциируется с эпохами переломов, нередко приводятся культурно-типологические параллели между барокко и XX в. [12, с. 20]. Обращение к данным терминам связано не только с важнейшими историческими событиями, оно продиктовано стремлением отразить происшедшие перемены в самом искусстве [17]. Временные границы «новой» и «новейшей» музыки понимаются по-разному, в «Истории современной отечественной музыки» «новой советской музыкой», «новой русской», «современной отечественной» часто называют явления со второй половины прошлого века. Предлагаемое в последнем монографическом издании — «Истории отечественной музыки второй половины XX века» — понимание «отечественной музыки» акцентирует ее объемность, объединяя западную и мировую «новую музыку», музыку «молодых национальных школ», родившихся внутри отечественной. Кроме творчества русских музыкантов, к отечественной музыке относится «творчество композиторов Грузии, Армении, Эстонии, Украины — как некогда единое культурное пространство бывшего СССР» и «произведения композиторов-эмигрантов, даже созданные в новом, зарубежном контексте»⁵.

Такая широта охватываемого материала располагает к обновленному взгляду на многие актуальные вопросы, к изменению методологии в осмыслении традиций и новых явлений. Приоритет в осуществлении этой задачи принадлежит научным изысканиям специалистов, сосредоточенных в ведущих российских музыковедческих центрах: Государственном институте искусствознания, Московской консерватории им. П. И. Чайковского, Российской академии музыки им. Гнесиных.

О необходимости новых подходов говорилось уже в «Истории современной отечественной музыки». Из трех ее выпусков наиболее масштабным и проблемным получился последний, посвященный музыке второй половины столетия, с 1960-х по 1990-е гг., причем исключительно русской — по мнению редактора Е. Б. Долинской, наименее разработанной и вместе с тем самой объемной. Наряду с жанровыми обзорами здесь появились главы о духовной музыке и музыкальной науке, чего не было ни в одном из других упомянутых выше коллективных изданий. В разделе «Теория музыки» Ю. Н. Холоповым была предпринята попытка

⁵ История отечественной музыки второй половины XX века / отв. ред. Т. Н. Левая. СПб.: Композитор, 2005. С. 8.

выявить общие принципы отечественного искусства XX столетия и направления его исследования.

Исходным положением для ученого послужила мысль об изменении в XX в. «музыкального мышления» — понятия, вбирающего в себя как «мышление музыкой» или метод, которым осуществляется творчество музыки (композитором), так и «мысленное освоение» музыки (теоретиком, музыкальным ученым)⁶. В «мышлении музыкой» проявилось новое качество звука, в котором Холопов выделяет две волны подъема: 12-полутоновую высотную систему в первой половине века и сонорику (музыку звучностей) во второй. Связанные с ними два периода авангарда оказали значительное воздействие как на творчество, так и на традиционную систему музыкознания. Вследствие этого возникли не только новые направления науки и новые дисциплины — появился иной, междисциплинарный ракурс в рассмотрении происходящего.

Конечно, осмысление закономерностей музыки в контексте других гуманитарных наук осуществлялось и в советский период, здесь нельзя не упомянуть концептуальное исследование «Музыкальная форма как процесс» [3] Б. В. Асафьева, затем книги А. Н. Сохора «Музыка как вид искусства» [22] и «Социология и музыкальная культура» [23]. Воздавая им должное, Холопов особо выделяет концепцию А. Ф. Лосева, изложенную в его работах «Музыка как предмет логики» [14] и «Итоги тысячелетнего развития» [13]. Первая из них, опирающаяся на коррелятивные категории времени и числа, «научно обосновывает не только коренную сущность музыки, но и ее историческую эволюцию, и — что особенно важно — дает ключ к пониманию того перелома, который произошел в XX веке»⁷. Это утверждение Холопова поддержано К. В. Зенкиным: «...философские категории, выводимые Лосевым абстрактно-логически (вес, плотность, объем, светлота, цветность звука и т. п.), по существу предвосхитили композиторскую практику наших дней» [7, с. 55]. Во второй концепции на основе философского понимания теории гармонии и музыки А. Лосев выводит «пентаду», структуру «состава ступеней гармонии», которая может быть спроецирована на современное искусство.

Сближение теоретических основ музыкознания с философией и эстетикой прослеживается позже в концепции европейской культуры Нового времени и XX в., изложенной в книге «Языки культуры» А. В. Михайлова⁸. Глубокое понимание историко-культурных процессов позволило ему по-новому взглянуть на проблему художественных эпох и стилей, обосновав идею об одновременном сосуществовании в культуре различных исторических пластов. Вынесенное в название монографии понятие активно вошло в научную лексику и стало применяться к разным современным культурным ситуациям. Под его углом зрения музыковед Т. И. Эсаулова [29] анализирует вокально-хоровое творчество Н. Н. Сидельникова, выявляя как специфические особенности авторской манеры композитора, так и проблематику самого феномена культуры. В монографии систематизировано множество значений понятия «язык культуры», раскрыто взаимодействие его сторон в музыке выдающегося Мастера.

⁶ История современной отечественной музыки. Вып. 3. С. 553.

⁷ Там же. С. 557.

⁸ Михайлов А. В. Языки культуры: учеб. пособие по культурологии. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1997. 909 с.

Рассмотреть в контексте эстетико-философских и социально-психологических представлений важнейшие музыкальные понятия и основные функции музыкального искусства, выявить феномен музыкального произведения и концепта «содержание и форма» поставлено целью в книге «Музыка как вид искусства» В. Н. Холоповой⁹, первое издание которой вышло в 1980 г. Опираясь на разработанную Т. В. Чередниченко ценностную шкалу эстетических критериев, В. Н. Холопова применила ее положения к музыке. Предложенная ею девятиступенная система иерархии музыкального искусства охватила все его проявления — от содержания в целом до содержания конкретного произведения.

Актуальность общегуманитарного подхода подтверждают новые ракурсы исследований А. С. Соколова [21] и Н. С. Гуляницкой [6]. Характеризуя общекультурные процессы столетия сквозь призму философских идей, А. С. Соколов в монографии «Музыкальная композиция XX века. Диалектика творчества», считает отличительной особенностью века концептуализм художественной жизни. Проникновение философских понятий и категорий в аппарат конкретных наук названо веянием времени, отмеченным появлением особого научного направления и жанра исследований — «философии музыки». К перспективным для музыкознания междисциплинарным направлениям ученый относит «музыкальную эстетику» и «психологию композиторского творчества». Наряду с понятием «музыкального мышления» как основополагающее для психологии художественного творчества предлагается использовать «художественное мышление».

Отечественная культура последнего полувека — предмет и проблема исследования в книге «Музыкальная композиция: модернизм, постмодернизм» Н. С. Гуляницкой. Ссылаясь на мнение авторитетных ученых в области эстетики В. В. Бычкова и Н. С. Автономовой, в качестве ведущего метода современного гуманитарного мышления музыковед выделяет структурализм как многозначный феномен с мобильностью мышления, имеющий философские корни. Отметив его проявления в творчестве композиторов, Н. Гуляницкая сосредотачивается на постструктурализме (неоструктурализм, деконструктивизм) — международном и междисциплинарном течении, затронувшем разные виды гуманитарного творчества и преломившемся в отечественном музыкальном искусстве.

Выявить духовно-нравственные истоки музыки через онто-семиотический треугольник (Бог — слово — человек) пытается в книге «Духовный анализ музыки» В. В. Медушевский [15]. Именно при таком подходе, считает ученый, можно достичь тождества целостного и ценностного аспектов анализа музыки, укрепив духовные основания музыкальной деятельности. В этом контексте проанализировано и представлено огромное количество произведений разных эпох, стилей, жанров.

Упомянутые концепции, сосредоточенные на важнейших проблемах музыкального мышления — наиболее известные и значимые из существующих в музыкознании, но далеко не последние и окончательные. Для затронутых вопросов характерен непрерывный поиск новых адекватных формулировок, в осмыслении которых активное участие принимают сами композиторы. Актуально предложенное В. Г. Тарнопольским понятие «культурологического метода композиторского творчества», предполагающее «свободное оперирование всем

⁹ Холопова В. Н. Музыка как вид искусства: учеб. пособие для студентов вузов искусств и культуры. СПб.: Планета музыки, 2014. 319 с.

арсеналом многовековой технико-стилевой системы музыки с обязательным погружением в некие глубинные пласты»¹⁰. Пришедшее на смену применимым к процессам 1960 — 1970-х гг. понятиям «мышления стилями» (С. И. Савенко), «интерпретирующему стилю» (В. В. Медушевский), «открыто ассоциативному типу стиля» (Г. В. Григорьева), оно, по мнению Г. В. Григорьевой, объективно характеризует метод творчества в современной ситуации.

В методологию музыкальной науки прочно вошел комплекс понятий из семиотики, связанных с Текстом — «интертекст», «контекст», «гипертекст». Не подменяя такой базовой для музыкознания терминологии, как «нотный текст» и «музыкальный текст», он отражает важнейшую тенденцию современной гуманитарной науки — отношение к любому феномену культуры как к тексту, нуждающемуся в расшифровке и понимании. Изыскания в этом направлении выдающихся ученых М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Р. Барта заставили пересмотреть существовавшие ранее представления о традиции, диалоге, заимствовании. Опираясь на важнейшие, сформулированные ими положения, в музыке данные идеи потребовали разработанного аппарата анализа и корректного понимания ситуации. Обозначив одним из первых в своей книге «Музыкальный текст. Структура и свойства» проблематику, М. Г. Арановский рассмотрел связи текста с музыкальной речью, языком, контекстом, лексикой и другими категориями, констатируя значимость и незавершенность затронутых ракурсов: «...проблема текста вплотную соприкасается с тем, что можно назвать вопросом вопросов специфики искусства» [2, с. 341]. Действительно, проблемы музыкального текста, соотносимые с произведением, традицией, композиторской техникой воспринимаются непрерывной научной парадигмой, постоянно дополняемой новыми исследованиями Л. О. Акопяна, Л. С. Дьячковой, Д. Тиба, М. Г. Раку и др. Данная проблема затронута и в опубликованной в сборнике статей ЧГИГН работе К. В. Зенкина [8] об информационности музыкального текста, рассмотренного в контексте понятий «самовозрастающая информация» Ю. М. Лотмана, «диалог» М. М. Бахтина, «музыкальное» А. В. Михайлова.

Современная теория Текста связана с понятиями «культурный код», «поглощение текстом», «диалогический контакт между текстами». В соответствии с ними пересмотру в музыке подвергаются многие сложившиеся представления, и прежде всего, отношение к цитированию и заимствованию. Вторая половина XX в. — время тотальной цитатности¹¹, цитата в современной музыкальной практике — это уже не ссылка на первоисточник, а символ определенного стиля, генерирующий в себе смысл художественного текста. «Всякий Текст есть, по сути, Интертекст», — считает Н. С. Гуляницкая¹², следовательно, данные понятия необходимо изучать параллельно. В. Н. Холопова говорит о сочинении как стилиевой цитате, «когда произведение намеренно целиком выдерживается в каком-либо стиле прошлого», приводя в пример один из самых популярных и исполняемых опусов А. Г. Шнитке — «Сюиту в старинном стиле» [25, с. 207]. Г. Г. Григорьева констатирует: «...актуальным и неизбежным становится интертекстуальный аспект композиторского творчества, подразумевающий всеобщность принципа

¹⁰ Теория современной композиции: учеб. пособие / отв. ред. В. С. Ценова. М.: Музыка, 2007. С. 24.

¹¹ Высоцкая М. С., Григорьева Г. В. Музыка XX века: от авангарда к постмодерну / учеб. пособие. М.: Московская консерватория, 2014. С. 111.

¹² Гуляницкая Н. С. О современной композиции: учеб. пособие. М.: Музыка, 2019. С. 47.

цитирования как сущностное свойство современного музыкального искусства в рамках “большого Текста культуры”¹³. Единый большой Текст открыт для разного рода интерпретаций, он способен образовывать новые малые тексты.

К часто используемым понятиям относятся «контекст» и «гипертекст». Контекст «как соединение, сплетение, связь — играет существенную методологическую роль при познании современной композиторской практики»¹⁴. Гипертекст в широком понимании, считает В. В. Бычков, характеризует современную художественную жизнь: «Наиболее активно понятие гипертекста работает применительно к культуре, искусству и литературе XX в., многие произведения которых, особенно второй половины столетия, сознательно создаются в жанре гипертекста, гиперлитературы, ибо этот вид текста наиболее адекватен типу восприятия современного человека в ситуации XX в., в которой причудливая смесь элементов Культуры и пост-культуры сама представляет собой бескрайний гипертекст»¹⁵. Примером гипертекста в музыке Н. Гуляницкая считает проект «Прекрасные сущности в прекрасных амбивалентах» И. Р. Юсуповой, сочетающий несколько самостоятельных произведений.

Каждое из упомянутых понятий, актуализированное во множестве исследований, отражается как на восприятии музыкального произведения, так и на обновлении метода его анализа. Специфику современного искусства определяет новая эклектика с всеобщностью принципа цитирования, поэтому «метод анализа музыкального произведения оказывается обусловленным постмодернистской многослойностью смыслов, что делает необходимым исследование интертекстуальных связей на самом глубинном уровне»¹⁶. Подобная задача поставлена в главе «Интертекстуальные тенденции» монографии «Музыка XX века: от авангарда к модерну»¹⁷, где подробно рассмотрена как сама интертекстуальная проблематика, так и ее преломление в творчестве композиторов разных временных периодов и художественных стилей.

Осмысление стилевых устремлений столетия — один из приоритетных векторов современной отечественной науки. В научных исследованиях век XX предстает сложной, мозаичной, «многоцентрной» картиной¹⁸, «эпохой стилей»¹⁹, наполненной невероятным сочетанием метаморфоз искусства. Принято делить его на две симметричные части, с эпицентром в 1950 г., названным крупнейшим зарубежным композитором столетия Карлхайнцем Штокхаузеном «часом X». Эта дата считается началом второй волны европейского авангарда, представляющего наравне с модерном, одно из ключевых стилевых направлений художественной культуры. И хотя при их упоминании всегда акцентируется отсутствие четкой смысловой и хронологической определенности, некий взгляд на их взаимоотношения в отечественной науке все же сложился.

Основными этапами эволюции художественной культуры прошлого столетия в книгах «Музыка XX века: от авангарда к модерну» и «Теория современной композиции» названы модерн, авангард и постмодерн. Их отличие в отношении

¹³ Теория современной композиции. С. 26.

¹⁴ Гуляницкая Н. С. О современной композиции. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Теория современной композиции. С. 27.

¹⁷ Высоцкая М. С., Григорьева Г. В. Музыка XX века: от авангарда к постмодерну. С. 86.

¹⁸ Теория современной композиции. С. 15.

¹⁹ Высоцкая М. С., Григорьева Г. В. Музыка XX века: от авангарда к постмодерну. С. 6.

к традиции: если в модерне и постмодерне присутствует диалог, то авангард провозглашает разрыв исторических связей. Культуролог В. В. Бычков, на чью концепцию опирается Н. С. Гуляницкая в монографии «Музыкальная композиция», относит к ведущим направлениям *«авангард, модернизм, постмодернизм и — параллельно с ними их антипод консерватизм»* [6, с. 10]. В его понимании авангард — совокупность новаторского в первой половине века, модернизм аккадемизирует авангард, постмодернизм «играет» всеми ценностями Культуры, включая авангард с модерном, а консерватизм стремится сохранить неизменным классическое достояние прошлого. В данной системе понятий проблематично варьирование близких, но не тождественных терминов, на что обращает внимание А. С. Соколов: «Присмотревшись к контексту употребления как самих этих понятий, так и производных от них, нетрудно заметить, что соотношение понятий “авангард” и “авангардизм” вовсе не адекватно соотношению понятий “модерн” и “модернизм”. В свою очередь, если соотношение понятий “модерн” и “модернизм” отнюдь не синонимично, то понятия “постмодерн” и “постмодернизм”, напротив, зачастую употребляются как синонимы. Особо впечатляющая путаница связана с термином “постмодернизм”. Будучи первоначально употребленным в семиотике, этот термин оказался в дальнейшем транспонирован на живопись, архитектуру и музыку, ощутимо потеряв при этом смысловую четкость и хронологическую определенность»²⁰. О смешении дефиниций размышляют авторы книги «Музыка XX века: от авангарда к модерну»: «Наличие общей морфемы (от лат. *modernus* — современный, недавний) нередко становится основанием для отождествления понятий “модерн” и “модернизм”, что приводит к определенной терминологической путанице»²¹.

Сложная, почти неразрешимая задача свести все упомянутые понятия в стройную и логичную систему решается в науке через выявление неких перекличек, «арок», переброшенных из начала века в его середину и конец. Стартовой точкой является «модерн» как одна из тенденций модернизма, вобравшего в себя также «импрессионизм, экспрессионизм, нео- и постимпрессионизм, символизм, фовизм, кубизм, футуризм, а также более поздние течения — абстрактное искусство, дадаизм, сюрреализм»²². Возникнув как реакция на эклектику, модернизм был вытеснен Новой музыкой первой фазы (волны) авангарда с характерным для нее новым отношением к тональности, ритмике, появлением микрохроматики и двенадцатитоновости, восходящей к серийно-додекафонному методу. Процесс смены художественных направлений отразился через использование определенных приставок в терминологии: для явлений начала века преимущественно, но не всегда применялась приставка «нео-»: неоромантизм, неофольклоризм, неоклассицизм и т. д.

Новейшую музыку второй волны авангарда, с которой «соотносятся достижения и разработки в областях сериализма, алеаторики, электронной музыки, статической и формульной композиции, сонорики и сонористики, пространственной и стохастической музыки, инструментального театра, хушпининга и инсталляции»²³, в свою очередь в конце 1960-х гг. заменил постмодерн. Утвердившись в качестве философской категории, он вобрал «предельно широкое поле

²⁰ Теория современной композиции. С. 16.

²¹ Высоцкая М. С., Григорьева Г. В. Музыка XX века: от авангарда к постмодерну. С. 10.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 10.

взаимодействий всех компонентов музыкального мышления, накопленных многовековой историей музыки»²⁴. Множественные явления второй половины века часто характеризуются с помощью приставки «пост-», при этом единство в ее использовании не достигнуто.

Понятие пост-культуры, далеко не четкое по временным параметрам, в широком его понимании представлено в книге Н. С. Гуляницкой. Ссылаясь на В. В. Бычкова, музыковед относит к ней разнообразные переходные состояния в культуре начиная с середины прошлого века: «Музыкальная пост-культура, или пост-практика, толкуется по-разному: то как процесс распада традиционных ценностей, то как поиск “новой реальности”»²⁵. Постмодернизм, как и ранее модерн, отмечает А. Соколов, не обошелся без диалога с эклектикой, что отразилось в привлечении терминов «полистилистика», «историзм», «стилевой плюрализм». Многосоставность постмодерна побудила авторов монографии «Музыка XX века: от авангарда к модерну» обратиться к термину «постцивилизация», вобравшему в себя множество производных явлений: «Помимо области художественного творчества, ситуация постмодерна нашла выражение в формировании нонклассицизма (в эстетике), постметафизики, пострационализма, постэмпиризма (в постструктуралистической и постаналитической философии), различных форм постутопической мысли и неоконсерватизма (в политике), постгуманизма постпуританского мира (в этике)»²⁶. С. В. Савенко считает постмодернизм явлением уже состоявшимся, но пока еще не вполне изученным: «Феномен постмодернизма в настоящее время позволительно рассматривать как осуществившееся и даже завершившееся явление культуры и искусства, хотя полагать его исчерпанным, видимо, преждевременно... постмодернизм, как никакая культурная тенденция XX столетия, сопротивляется попыткам рационального истолкования, формируя особый стиль искусствоведческого дискурса, исследования, отражающего специфику «эпохи постмодерна»²⁷. Арка от модернизма начала XX в. к постмодерну его завершения вызвала появление терминов «новая простота», «неоромантизм», «новобрукнеровская волна» и т. д. Эстетика постмодернизма привела к «мета-историческому типу стиля», заменившему стилиевые синтезы и «коллажную полистилистику» 1960-х гг., и основанному на «сложной системе связей тех компонентов исторических стилей, которые ощущаются на глубинном структурном уровне, в самой звуковой ткани, но не на горизонтальной плоскости»²⁸.

Иную точку зрения на общее состояние российской культуры последней трети XX в. предлагает В. Н. Холопова. Она выделяет в ней как ведущую тенденцию плюрализм, отразившийся в разнообразии музыкального языка, в обращении к неоклассике, новой простоте, неоромантизму. Современную российскую музыку отличает прежде всего духовность и эстетика красоты. «Негативность эстетики постмодернизма хорошо чувствуют современные российские композиторы, ни один из которых не признал себя постмодернистом» [25, с. 210].

Процесс смены важнейших художественных стилей осмысливается через утвердившиеся в отечественной науке известные культурологические концепции. Первая из них — концепция «договаривания традиции», объясняющая возник-

²⁴ Теория современной композиции. С. 24.

²⁵ Гуляницкая Н. С. О современной композиции. С. 5.

²⁶ Высоцкая М. С., Григорьева Г. В. Музыка XX века: от авангарда к постмодерну. С. 12.

²⁷ История отечественной музыки второй половины XX века. С. 541.

²⁸ Теория современной композиции. С. 24.

новение каждого нового витка культуры как диалога с подобным, ранее уже существовавшим явлением, выявляющая связи XX столетия с другими стилями, и в первую очередь, с барокко, и поясняющая обращение к приставкам «пост-» и «нео-»²⁹. Другая концепция — «прерванной эволюции»³⁰, согласно которой в культуре столетия образуются переключки от начала века ко второй его половине и завершению. Данные теории проясняют множественные явления последней трети XX в., характеризующиеся А. В. Соколовым как «близкое соседство двух кризисов». «Первый связан с “договариванием” авангарда, который в первой половине века был искусственно приторможен. Этот кризис воспринимается как достигнутая предельная точка культуры *ratio*, как пик аналитизма в композиторском творчестве. Второй кризис связан с “договариванием” модерна, который в первой половине века был властно вытеснен. Этот кризис воспринимается как коварная “ловушка”, как бесконечное движение по замкнутому кругу, при котором, однако, аккумулируется энергия для броска вперед, в новое тысячелетие»³¹ [41, с. 21].

Оппозицию постмодерну, по утверждению композитора и музыковеда Н. А. Хрущевой, в настоящее время составил метамодерн, начавшийся в конце прошлого столетия, введенный как термин в 2010 г., и вызвавший неоднозначную реакцию. Н. А. Хрущева [27] оценивает его как состояние современной культуры, которая, устав от всеобщей цитатности и сложных композиторских техник постмодерна, обращается к минимализму. Предпосылки метамодерна («протометамодерн») — в творчестве Эрика Сати, Н. К. Метнера и минимализме 1960-х гг. Метамодерн сглаживает границы «высокой» и «низкой» культуры, его суть раскрывают такие понятия, как «новая душевность», «новая искренность», «новая прямота», «новый романтизм», «постпостмодернизм». Среди других значимых характеристик: «...постирония, возвращение аффекта, конец цитатности, актуализация метанарративов, размывание границы между профессионализмом и дилетантизмом, делящаяся амбивалентная “эмоция”» [26, с. 140]. В музыкальном отношении он ознаменован воскрешением и оживлением «первоэлементов»: возвращением мелодии, тональности, вниманием к песенному жанру. Постмодерн стремится к универсальности и направлен на всеобщее понимание и восприятие. Эстетика метамодерна — в «новом дилетантизме», декларативно упрощенных, как бы «детских» произведениях, предельно обобщенных интонациях в темах, обращенных к широкому слушателю. «Возможно — выскажем это как гипотезу, — полагает Н. Хрущева, метамодернизм обозначает начало периода нового традиционализма, который, следуя концепции Рене Генона, неизбежно придет после «кризиса современного мира» [28, с. 176].

Ключевой концепт музыкально-теоретической проблематики — понятие «музыкальной композиции». Одно из важнейших в теории современной музыки, оно избрано основным предметом исследования в монографиях Н. С. Гуляницкой, А. С. Соколова и в коллективном труде «Теория современной композиции». В каждом издании акцентируется разнообразие терминологических трактовок. Н. С. Гуляницкая отмечает, что «композицией может называться и отдельное произведение, и конкретная структура музыкального объекта, и сам процесс сочинения. Это понятие не сводится лишь к «технике композиции», плану выражения,

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Там же. С. 21.

а включает в себя, что весьма важно, и план содержания... Композиция как “готовый продукт” творчества тяготеет к тому, что именуется произведением, когда подчеркивается художественная “истинность”, духовная сущность создания» [6, с. 7].

А. С. Соколов выделяет в музыкальной композиции такие грани, как «архитектоника музыкального произведения (“форма-композиция”», затем сама сочиненная композитором музыка, также особый тип культуры, противопоставляемый культуре импровизации, и, наконец, еще и сам процесс творческой работы сочинителя музыки, искусство компонования художественного текста» [21, с. 10]. Каждый из этих аспектов открывает путь к иным направлениям, поэтому композицию необходимо рассматривать во внемузыкальной плоскости, в том числе и как философскую категорию.

О постоянном движении в теории и практике современной композиции размышляет Т. С. Кюрегян³². Многочисленные инновации заметно расширили существующее музыкально-звуковое пространство, деление традиционных отраслей теории музыки на «прикладные» и «фундаментальные» сегодня утратило былое значение, «в понятийно-терминологическом хозяйстве современной композиции пока царит если не хаос, то значительный беспорядок»³³. Однако магистральные направления в ее осмыслении обозначить все же возможно.

«Музыкальная композиция» имеет общие признаки с «музыкальным произведением», но смысловое наполнение этих понятий может быть различным. Вслед за «произведением», «композицией», «конструкцией», «деконструкцией» Н. С. Гуляницкая упоминает «коллаж», «ассамбляж», «палимпсест», «аппликацию», «инкрустацию», отмечая, что эти жанровые наименования «образуют относительно новый комплекс современных композиций, характерный признак которых — разнородность составляющих частей»³⁴. В продолжение этой мысли М. Н. Лобанова говорит о новой концепции музыкальной композиции в музыке XX в., с обостренным вниманием к проблемам времени, эффектам пространства, движению, с возникновением немислимых ранее ассоциаций, аллюзий и представлений [12, с. 45].

Смысловые оттенки понятия «музыкальная композиция» А. В. Соколов дифференцирует через противопоставления «композиция — драматургия», «композиция — импровизация», «композиция — организация» [21, с. 256]. В поисках универсального инструмента для их познания он обращается к философской триаде «синкретиз — анализ — синтез», которая оказывается также подходящей формулой развития музыкального языка, открывающей путь к иным перспективам. Фундаментальную эстетическую проблему формы и содержания ученый предлагает дополнить новой парой понятий «композиционная модель — форма-композиция».

Разносторонне и комплексно проблемы композиции рассматриваются в коллективном труде «Теория современной композиции», исследуемым материалом служит преимущественно музыка второй половины XX столетия. Композиторская практика осмыслена многоаспектно: через проблемы музыкальной теории, включающие в себя жанры, формы, гармонию, полифонию, ритм, тембр, и через вопросы музыкальной истории, хронологии, эстетики. Традиционные

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Гуляницкая Н. С. О современной композиции. С. 51.

теоретические разделы дополнены новыми, посвященными нотации и звуку, значение которых в современном искусстве стало глобальным. Подробно освещены композиционные техники и формы — от двенадцатитоновости, алеаторики и сонорики до смешанных техник и индивидуальных форм. Анализ каждого из этих параметров направлен на выявление присущих XX в. музыкально-эстетических парадигм. Суть их лаконично сформулирована как изменение концепции человека, поворот в эволюции звукового, музыкального мышления, обнаружение новых законов музыки и научного мышления³⁵.

«Обновляемая теория, — обращает внимание Т. Кюрегян, — неизбежно выдвигает также проблему метода (или методов) анализа. Причем актуальность этого вопроса равно велика во всем диапазоне исследования — от общеэстетического до конкретно аналитического»³⁶. Каждый из исследователей ищет в этом направлении свои пути. А. Соколов, рассмотрев различные значения «метода» в области художественного творчества, констатирует множественность подходов, называя методологическим фундаментом для многих искусствоведческих исследований современную семиотическую концепцию двух типов культур — канонической и неканонической [21, с. 37]. Т. Кюрегян выделяет функциональный метод Ю. Н. Холопова, отмечавшего важность для искусства метода «ценностного» анализа, убедительно им обоснованного. Необходим концептуальный подход к анализу и оценке творчества композиторов в рамках некой культурной целостности, считает Т. В. Левая. Трудность в том, что «множественный объект затрудняет выбор *метода* и *методики* анализа музыкальных феноменов», необходимо «попытаться найти такой метод, при котором был бы задействован двухсторонний подход к музыкальному произведению — и сущностный, и конструктивный»³⁷, — резюмирует Н. Гуляницкая. Поэтому поиски методов анализа современной музыки остаются одним из нерешенных и дискутируемых вопросов.

Встающая перед современным музыкознанием задача объективного освещения фактов и явлений заставила пересмотреть существующую периодизацию. Официальная история советской музыкальной культуры опиралась на временные параметры, заявленные в коллективных монографиях. В «Истории музыки народов СССР» как этапы развития советского искусства были выделены периоды 1917 — 1932, 1932 — 1941, 1941 — 1945, 1946 — 1956, 1956 — 1967, 1968 — 1977, 1978 — 1987 гг. Во второй половине века во многих изданиях значимой датой обозначены 1956 — 1958 гг., ознаменованные началом хрущевской «оттепели», обновлением общественной жизни, культуры и искусства. Именно с этого времени, отмечается в «Истории современной отечественной музыки», начала свое летоисчисление «новая советская музыка».

Открывшаяся в годы перестройки возможность говорить о многих ранее закрытых темах и неосвещенных фактах истории привела к пересмотру сложившихся представлений. В свете новых воззрений важнейшим рубежом для Новейшей отечественной музыки стал 1948 г. Затронув первым события вокруг этой даты, ознаменованной выходом знаменитого постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», Г. Л. Головинский в статье «Что же произошло в 1948 году?»³⁸ раскрыл подробности предшествовавшего ему совещания

³⁵ Теория современной композиции. С. 612.

³⁶ Там же. С. 45.

³⁷ Гуляницкая Н. С. О современной композиции. С. 12.

³⁸ Головинский Г. Л. Что же произошло в 1948 году? // Советская музыка. 1988. № 8. С. 29 — 37.

и истинные мотивы грубого произвола в отношении выдающихся деятелей музыкального искусства. Осветив их в широком контексте всей истории развития отечественной музыки начиная с XIX в., он выявил административно-командные методы, сложившиеся в управлении советским искусством в послевоенные годы и распространившиеся на искусство национальных республик. Вопросы взаимоотношений власти и культуры, считает музыковед, необходимо рассматривать в разных аспектах, «но начинать... надо все-таки с анализа тех мощно, тотально действовавших факторов, которые, разрушив естественную атмосферу дискуссий вокруг новой музыки, создали условия для возникновения в нашей среде прокуроров и жертв, предателей, доносчиков (в прямом смысле слова!) и героев сопротивления»³⁹.

Заявленная тема получила масштабное развитие в монографии Е. В. Власовой «1948 год в советской музыке» [4]. В ней в новом ракурсе глубоко и детально рассмотрены не только процессы 1948 г. — по сути «переписана» вся официальная история советской музыки, впервые представленная без купюр и идеологического диктата. Исследование состоялось благодаря скрупулезной работе автора с множеством архивных документальных источников — выступлений на съездах и пленумах, протоколов, отчетов, доносов, писем, личных документов. В рецензии на книгу музыковед Л. Г. Ковнацкая пишет, что найденный автором главенствующий принцип и путь исследования — «художественная концепция и агитационная концепция в их борьбе» [9, с. 142]. Центром стал 1948 г., когда произошел «исторический перелом» в борьбе этих концепций — агитационной (тогда называемой «реалистической») и художественной (обозначенной как «формалистическая») [4, с. 412].

Огромное количество проанализированного материала позволило Е. Власовой сформировать свое авторское видение периодизации, в которой отражены «зафиксированные моменты повторяемости (события 1931, 1936 и 1948 гг.) как узловые точки в партийно-государственном управлении государством» [4, с. 410]. Музыковедом выделены следующие периоды: 1917 — 1924 гг., когда «угроза распада государственности обусловила замедление пульса музыкальной жизни» и продолжался первый период деятельности РАПМ, 1925 — 1931 гг. «как время создания новых ценностных установок». Затем 1932 — 1938 гг. с впервые определившейся системой товарно-денежных отношений между композитором и государством, 1939 — 1947 гг. — период расцвета советской композиторской и исполнительской школы, и наконец, 1948 — 1953 гг., «кульминационные по степени воздействия государственных институтов на музыкальные», переломные, с далеко идущими последствиями.

Мифотворчество как важнейшая проблема истории советской музыки, исследованная Е. В. Власовой, раскрывается новыми гранями на материале русской культуры XIX в. в монографии «Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи» М. Г. Раку [19]. Избранный аспект заставил не только пересмотреть творчество и факты биографии композиторов-классиков — он вывел на более глубокий уровень обобщения других явлений отечественной музыки. К их числу можно отнести и понятие «советской музыки». Сравнивая его трактовки в шеститомной «Музыкальной энциклопедии»⁴⁰ [30] и энциклопедическом словаре «Музыка XX века»⁴¹ [2], Т. И. Науменко отмечает: «Столь категорические разли-

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ Музыкальная энциклопедия: в 6 т. М.: Сов. энциклопедия, 1973 — 1982.

⁴¹ Акопян Л. О. Музыка XX века: энциклопедический словарь. М.: Практика, 2010. 855 с.

чия в осмыслении одного и того же феномена обнаруживают, что деконструкция советской музыковедческой картины мира затронула те же смысловые координаты, которые в советском мифотворчестве носили основополагающий характер. Одновременно начался пересмотр многих композиторских биографий, искаженных в угоду тем же идеологическим требованиям» [16, с. 128]. Если в музыкально-исторической проблематике такие процессы уже происходят, то переоценка теоретических вопросов, считает Науменко, еще предстоит.

Заключение

Попытка осветить различные аспекты в отечественной музыке второй половины прошлого века осуществлена во множестве разнообразных исследований по данной теме. Из их числа в настоящей статье выделены лишь те наиболее значимые на сегодня труды, где актуальные вопросы осмыслены интердисциплинарно и в широком культурологическом контексте всего столетия. Каждое из фундаментальных изданий ценно глубокими обобщениями. Поиск подходящих характеристик и форматов, консолидирующих искания композиторов и музыковедов, постоянно обновляется, поэтому существующие заключения не являются окончательными. Плодотворна одна из последних инновационных форм — обсуждение актуальных проблем на виртуальных дискуссиях, организованных «Музыкальной академией» в 2019 и 2020 гг. [10; 11]. Время выдвигает новые определения, более точно соответствующие современной ситуации. Отечественная музыка второй половины прошлого века — тема неизмеримо богатая и многогранная, может быть исследована в самых различных ракурсах. И один из важнейших, актуальных для нас аспектов — изучение таких локальных явлений, как молодые национальные композиторские школы, к числу которых относится и чувашская, не может осуществляться вне контекста современной проблематики музыкальной науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акопян Л. О. Анализ глубинной структуры музыкального текста. М.: Практика, 1995. 255 с.
2. Арановский М. Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. М.: Композитор, 1998. 343 с.
3. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1971. 376 с.
4. Власова Е. С. 1948 год в советской музыке: документированное исследование. М.: Классика-XXI, 2010. 455 с.
5. Гойови Д. Новая советская музыка 20-х годов. М.: Композитор, 2005. 368 с.
6. Гуляницкая Н. С. Музыкальная композиция: модернизм, постмодернизм: история, теория, практика. М.: Языки славянской культуры, 2014. 367 с.
7. Зенкин К. В. А. Лосев: Музыка как предмет логики и мифологии // Жабинский К. А., Зенкин К. В. Музыка в пространстве культуры: Избранные статьи. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Книга, 2013. 256 с.
8. Зенкин К. В. Информационные процессы в каноническом и неканоническом музыкальном искусстве // Проблемы изучения истории и теории музыки народов России: материалы Всерос. (с международным участием) научно-практич. конф. (Чебоксары, 2 — 3 октября 2018 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 11 — 19.
9. Ковнацкая Л. Г. Екатерина Власова. «1948 год в советской музыке». М.: Классика-XXI, 2010. 455 с. // Opera musicologica. 2010. № 3. С. 140 — 149.
10. Круглый стол: мелодия // Музыкальная академия. 2019. № 2. С. 4 — 53.
11. Круглый стол: полистилистика // Музыкальная академия. 2020. № 4. С. 6 — 45.
12. Лобанова М. Н. Музыкальный стиль и жанр: История и современность / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского, Каф. теории музыки. М.: Сов. композитор, 1990. 221 с.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. 656 с.
14. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М.: Академ. проект, 2012. 205 с.
15. Медушевский В. В. Духовный анализ музыки: в двух частях. М.: Композитор, 2014. 632 с.

16. Науменко Т. И. Текстология музыкальной науки: монография. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 584 с.
17. Орлов В. В. «Новая музыка»: к проблеме понятийного обоснования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 49 — 56.
18. Павлов А. С. Образы современности в ХХI веке: метамодернизм // Логос. 2018. № 6. С. 1 — 19.
19. Раку М. Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи: [механизмы «редукции классического наследия»]. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 717 с.
20. Русская музыка и XX век. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века: монография / ред.-сост. М. Арановский. М.: Гос. ин-т искусствознания, 1997. 874 с.
21. Соколов А. В. Музыкальная композиция XX века: диалектика творчества. Исследование. М.: Композитор, 2007. 272 с.
22. Сохор А. Н. Музыка как вид искусства. М.: Музыка, 1970. 192 с.
23. Сохор А. Н. Социология и музыкальная культура. М.: Сов. композитор, 1975. 202 с.
24. Тараканов М. Музыкальная культура РСФСР. М.: Музыка, 1987. 365 с.
25. Холопова В. Н. Российская академическая музыка последней трети XX — начала ХХI веков (жанры и стили). М.: Моск. консерватория, 2015. 227 с.
26. Хрущева Н. А. Постирония и эйфория: о метамодерне в академической музыке // Музыкальная академия. 2019. № 1. С. 135 — 147.
27. Хрущева Н. А. Метамодерн в музыке и вокруг нее. Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 299 с.
28. Хрущева Н. А. Попытка трансгрессии: «Каталог металлов» Фаусто Ромителли как метамодернистская опера // Музыкальная академия. 2023. № 4. С. 167 — 177.
29. Эсаулова Т. И. Языки культуры в вокально-хоровом творчестве Николая Сидельникова. М.: Композитор, 2007. 192 с.

REFERENCES

1. Akopyan L. O. The deep structure analysis of a musical text. M.;1995. 255 p. (In Russ.)
2. Aranovsky M. G. A Musical Text. The Structure and Properties. M.;1998. 343 p. (In Russ.)
3. Asafyev B. V. Musical Form as a Process. L.;1971. 376 p. (In Russ.)
4. Vlasova E. C. 1948 year in the Soviet music: a documented study. M.;2010. 455 p. (In Russ.)
5. Goyovi D. New Soviet Music of the 20s. M.;2005. 368 p. (In Russ.)
6. Gulyanitskaya N. S. Musical Composition: Modernism, Postmodernism: History, Theory, Practice. M.;2014. 367 p. (In Russ.)
7. Zenkin K. V. A. Losev: Music as a subject of logic and mythology // Zhabinsky K.A., Zenkin K.V. Music in the space of culture: Selected works. No. 5. Rostov-on-Don;2013. 256 p. (In Russ.)
8. Zenkin K. V. Information processes in canonical and non-canonical musical art // Problems of studying the history and theory of music of the peoples in Russia: Proceedings of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference (Cheboksary. (with international participation) scientific and practical conference (Cheboksary, October 2 — 3, 2018). Cheboksary;2020. Pp. 11 — 19. (In Russ.)
9. Kovnatskaya L. G. Ekaterina Vlasova. “1948 year in the Soviet music”. Moscow: Classics-XXI, 2010. 455 p. // Opera musicologica. 2010(3). Pp. 140 — 149. (In Russ.)
10. Round table: melody // Musical Academy. 2019(2). Pp. 4 — 53. (In Russ.)
11. Round table: polystylistics // Musical Academy. 2020(4). Pp. 6 — 45. (In Russ.)
12. Lobanova M. N. Musical Style and Genre: History and Modernity; Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Department of Music Theory. Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Department of Music Theory. M.;1990. 221 p. (In Russ.)
13. Losev A. F. The History of Antique Aesthetics. The Results of a Thousand-Year Development. Book 1. M.;1992. 656 p. (In Russ.)
14. Losev A. F. Music as a subject of logic. M.;2012. 205 p. (In Russ.)
15. Medushevsky V. V. The Spiritual analysis of music: in two parts. M.;2014. 632 p. (In Russ.)
16. Naumenko T. I. Textology of musical science: a monograph. M.;2013. 584 p. (In Russ.)
17. Orlov V. V. “New music”: the problem of conceptual justification // Modern Problems of Science and Education. 2013(4). Pp. 49 — 56. (In Russ.)
18. Pavlov A. S. The Images of modernity in XXI century: metamodernism // Logos. 2018(6). Pp. 1 — 19. (In Russ.)
19. Raku M. G. Musical classics in the myth coinage of the Soviet era: [mechanisms of “reduction of classical heritage”]; The State Institute of Art History. M.;2014. 717 p. (In Russ.)
20. The Russian music and XX century. Russian musical art in the history of artistic culture of XX century: Monograph / ed.-composer. M. Aranovsky. M.;1997. 874 p. (In Russ.)

21. Sokolov A. V. Musical composition of XX century: dialectics of creativity. Research. M.;2007. 272 p. (In Russ.)
22. Sokhor A. N. Music as a kind of Art. M.;1970. 192 p. (In Russ.)
23. Sokhor A. N. Sociology and Musical Culture. M.;1975. 202 p. (In Russ.)
24. Tarakanov M. Musical Culture of the RSFSR. M.;1987. 365 p. (In Russ.)
25. Kholopova V. N. The Russian academic music of the last third of XX — early XXI centuries (genres and styles). M.;2015. 227 p. (In Russ.)
26. Khrushcheva N. A. Postirony and euphoria: metamodernity in academic music // Musical Academy. 2019(1). Pp. 135 — 147. (In Russ.)
27. Khrushcheva N. A. Metamodern in and around music. Saint Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov N. M.;2020. 299 p. (In Russ.)
28. Khrushcheva N. A. The attempt of Transgression: “Metal Catalog” by Fausto Romitelli as a Metamodernist Opera // Musical Academy. 2023(4). Pp. 167 — 177. (In Russ.)
29. Esaulova T. I. The languages of Culture in the Vocal and Choral Art of Nikolai Sidelnikov. M.;2007. 192 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025;
принята к публикации 21.02.2025

Информация об авторе:

Бушуева Любовь Ивановна, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат искусствоведения, доцент, ORCID: 0000-0002-1132-70555, niclub7@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 03.02.2025; approved after reviewing 19.02.2025;
accepted for publication 21.02.2025

Information about the author:

Lyubov I. Bushueva, senior researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Art History, associate professor, ORCID: 0000-0002-1132-70555, niclub7@gmail.com

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 03.02.2025 җитнӗ; рецензилӗнӗ хыҗҗӑн 19.02.2025 ырланӑ;
21.02.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Бушуева Любовь Ивановна, Чӑваш патшалӑх гуманитарӑ ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗҗтешӗ (428015, Раҗҗей, Шупашкар, Мускав пр., 29, 1 корп.), искусствоведени кандидатӗ, доцент, ORCID: 0000-0002-1132-70555, niclub7@gmail.com

Пайталӑх конфликтӗ: автор пайталӑх конфликтӗ җуккине пӗлтерет.

Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

НОВОЕ СЛОВО О СИНТАКСИСЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА A NEW WORD ABOUT THE SYNTAX OF THE CHUVASH LANGUAGE

ЧӐВАШ ЧӐЛХИН СИНТАКСИСӐ СИНЧЕН СӐНӐ СӐМАХ

Рец. на монографию: Долгова А. П. Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение: монография / науч. ред. Э. Е. Лебедев. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 236 с. (Строй чувашского языка).

Ю. М. Виноградов,
ведущий научный сотрудник Центра регионального развития
Чувашского республиканского института образования,
кандидат филологических наук, доцент,
г. Чебоксары, Россия,
jurijvin46@mail.ru

The review on the monograph: Dolgova A. P. The syntax of the Chuvash language: Word combination. Simple sentence: monograph / edited by E. E. Lebedev. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2024. — 236 p. (The Chuvash language structure).

Yu. M. Vinogradov,
leading researcher of the Center for Regional Development
of the Chuvash Republican Institute of Education,
candidate of Philological Sciences, associate professor,
Cheboksary, Russia,
jurijvin46@mail.ru

Монографи: рец.: Долгова А. П. ЧӐваш чӐлхин синтаксисӐ: СӐмах сӐврӑнӑшӐ. Хутсӑр предложени: монографи / ӑслӑлӑх ред. Э. Е. Лебедев. — Шупашкар: ЧПГӐИ, 2024. — 236 с. (ЧӐваш чӐлхин йӐрки).

Ю. М. Виноградов,
ЧӐваш республика вӐрентӑ институтчӐн Регион аталанӑвӐн
центрӐн ӑслӑлӑх ертӑсӐ ӕстетӐ,
филологи ӑслӑлӑхӕсен кандидатӕ, доцент,
Шупашкар хули, Раççей,
jurijvin46@mail.ru

© Виноградов Ю. М., 2025

Монография состоит из предисловия, основной части, включающей 4 раздела («Предмет и аспекты изучения синтаксиса», «История изучения синтаксического строя чувашского языка», «Словосочетание в чувашском языке» и «Простое предложение в чувашском языке») и заключения.

В предисловии, как в любой научной работе, дано толкование основным понятиям синтаксиса, раскрыты цели и задачи исследования. О содержании разделов 1 и 2 «Предмет и аспекты изучения синтаксиса», «История изучения синтаксического строя чувашского языка» говорят их названия. В них очень много нового как для специалистов по синтаксису, так и неспециалистов, так как автор анализирует всю имеющуюся литературу по теме и определяет свой подход к синтаксису вообще и к синтаксису чувашского языка в частности. Центральное место в рукописи, разумеется, занимают разделы, посвященные словосочетанию и простому предложению в чувашском языке.

В разделе, посвященном словосочетанию в чувашском языке, А. П. Долгова анализирует основные определения словосочетаний, которые накопились в трудах по синтаксису. Автор подробно останавливается на терминах *словосочетание* и *синтагма*, так как современное языкознание рассматривает словосочетание в синтагматике. В работе рассмотрены все типы словосочетаний по основному (вершинному) компоненту (субстантивные, адъективные, нумеративные, местоименные, адverbальные, глагольные), их зависимые компоненты (какой частью речи они выражены, чем связаны и какое имеют грамматическое значение).

Интересен подход автора к разграничению понятий «синтагма» и «словосочетание». А. П. Долгова считает, что синтагма вычленяется в ходе анализа готового текста как результата речевой деятельности, словосочетание является продуктом речи и создается в ходе составления предложения (с. 46 — 52). Если судить, исходя из приведенных примеров и суждений автора рецензируемой нами работы, выделение словосочетаний естественным образом наталкивает человека на разбор предложения по членам.

Поскольку разбор предложения по членам не дает точного представления о связи слов, профессор И. А. Андреев об этом писал в вузовских учебниках [Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем «Вопросы чувашского синтаксиса» (Часть I. Чебоксары, 1973. С. 86 — 129); Чăваш чĕлхи. Синтаксис «Чувашский язык. Синтаксис» (Чебоксары, 2005. С. 70 — 97)]. У ученого было огромное желание убрать раздел о второстепенных членах предложения из школьной программы, однако методический совет заставил профессора не уходить от традиции. Ученый был обязан выполнить решение совета, о чем потом писал с сожалением. Ныне, в условиях дефицита времени, дети должны изучать тему, которая не нужна для практического владения языком. Профессор был прав.

Хотя словосочетание считается строительным материалом предложения, человек находит словосочетания непременно путем анализа предложения, как при выявлении синтагм. Следовательно, как синтагмы, так и словосочетания исследуются одинаковым образом. В связи с этим мы считаем, что использование в научных трудах нескольких типов (прямоугольных, скобочных, лежащих прямоугольников) схем предложения и словосочетания вполне допустимо, хотя все они носят условный характер. В школьном преподавании достаточно использовать прямоугольные схемы, так как они точно отражают структуру словосочетания и предложения и не требуют от учащегося домысливания. Прямоугольники тоже точны, но громоздки. Скобочные схемы не учитывают бинарную связь слов и ломают существующие.

Очень важна тема «Словосочетание и слово» (с. 52 — 55), так как объясняет, что словосочетание обозначает понятие, как и слово. Очень важно, что исследователь приводит в качестве примера словосочетание, принимающее так называемый словообразовательный аффикс: *тĕл пулу* «встреча». Сравните: *тĕл пул* + -у. Это особо следует учитывать сторонникам слитного написания словосочетания в чувашской орфографии. Причем словосочетания со словообразовательными аффиксами могут быть не только простыми (*хĕрĕх чĕрне* + -лен «забеременеть», *пĕчĕк ача* + -лан «малышничать», *сăмах тăвас* + -лăх «словообразовательный потенциал»), но и сложными: *Çак сăмахсем ун чунне тивнинчен вара — сыннăн сисĕни-сисĕни туйăмĕсене хăш чух туйма пултарас* + -лăхĕ *ун тăнчах пĕтменни курăнчĕ* (Ю. Скворцов) «От того, как подействовали эти слова на его душу, можно было понять, что его способность ощущать иногда еле заметные чувства человека еще совсем не утратилась». Это — очень весомый аргумент в пользу того, что словосочетание функционирует в качестве слова, так как обозначает понятие, как и отдельное слово. Приведенными выше примерами и им подобными образованиями мы можем убедить людей, что слитное написание словосочетаний противоречит синтаксическому строю чувашского языка.

Касаясь средств связи компонентов словосочетания, автор поднимает вопрос и о послелогах (с. 107 — 109), из которых некоторые вызывают сомнение относительно принадлежности к послелогам, так как в нашем сознании возникают альтернативные образования. Например, *магазинпа юнашар пурăн* «жить рядом с магазином» (с. 108) — *юнашар пысăк ресторан пур* «рядом есть большой ресторан», *юнашар ут* «шагать рядом» (с. 110);

каша *хирёс таврай* «вернуться под вечер» (с. 109) — *хирёс каймал* «упрямый нрав» и др. В связи этим в будущем следует проводить специальные исследования для выяснения: перед нами одно и то же слово или разные слова? Ответа на данный вопрос, разумеется, нельзя требовать от автора рецензируемой монографии.

Раздел «Простое предложение в чувашском языке» является достаточно сложным и многоаспектным исследованием. Причем некоторые аспекты простого предложения в чувашском языке до А. П. Долговой были исследованы очень подробно, некоторые не изучены вообще.

В целом автором рассмотрены следующие аспекты предложения: 1) грамматическая структура, 2) семантическая структура, 3) коммуникативная структура, 4) прагматическая структура. Из этих аспектов наиболее исследованными являются грамматическая и коммуникативная. Весомый вклад в исследование грамматики и коммуникативной структуры чувашского простого предложения внес профессор И. А. Андреев, который в начале 70-х гг. XX в. на материале чувашского языка первым в тюркологии раскрыл особенности коммуникативной структуры простого предложения. (В этом отношении чувашское языкознание является пионером.) Большой круг вопросов, связанных с простым предложением, изложен Иваном Андреевичем в книгах для студентов «Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем» («Вопросы чувашского синтаксиса») (Часть I. Чебоксары, 1973. С. 3 — 159; Часть II. Чебоксары, 1975. С. 3 — 34) и «Чăваш чĕлхи. Синтаксис» («Чувашский язык. Синтаксис») (Чебоксары, 2005. С. 36 — 214). В последнем монографическом издании профессор изложил все аспекты простого предложения, включая семантику предложений и их модели, кроме прагматического, так как наука тогда была далека от этого вопроса.

В отличие от своего научного руководителя А. П. Долгова освещает все аспекты современного синтаксиса и раскрывает их с учетом последних достижений науки.

И. А. Андреев многократно обращался к вопросу о классификации предложений по наличию главных членов и предлагал несколько вариантов классификации. Последняя трактовка изложена ученым в школьном учебнике 2009 г. (Чăваш чĕлхи: 8 — 9-мĕш классем валли. Хушса çĕнетнĕ 2-мĕш кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. С. 115 — 130), где рассматриваемые предложения названы предложениями без главного члена.

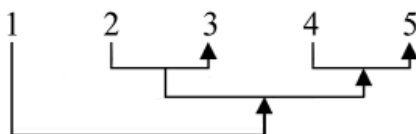
Жизнь идет вперед, и ученые находят возможности говорить одновременно и о второстепенных членах предложения, и о коммуникативном членении, и о порядке слов и их связи в простом предложении. Этим путем пошла и автор рецензируемой работы, подробно изложила семантику связи знаменательных слов, т. е. второстепенных членов предложения, объяснила, как обойтись с так называемыми в традиционной грамматике односоставными предложениями.

Так как исследований по семантической структуре простых предложений в чувашском языке мало, а по прагматической структуре совсем нет, по данным аспектам предложения автору раздела «Простое предложение в чувашском языке» многое пришлось начинать с нуля. Кроме того, надо было учесть все новое в теории по грамматике и коммуникативному членению предложения и найти языковые факты, подтверждающие или отвергающие ту или иную точку зрения, построенную учеными на материале других языков.

Особых замечаний по разделу о простом предложении у нас нет.

Наши замечания в основном связаны с наличием противоречия между двумя аспектами трактовки простого предложения — учением о членах предложения и учением о бинарной связи слов в предложении. Теория о коммуникативном членении предложения и порядке слов в предложении напрочь отвергает все то, что говорится о членах предложения. Учение о членах предложения не согласуется с реальной связью слов. Например, в предложении *Мучи(1) пĕчĕк(2) кайăка(3) алла(4) илчĕ(5)* «Дядя маленькую птичку взял в руки» дополнение *алла* находится в непосредственном контакте со сказуемым *илчĕ*, поэтому рассмотрение слов по членам не расходится со синтаксической связью слов. В то же время слово *кайăка* «птицу» все мы по традиции считаем дополнением, отрывая его от зависимого слова *пĕчĕк* «маленькую» и игнорируя наличие словосочетания

алла ил «взять в руки», с которым словосочетание *пёчёк кайя́к* «маленькая птица» составляет более крупную бинарную синтагму *пёчёк кайя́ка алла ил* «взять маленькую птицу в руки». Слово *мучи* «дядя» не связывается непосредственно со словом *илчэ* «взял», а со словосочетанием *пёчёк кайя́ка алла ил* «взять маленькую птицу в руки», что можно показать в следующей схеме:

Традиционная грамматика, опирающаяся на понятие «член предложения», не учитывает бинарную связь слов в предложениях и входящих в них словосочетаниях, поэтому выделяет в структуре предложения несуществующие словосочетания и ломает имеющиеся.

Видимо, теория о членах предложения, хотя не связывается с реальной связью слов, существует только потому, что учение о синтагматическом членении предложения в России еще не получило всеобщего признания.

Для того чтобы существующее противоречие не бросалось в глаза сторонникам теории о бинарной связи слов, в части, касающейся членов предложения, в будущих исследованиях и школьных учебниках придется использовать простые предложения, в которых анализируемое слово было бы без зависимых слов и находилось в непосредственном контакте перед главным словом.

В заключении работы делаются выводы по содержанию исследования.

Наши замечания ни в коей мере не умаляют значения исследования А. П. Долговой. В целом цели, поставленные перед автором, достигнуты. Высокий научный уровень исследования. Содержание работы изложено в приемлемом стиле.

Считаю, что монография А. П. Долговой «Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение» войдет в историю чувашского и тюркского языкознания как новое исследование, затрагивающее все аспекты синтаксиса языка, какие есть в современном языкознании. Работа является также большим научным достижением автора.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025, принята к публикации 26.02.2025;
the article was submitted 24.02.2025, accepted for publication 26.02.2025;
статья редакции 24.02.2025 ситнѣ, пичетлеме 26.02.2025 йшшаннѣ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал сыраван юлашки вариантне вуласа тухна тата ырланă

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ ЧУВАШЕЙ
ABOUT THE ETHNOGRAPHIC GROUPS OF THE CHUVASH
ЧӐВАШ ЭТНОГРАФИ УШКӐНӐСЕМ ӐИНЧЕН

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

А. П. Долгова,
старший научный сотрудник ЧГИГН,
кандидат филологических наук,
г. Чебоксары, Россия
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

A. P. Dolgova,
senior researcher at the Chuvash State Institute of Humanities,
candidate of Philological Sciences,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

ӐслӐлӐх докладӐ: рец.: Матвеев Г. Б. ЧӐваш этнографи ушкӐнӐсен йышӐнчи Ӑум ушкӐнсем: йӐркеленӐ тата картографилени / ӐслӐлӐх ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (ӐслӐлӐх докладӐсем / ЧПГАИ; 39-мӐш кӐларӐм).

А. П. Долгова,
ЧПГАИ ӐслӐлӐх аслӐ ӐӐтешӐ,
филологи ӐслӐлӐхӐсен кандидаӐӐ,
Шупашкар хули, РаӐӐей
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

© Долгова А. П., 2025

Тема разделения чувашского народа по этнографическим группам представляет интерес для специалистов многих гуманитарных наук — этнологов, лингвистов, историков, искусствоведов и т. д. Рассмотрение проблем такой классификации с привлечением языковых, хозяйственно-бытовых, религиозно-обрядовых, исторических, географических и др. параметров в совокупности дает возможность для более корректного определения границ расселения тех или иных групп. В качестве цели своего научного доклада Г. Б. Матвеев выбрал «многоаспектное исследование проблемы формирования подгрупп в составе этнографических групп чувашей» (с. 4) на основе районирования характерных признаков диалектов чувашского языка и их составных частей (говоров), локализации особенностей традиционного костюма и свадебного обрядового комплекса.

Автор отмечает, что учет, наряду с этнокультурными факторами, языковых особенностей части народа, проживающей на какой-либо конкретной территории, способствует более точному определению основных критериев выделения этнографических групп и подгрупп. При этом он вполне справедливо подчеркивает относительную самостоятельность этнокультурных и языковых процессов. Действительно, границы распространения языковых явлений, специфических черт обрядовой системы, особенностей музыкального фольклора и традиционного костюма, элементов материальной культуры зачастую не совпадают. Наличие сходств и различий в географическом распределении лингвистических, музыкальных и сугубо этнографических особенностей территориальных групп чувашей

приводит к выводу о необходимости выработки принципов районирования этнографических групп и подгрупп с опорой на комплексный подход к особенностям традиционной культуры, включая черты языка. Ниже остановимся на суждениях и оценках Г. Б. Матвеева лингвистических аспектов указанной проблемы.

Современная чувашская диалектологическая наука находится на переломном моменте. Представители нынешнего поколения языковедов, обращающихся к проблематике диалектов чувашского языка на основной территории расселения чувашского народа, раз за разом отмечают необходимость более детализированного анализа особенностей местных говоров в пределах Чувашской Республики и прилегающих к ней с востока и юга районов Татарстана и Ульяновской области. Круг нерешенных вопросов широк: от отсутствия единой (принимаемой всеми хотя бы в целом) теории происхождения и истории развития диалектов до необходимости более точного разграничения территорий современного распространения диалектов и говоров. Даже на вопрос: «Сколько же диалектов чувашского языка — два, три или четыре?» — нет безоговорочно принимаемого всеми языковедами ответа. Стоит отметить и такой момент: как и в диалектологической характеристике любого другого языка, строгое определение границ между говорами чувашского языка, учитывающее все признаки всех уровней языка (фонетики, лексики, грамматик), невозможно. Нередко бывает так: одни особенности позволяют отнести говор к одному из диалектов, другие — к другому. Разнонаправленность изоглосс характеризует обычно так называемые зоны вибрации (или переходные зоны).

Н. И. Егоров, исследователь глоттохронологических проблем чувашского языка, говорит о трех диалектах — среднем (*мал ен диалекчӗ*, т. е. восточный), верховом (*вирьял*, или *тури*) и низовом (*анатри*). Он утверждает, что и по времени процесс формирования диалектов происходил именно в таком порядке. Современные верховой и низовой диалекты, по его мнению, сложились на основе единого среднего диалекта в сравнительно поздние периоды в результате ассимиляции марийского субстрата (верховой диалект) и интенсивных контактов с татарами-мишарями (низовой диалект). В опубликованном виде эта идея в его формулировке впервые появилась в середине 1980-х гг., с тех пор чувашские языковеды постепенно практически все перешли на эту позицию.

Однако у Н. И. Егорова в этом вопросе были предшественники — Н. И. Золотницкий и Т. М. Матвеев. Н. И. Золотницкий утверждал, что среднее чебоксарско-циви́льское наречие отличается чистотой — как бы сегодня сказали — и звукового строя, и лексического состава. Но долгое время традиционная чувашская диалектология различала два диалекта (*тури*, или *вирьял*, и *анатри*) и переходный говор (переходные говоры, смешанный говор) — промежуточную полосу, образовавшуюся на границе двух диалектов как результат их смешения. Данная традиция идет с публикаций С. М. Михайлова, такой же точки зрения придерживался В. К. Магницкий. На существование двух главных наречий чувашского языка в предисловии букваря от 1872 г. указал и И. Я. Яковлев. Такая позиция основывается прежде всего на народных представлениях о степени «инаковости» языка жителей соседних регионов в сравнении со своим (принцип «свой — чужой»). Из этого представления складывалась и дихотомия «*тури* — *анатри*»: житель той или иной территории оценивает другой территориальный идиом в зависимости от представлений о говоре своего селения и отличий в говоре соседей. Так, если человек считал себя носителем наречия *тури*, то язык живущих южнее (восточнее или юго-восточнее) для него это, как правило, диалект *анатри*. И наоборот, если он воспринимал себя как типичного *анатри*, то все отличающиеся от него чувашские, локализованные севернее (западнее или северо-западнее), — *тури* (*вирьял*).

Н. И. Ашмарин в начале своего исследовательского пути писал о распадении чувашского языка на две главные ветви, при этом признавал смешанные говоры, сложившиеся, на его взгляд, в процессе перемешивания признаков двух наречий. Впоследствии он излагает несколько иную трактовку, признавая, что у него определенности в том, сколько надо считать чувашских наречий, нет: *вирьял* и *анатри* или *вирьял*, *хирти* и *анатри* (в таком случае последнее наречие «составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*»). Деление локальных чувашских говоров на три группы отразилось в статье Т. М. Матвеева, посвященной районированию чувашских говоров, опубликованной в 1930 г. Однако в науке ос-

новным стал подход, признающий два диалекта чувашского языка, что можно проследить в работах В. Г. Егорова, Р. И. Цаплиной, А. С. Канюковой и др. Этой точки зрения придерживался и Л. П. Сергеев, который в течение нескольких десятилетий проделал огромную работу по сбору и систематизации диалектного материала и выступил автором практически всех главных научных разработок, вышедших в свет с 1960-х по 2010-е гг. Ситуация постепенно начинает меняться с появлением названной выше публикации Н. И. Егорова.

В рецензируемом научном докладе в разных его частях превалирует то одна из этих позиций, то другая. Отношение самого автора на диалектное членение чувашского языка однозначно определить затруднительно.

Научный доклад Г. Б. Матвеева получился очень большим, он содержит громадный фактический материал, дать который в систематизированном виде при имеющихся требованиях к ограниченному объему очень сложно или даже невозможно. В отдельных местах складывается ощущение нелогичности в изложении материала, местами заметны противоречия. Из моментов, касающихся языковых особенностей, таким образом изложен вопрос о месте языка чувашей *анат енчи*: он рассматривается то как первичный по отношению к двум другим диалектам, то как вторичный — как результат смешения черт наречий верховых и низовых на пограничной территории. Так, в заключении делается следующий вывод: «Языковеды констатируют, что *на стыке двух диалектных систем* в ходе исторического развития *образовались смешанные говоры* (здесь и далее курсив наш. — А. Д.)» (с. 49). В следующем абзаце читаем: «*Средненизовые чуваш*, генетически связанные с ЭГ верховых и низовых, по отношению к ним *выступают первичной*» (там же). К тому же в основной части доклада не представлен подраздел «Средний диалект» с его описанием (с. 34 — 35).

На наш взгляд, в докладе не хватает четкой позиции и в употреблении терминологии, имеющей отношение как к чувашской диалектологии, так и к языкознанию в целом. Возможно, такую иллюзию создает недостаточно критичное цитирование работ авторов, придерживающихся разных позиций. Так, у разных авторов один и тот же территориальный идиом носит наименования *смешанный говор*, *переходный говор*, *средний диалект* и т. п. Хотя справедливости ради следует отметить, что в ряде случаев Г. Б. Матвеев комментирует использование терминов языковедами, например: «Она (А. С. Канюкова. — А. Д.) не употребляла термин “средний диалект”». Но в данном случае корректнее было бы указать, что А. С. Канюкова не просто не употребляла этого термина, она не признавала наличие отдельного среднего диалекта как факта, территорию его распространения считала зоной говоров со смешанными чертами двух других диалектов.

Большой интерес у исследователей территориального распределения особенностей чувашского языка вызывают вопросы картографирования различных параметров этнокультуры, в том числе с локализацией этнографических элементов, имеющих отношение к различным группам чувашей. Хочется отметить, что составленная самим автором карта «Подгруппы этнографических групп чувашей», на которой указаны и зоны «переходных» подгрупп (юго-восточной подгруппы верховых чувашей и северной подгруппы низовых чувашей) во многом совпадает с нашими представлениями о районировании диалектов и говоров чувашского языка, сложившимися на основе знакомств с работами Н. И. Золотницкого, Н. И. Ашмарина, Г. И. Комиссарова, Т. М. Матвеева, Л. П. Сергеева, Н. И. Егорова, В. Г. Родионова, А. Д. Ахвандеровой, А. В. Кузнецова и материалами диалектологических экспедиций. Если, конечно же, не обращать внимания на досадную опечатку в нумерации подгрупп верховых чувашей.

В целом научный доклад является сложным по своей структуре и подаче материала исследованием, требующим вдумчивого чтения. В нем представлены не только анализ сделанной большим числом этнологов и языковедов работы на протяжении нескольких столетий, дополнения и уточнения по поводу географии распространения и времени формирования тех или иных явлений, но и выявлен ряд не решенных на сегодняшний день проблем. Перед языковедами Г. Б. Матвеев ставит задачу — изучить диалектологию чувашского языка более детально, уточнив в первую очередь географию распространения языковых особенностей диалектов и говоров на основной территории расселения чувашей.

шей. Хочется от имени языковедов искренне поблагодарить автора за такой большой и интересный труд.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025, принята к публикации 09.02.2025;
the article was submitted 02.02.2025, accepted for publication 09.02.2025;
статья редакции 02.02.2025 ҫитнӗ, пичетлеме 09.02.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

* * *

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

И. Г. Петров,

ведущий научный сотрудник

Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН,

кандидат исторических наук,

г. Уфа, Россия

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

I. G. Petrov,

leading researcher of the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev,

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,

candidate of Historical Sciences,

Ufa, Russia

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

Ӑслӑлӑх докладӑ: рец.: Матвеев Г. Б. Чӑваш этнографи ушкӑнӑсен йышӑнчи сӑм ушкӑнсем: йӑркеленӗ тата картографиленӗ / ӑслӑлӑх ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (Ӑслӑлӑх докладӑсем / ЧПГАИ; 39-мӑш кӑларӑм).

И. Г. Петров,

Раҫсей ӑслӑлӑхсен академийӑн Урал федераци тӑпчев центрӑн

Р. Г. Кузеев ячӑллӑ Этнологи тӑпчевӑсен институчӑн ӑслӑлӑх ертӗҫӑ ӗҫтешӑ,

истори ӑслӑлӑхсен кандидачӑ,

Ӑпху хули, Раҫсей

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

© Петров И. Г., 2025

Научный доклад Г. Б. Матвеева на тему «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование» посвящен важной теме в этнологии — этнической таксономии, то есть изучению иерархии различных по происхождению подразделений внутри этноса и их этнокультурной дифференциации.

Цель исследования — проанализировать формирование подгрупп внутри этнографических групп чувашей, а также исследовать их языковые и этнокультурные особенности. Автор справедливо отмечает, что «задача более детального обоснования культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе этнографических групп чувашей <...> остается актуальной». Это действительно так, поскольку этнос представляет собой неоднородную и сложную структуру, которая постоянно меняется в пространстве и времени. Эта изменчивость является неотъемлемой частью этноса на всех этапах его существования. Поэтому в контексте этнологии изучение этнокультурного многообразия чувашского народа на уровне подгрупп представляет как научный, так и практический интерес.

Чтобы выполнить поставленную задачу, Г. Б. Матвеев использовал разнообразные источники. Он обратился к сведениям об истории расселения чувашей в разные периоды их этнической истории, статистическим данным, результатам археологических и этнографических исследований, материалам о чувашском языке, картографии с районированием этнографических групп и подгрупп, диалектологическим картам чувашских говоров. Кроме того, он изучил материалы полевых исследований традиционной культуры, в частности костюма, календарной и свадебной обрядности. Г. Б. Матвеев также использовал электронные ресурсы — несколько сотен фотографий участников чувашских фольклорных коллективов, представляющих современные 10 подгрупп чувашского народа.

Структура исследования отличается своей лаконичностью и в то же время глубиной содержания. В первой главе «Этнографические группы чувашей: проблемы дифференциации» автор представил два параграфа. В первом из них он провел историографический обзор научной литературы по данной теме, а во втором проанализировал накопленный опыт чувашских ученых по составлению карт этнографических групп и подгрупп на территории современной Чувашской Республики.

Несмотря на сжатость изложения, историографический раздел рецензируемого исследования написан с большой тщательностью. Автор не только проанализировал основные труды по чувашской этнографии, но и обобщил работы представителей других наук, особенно чувашских языковедов. Особо ценным представляется второй параграф «Картографирование подгрупп». В нем автор, опираясь на уже имеющиеся исследования, подвел итоги работы ученых по составлению карт и картосхем, отражающих подгруппы в рамках этнографических групп чувашей. Некоторые результаты этой работы в виде карт и картосхем можно найти в приложении к исследованию.

Во второй главе, озаглавленной «Формирование территории расселения подгрупп», автор исследует процесс расселения чувашских подгрупп на обширном пространстве, охватывающем период с XIV по XIX в. Этот процесс им рассматривается в контексте границ расселения средненизовой, низовой и верховой этнографических групп. Для глубокого понимания данной темы Г. Б. Матвееву пришлось тщательно изучить всю имеющуюся научную литературу, посвященную расселению чувашей, начиная с XIV — XV вв. В результате этого автор пришел к выводу, что такие подразделения этноса возникли не только в результате масштабных переселений булгаро-чувашей и чувашей на территорию Чувашского Поволжья, но и в результате длительных контактов как между этнографическими группами, так и с другими народами края.

Третья глава «Формирование особенностей говоров и компонентов традиционной культуры подгрупп» является одновременно продолжением и завершением рецензируемого исследования. В ней автор рассматривает данную проблему на примере формирования говоров (параграф 1), костюмных комплексов (параграф 2) и свадебной обрядности (параграф 3).

Включение этой главы в содержание исследования вполне закономерно и оправдано, так как автор не ограничивается общими рассуждениями о гетерогенности чувашского этноса, а стремится на конкретных примерах показать, что этнокультурные различия существуют не только между этнографическими группами, но и внутри них — между подгруппами. Для демонстрации этих различий автор использует обширный массив объективных данных, почерпнутых из чувашской диалектологии, традиционного костюма и свадебной обрядности. К решению этой невероятно сложной задачи исследователь подошел с присущей ему скрупулезностью и внимательностью. Обобщив все имеющиеся данные, он убедительно доказал, что языковые и этнокультурные различия между подгруппами чувашского народа являются исторически сложившимся фактом, который заслуживает глубокого научного изучения, анализа и обобщения. С поставленной задачей автор справился сполна. На мой взгляд, этому способствовали безупречное владение автором исследовательским материалом, высокая научная квалификация и огромный опыт непосредственной работы в этнографическом поле.

В заключении автор сформулировал основные выводы и предложения. Они представляют особый интерес, так как в них исследователь обозначил актуальные и еще не до конца решенные научные проблемы, связанные с темой научного доклада. Эти предложения можно рассматривать как своеобразный «манифест», обращенный к научному сообществу. В нем автор предлагает конкретные направления для дальнейшего развития обозначенной

проблемы: 1. Дальнейшее и более глубокое изучение специфических особенностей языка и культуры в рамках этнографических комплексов; 2. Картографирование этнокультурных параметров этнографических групп и подгрупп; 3. Расширение сбора полевых материалов по обрядовой культуре; 4. Сравнительное изучение чувашских костюмных комплексов и их трансформаций в рамках подгрупп; 5. Сравнение и анализ этнокультурных комплексов северной подгруппы низовых чувашей и моркинской группы луговых марийцев, чувашей и татар-кряшен, чувашей и удмуртов и т. д. По мнению автора, результатом этих исследований должен стать создание обобщающей монографии по данной теме.

В заключение хотелось бы поделиться несколькими замечаниями, которые возникли в процессе ознакомления с рецензируемой работой. Очевидно, что в рамках научного доклада невозможно охватить все аспекты рассматриваемой проблемы. Поэтому эти замечания не носят критического характера, а скорее представляют собой пожелания или рекомендации, которые можно учесть в будущем.

1. В начале исследования хотя бы в общих чертах не помешало бы показать, как данная проблема изучалась в советской и российской этнологии.

2. Чтобы лучше понять особенности различных групп чувашского народа, было бы полезно проанализировать результаты исследований, которые получены чувашскими музыковедами и фольклористами.

В целом исследование, проведенное Г. Б. Матвеевым, представляет собой завершённый и глубоко проработанный научный труд. Автор не только подтвердил и доказал многокомпонентность чувашского этноса, но и выявил глубокую взаимосвязь и обусловленность формирования этнографических групп и подгрупп с этнической историей чувашского народа. Кроме того, в работе представлен глубокий и комплексный анализ языковых и этнокультурных особенностей как этнографических групп, так и находящихся в их составе подгрупп.

Положения и выводы автора корректны и глубоко аргументированы. В результате проведенного исследования в научный оборот введен обширный теоретический и фактический материал, что позволило автору продемонстрировать глубокое понимание избранной темы.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025, принята к публикации 20.02.2025;
the article was submitted 15.02.2025, accepted for publication 20.02.2025;
статья редакции 15.02.2025 ситнĕ; пичетлеме 20.02.2025 йышăннă

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравăн юлашки вариантне вуласа тухнă тата ырланă

* * *

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

Е. А. Ягафова,
заведующий кафедрой философии,
истории и теории мировой культуры Самарского государственного
социально-педагогического университета, доктор исторических наук,
г. Самара, Россия
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

E. A. Yagafova,
head of the department of philosophy, history and theory of world culture,
Samara State Socio-Pedagogical University,
doctor of Historical Sciences, professor,
Samara, Russia
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

Асла́лах докладче́: рец.: Матвеев Г. Б. Чăваш этнографи ушкăнĕсен йышĕнчи сума ушкăнсем: йĕркеленĕ тата картографиленĕ / асла́лах ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (Асла́лах докладчĕсем / ЧПГАИ; 39-мĕш кăларăм).

Е. А. Ягафова,

Самар патшалăх социопедагогика университетĕн
философи, истори тата тĕнче культури теорийĕн кафедрин ертÿси,
истори асла́лахĕсен докторĕ, профессор,
Самар хули, Раççей,
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

© Ягафова Е. А., 2025

Несмотря на длительное и разностороннее изучение представленной темы специалистами (языковедами, этнологами), проблема этнографической дифференциации чувашского народа, характеристика его этнографической структуры остаются актуальной темой научных исследований, в чем нас убеждает и обращение к ней Г. Б. Матвеева в своем докладе на тему «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование».

Актуальность этой темы обусловлена тем, что ряд ее аспектов слабо или вовсе не изучены, по другим существуют неоднозначные трактовки, а третьи вызывают вопросы вследствие ограниченности источниковой базы. Автором проанализирован значительный объем информации, позволивший ему обобщить имеющийся на данный момент опыт исследования этнографических групп и подгрупп чувашей, их культурно-языковых особенностей, истории формирования и локализации в пространстве. В соответствии с принятыми критериями этнографической дифференциации Г. Б. Матвеев последовательно рассмотрел языковые диалекты и говоры, особенности традиционного костюма, свадебной обрядности верховых, средненизовых и низовых чувашей и входящих в них подгрупп — четырех в составе верховых чувашей, трех — в средненизовой и еще трех — в низовой группе. Материал систематизирован, логично выстроен, содержательно отражает существующие сегодня в науке представления о предмете исследования. Он представлен в докладе преимущественно в историографическом ключе: текст содержит анализ научной литературы, характеризующий процесс формирования этнографических групп и подгрупп и раскрывающий их культурно-языковую специфику. Собственные полевые материалы автора по локальным группам *анат енчи* и *анатри* и архивные данные носят уточняющий характер. Вместе с тем некоторые факты, выявленные Г. Б. Матвеевым в ходе обобщения источниковой базы, представляются весьма интересными: например, сведения о количестве селений по этнографическим группам в первой четверти XVIII в. (с. 15).

Собственно анализ существующих мнений, точек зрения, гипотез и суждений по проблеме этнографической дифференциации чувашей был проведен мной в монографии «Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX в.)» (Чебоксары: ЧГИГН, 2007) в главе 1 «Типологические особенности языка и традиционной культуры генетических этнографических групп чувашей (верховая, средненизовая и низовая группы), с. 32 — 173»; здесь же была рассмотрена типология культурно-языковых комплексов этнографических групп и подгрупп с привлечением данных языкознания (диалектологии), этнографического материала по женскому костюму, брачной и календарной обрядности, данных о музыкальных диалектах чувашей. Доклад Г. Б. Матвеева в целом не противоречит результатам моего исследования, а в основных позициях и выводах опирается на них. Некоторые расхождения имеются в дифференциации низовой группы: автор выделяет 3 подгруппы (северная, подлесная и степная; в моем исследовании их насчитывается 4 вместе с присвияжской подгруппой, обладающей спецификой свадебной (особый комплекс) и календарной обрядности. Вместе с тем на материалах костюма эту дифференциацию провести сложнее, что, вероятно, убедило докладчика придерживаться устоявшейся точки зрения.

Г. Б. Матвеев уделяет значительное внимание вопросу локализации групп и подгрупп и картографированию имеющегося материала. В работе представлены карты чувашских

диалектов и говоров, ареалов этнографических групп и подгрупп. Обращение к этому методу в рамках темы вполне оправдано, поскольку он позволяет продемонстрировать особенности территориального размещения групп/подгрупп и обозначить проблему расхождения изолиний, разделяющих их ареалы по разным дифференцирующим признакам (язык/костюм и т. д.).

В целом доклад может быть положительно оценен с точки зрения объема привлеченных источников и литературы, историографического и источниковедческого изучения темы. Вместе с тем работа не лишена недостатков.

Во-первых, анализ материала ограничен в типологической характеристике указанными выше критериями (язык, костюм, свадьба); за пределами доклада остались данные музыкальной диалектологии, сведения о календарной обрядности, уже разработанные учеными (М. Г. Кондратьев, А. А. Осипов, Е. А. Ягафова). Такая избирательность при анализе материала в научном исследовании вряд ли может быть оправдана ограничениями в объеме, на которые ссылается автор (с. 23). Ведь его результат и научная новизна зависят от полноты источниковой базы и всестороннего охвата различных аспектов темы. В докладе, к сожалению, не представлен новый материал, способный развенчать существующие концепции структуры чувашского этноса и/или внести в них существенные коррективы. Возможно, докладчику следовало, не углубляясь в фактические нюансы языка или этнографии групп и подгрупп, уже представленные в других исследованиях, сосредоточить внимание на комплексном анализе материала, его теоретическом обобщении или же разработать совершенно новый раздел в чувашской культурной диалектологии по данным родинной или похоронно-поминальной обрядности. Последние я рассматриваю как перспективные в данном направлении чувашской этнографии.

Во-вторых, название доклада сформулировано не совсем корректно. Использованное в нем слово «картографирование» означает метод, описывающий исследовательскую процедуру, поэтому, на мой взгляд, оно не может быть употреблено в одном ряду перечислений со словом «формирование», обозначающим процесс сложения, развития этнографических групп/подгрупп. Более подходящими вариантами для названия вместо слова «картографирование» были бы слова «локализация» или «ареалы». Автору, возможно, стоило отказаться от использования в обозначении локальных групп чувашей названий крупных административных центров (например, «симбирская территориальная группа», с. 21); формирование групп и подгрупп было связано с процессом их расселения в бассейнах рек / по кустам селений, что оправдывает использование гидронимов (например, аниш-цивильская) или же названий поселенческих групп (рунгинская); разумеется, допустимы названия по географическим объектам и сторонам света. В тексте встречаются и другие неудачные выражения: например, на с. 5 «Формирование подгрупп... происходило под влиянием таксонов...»; уместнее было бы указать на «факторы»; на с. 50 упоминаются некие «диалектологические» (?) группы.

Однако, несмотря на указанные недостатки, я рассматриваю работу Георгия Борисовича как продуктивный пример обобщения информации на данном временном отрезке, как платформу для поиска новых исследовательских подходов к изучению темы. Такие перспективы очевидны, на мой взгляд, в направлении сопоставления этнографического и археологического материала, изучения антропологических данных групп и подгрупп, углубления этнографических исследований в проблему типологии обрядовых комплексов на основе выявленных в поле новых данных и т. д. Поддерживаю предложения автора по продолжению изучению народного костюма, типологических признаков в обрядности, истории формирования языковых диалектов и др.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025, принята к публикации 22.02.2025;
the article was submitted 16.02.2025, accepted for publication 22.02.2025;
статья редакции 16.02.2025 ситнѐ; пичетлеме 22.02.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравӑн юлашки вариантне вуласа тухӑӑ тата ырланӑ

**ЧУВАШИЯ В СОСТАВЕ
НИЖЕГОРОДСКОГО/ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ
CHUVASHIA AS PART OF
THE NIZHNY NOVGOROD/GORKY REGION
ЧӐВАШ ЕН ЧУЛХУЛА/ГОРЬКИЙ КРАЙӐН ЙЫШӐНЧЕ**

Рец. на научный доклад: Клементьев В. Н. Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования / науч. ред. Е. В. Касимов. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 40).

И. И. Бойко,
главный научный сотрудник ЧГИГН,
доктор исторических наук, профессор,
г. Чебоксары, Россия,
ORCID: 0000-0001-9202-615X, boyko2003@yandex.ru

The review on the scientific report: Klementyev V. N. Chuvashia as part of the Nizhny Novgorod/Gorky region (1929 — 1936): the historical experience of the relationship between autonomous republic and regional territorial formation / scientific ed. E. V. Kasimov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 48 p. (Scientific reports; Vol. 40).

I. I. Boiko,
Chief Researcher Chuvash State Institute of Humanities,
doctor of Historical Sciences, professor,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0001-9202-615X, boyko2003@yandex.ru

Ӑслӑлӑх докладчӑ: рец.: Клементьев В. Н. Чӑваш Ен Чулхула/Горький крайӑн йышӑнче (1929 — 1936): автономи республикпе край территори йӑркеленӑвен хутшӑнӑвӑсен истори опычӑ / Ӑслӑлӑх ред. Е. В. Касимов. — Шупашкар; ЧПГӐИ, 2025. — 48 с. (Ӑслӑлӑх докладчӑсем / ЧПГӐИ; 40-мӑш кӑларӑм).

И. И. Бойко,
ЧПГӐИ Ӑслӑлӑх тӑп ӗстешӑ,
истори Ӑслӑлӑхӑсен докторӑ, профессор,
Шупашкар хули, Раççей
ORCID: 0000-0001-9202-615X, boyko2003@yandex.ru

© Бойко И. И., 2025

В. Н. Клементьев прав, отмечая, что историография проблемы достаточно обширна, но она в целом односторонняя. В советское время речь шла о положительном влиянии нового административно-территориального образования на экономику, в частности, Чувашии, но затем интерес к этим сюжетам был незначительным. Автор называет некоторые исследования, но не более того. С точки зрения ликвидации историографической лакуны сама работа и подходы В. Н. Клементьева весьма актуальны. Он отмечает, что задача его доклада — дать исторически правдивую картину пребывания Чувашской автономии в Нижегородском крае. Есть и другая сторона проблемы. В новейшее время мы стали свидетелями попыток губернизации регионов, при этом аргументация таких проектов разнообразная.

В. В. Жириновский считал, что укрупнение регионов даст значительные преимущества с точки зрения экономики, например, при строительстве дорог. Не придется проводить

так много согласований, особенно на стыке границ субъектов. Но это одна из проблем, о которых говорил Жириновский, были у него и другие аргументы. По мнению уже ушедшего в иной мир депутата, само по себе национально-территориальное деление страны — это «преступление против России». Он напоминал, что такое деление — наследие советских времен. Для России уже придумана форма единого государства. На латыни это *унитарное*. По-русски мы говорим *единое*. «Никакой федерации!» («Никаких республик!»): Жириновский призвал создавать губернии) — при обсуждении предполагаемого объединения Архангельской области и Ненецкого национального округа. Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко отмечала, что в России есть группа регионов, которые нуждаются в укрупнении. Она отметила, что укрупнение регионов не является самоцелью, а представляет собой вопрос эффективности страны, и что подобные решения должны приниматься только после тщательного анализа и с учетом мнения населения. По ее словам, вопрос укрупнения регионов постоянно обсуждается на экспертном уровне, но не в политической плоскости. (Матвиенко указала на нуждающиеся в объединении регионы | Новости политики // Известия. 2024. 24 апреля).

Это другая сторона актуальности проблемы. Конечно, материалы 90-летней давности не могут быть рассмотрены как важные аналогии, но эти данные могут быть полезными при анализе различных предложений, к чему нас призывает В. И. Матвиенко. С этой точки зрения можно вести речь об особой важности взгляда на вопрос, рассматриваемый в докладе В. Н. Клементьева.

Во-первых, автор опирается на очень значительную историографическую и источниковую базу. В то же время отмечу, что ограничения тематикой не дают возможности более подробно рассмотреть разные точки зрения на создание края с позиций сторонников и противников, исследователей из других республик и областей. Ссылки на такие работы есть, но их количество ограничено. Понятно, что мое пожелание выходит за рамки запланированной работы, но это размышления, на которые меня натолкнула работа автора.

Во-вторых, Владимир Николаевич, известный своей тягой к очень подробному рассмотрению различных точек зрения на принятие важных государственных решений, и в данном докладе знакомит читателей с разными взглядами на принципы экономического районирования. Не останавливаясь на каждой позиции, отмечу первоначальное мнение руководства Чувашии, которое придерживалось позиции, что экономические районы «неизбежно будут тормозить развитие наций», создадут излишний бюрократический аппарат, поэтому «автономии не должны быть подчинены никаким районным и областным органам, кроме как всероссийским центральным органам». Со второй половины 1922 г. принцип экономического районирования в Чувашии уже не отвергается.

С. 8 доклада. Основополагающие принципы создания экономических районов не являются понятными и убедительными для всех акторов данного процесса, и об этом, например, свидетельствуют попытки в качестве альтернативы госплановским проектам выдвинуть свои (7 проектов — астраханский, сталинградский, саратовский, самарский, оренбургский, казанский и нижегородский). Речь идет о создании преимуществ или приемлемых условий своему региону, что вполне объяснимо. Автор подчеркивает, что отклонение от первоначальных проектировок при всей ясности критериев экономического районирования стало следствием компромисса со стороны центра с учетом интересов национальной и региональной элит.

С. 9. Власти Татарстана выдвигали свой проект — Волжско-Камского края. Они полагали, пишет автор, что реализация госплановской сетки экономического районирования нарушит принципы национального самоопределения, «конституционную природу» автономной республики. Такую же озабоченность выражали и органы управления других АССР — Башкирской, немец Поволжья.

Исследователем подробно описаны аргументы сторонников различных вариантов объединения и их противников.

Организация Нижегородской области, переименованной позднее в край, не стала окончательной точкой в определении взаимоотношений органов власти края и автономии. В. Н. Клементьев подробно разбирает разные точки зрения на принципы этих взаи-

моотношений. Уже через полгода «совместной жизни» выявился «ряд недопониманий и ненормальностей» во взаимоотношениях краевых органов и органов автономии. Прежде всего, они дали знать о себе в посягательстве на сферу полномочий, компетенции и деятельности, в которых республика по закону являлась независимой от краевых органов, и в нарушениях последними ее автономных прав. Подробно, с большим знанием, и я бы отметил, с любовью к описанию различных бюрократических (в самом хорошем смысле) процедур, автор рассматривает процесс согласования проекта Временного положения о взаимоотношениях органов власти республики и края, и этот документ уточнялся, дорабатывался и к концу 1932 г. как бы был завершен, но не был принят постановлением ВЦИК. До этого надо было пройти ряд согласований. Практически 3 года шла такая работа, но она не была завершена. Иначе говоря, механизм взаимодействия между органами власти края и автономий, который работал бы без помех и помех, не был создан.

Но для себя в тексте я увидел некоторые позиции, которые, с точки зрения автора, свидетельствуют о разных трактовках во взаимоотношениях, но, например, для меня они являются практически идентичными. Прежде всего речь идет о неприкосновенности прав автономной республики в ряде вопросов. На с. 17 текста читаем: «В п. 14 чувашского проекта декларировалось, что вопросы государственного устройства “в компетенцию краевых органов власти не входят”». Не столь однозначным в трактовке названных полномочий автономной республики был нижегородский вариант, п. 16 которого гласил: «АССР в разрешении вопросов их государственного устройства... самостоятельны». Примечательно и то, что проект нижегородцев содержал отдельное положение (п. 3), отсутствовавшее в чувашском варианте, которое указывало, что «краевой съезд советов и краевой исполнительный комитет осуществляют общее руководство АССР...».

На с. 17 — 18. Тенденция к доминированию краевых органов над органами управления автономной республики проявилась и в сфере регулирования их полномочий. Чувашский проект недвусмысленно утверждал: п. 15 «Вопросы культурно-социального строительства, местного хозяйства, местного транспорта и административно-судебной деятельности также в компетенцию краевых (областных) органов власти не входят, но увязываются на началах взаимности в тех случаях, когда они имеют общее для АССР и краевых (областных) объединений значение». Подход нижегородцев предусматривал (п. 17), что указанные вопросы «разрешаются правительством АССР... самостоятельно, но увязываются с краевыми органами в тех случаях, когда они имеют общее для АССР и краевых объединений значение». На мой взгляд, в обоих случаях особых разночтений здесь нет, поэтому желательно было бы дополнительно разъяснить, чем чреваты были позиции краевых властей.

Не всегда, на мой взгляд, при возникновении разночтений правыми были руководители Чувашии. Например, на с. 19 «явные отличия проявились в формулировках относительно положения предприятий, переданных в состав краевых трестов автономной республики. Чувашский документ (п. 19) утверждал, что они «могут быть постановлением правительственных органов АССР изъяты из состава последних». В п. 22 нижегородского проекта говорилось: вопрос о выходе предприятий АССР из состава трестов краевого значения «разрешается по согласованию обеих сторон; в случае несогласия вопрос переносится в высшие органы РСФСР». При этом позиция автора вылилась только в констатацию наличия противоречий, но не их оценку. Со своей точки зрения скажу, что если предприятие, переданное в состав краевого треста, было оптимальным образом реорганизовано, в него были вложены средства, поставлено новое оборудование и т. д., то просто изъять его обратно было бы несправедливым.

В 4 разделе доклада «Основные направления и организационные формы реализации государственной национальной политики краевыми органами применительно к Чувашской Республике» автор основное внимание уделяет созданию различных организационных структур, создаваемых в крае на различных уровнях. Судя по содержанию, речь можно вести больше о планах работы, чем о конкретной деятельности, в основном, о работе на краевом уровне. В. Н. Клементьев констатирует, что «на уровне более низших звеньев партийно-государственного аппарата, а также краевых ведомств и учреждений»,

как следует из документов, «работа среди нацмен недооценивалась». Созданные для этой цели в различных хозяйственных и советских организациях согласно партийным директивам организационные структуры фактически бездействовали».

В завершающем тематическом разделе «Экономические и социальные аспекты взаимодействия Чувашской автономии и края» среди прочих рассматриваются проблемы противоречий и согласований. В частности, речь шла о сохранении своей самостоятельности в ходе планирования при стремлении краевых структур к общекраевым началам. Проблема эта оставалась актуальной практически во все время существования края. Так, автор отмечает: «В связи с обращением Чувашского обкома ВКП(б) бюро Горьковского крайкома ВКП(б) 23 ноября 1934 г. приняло специальную резолюцию “О выделении в планах, отчетах и др. материалах показателей по Чувашской АССР”, в которой обязывало все краевые учреждения и уполномоченных центральных ведомств в крае при представлении планов, отчетов и других материалов “обязательно выделять показатели по Чувашской АССР”».

Еще одна острая проблема — межбюджетные отношения. При этом краевые финансисты считали, что центральные органы не принимают во внимание необходимость более ускоренного развития национальных регионов. В частности, при обсуждении контрольных цифр Нижегородского края на 1930/31 гг. в Госплане РСФСР объем капиталовложений для сельского хозяйства региона был определен в 87 600 тыс. руб., что давало 11,3 руб. в расчете на одного его жителя, при том, что вся территория ЧАССР и часть Марийской автономной области входили в полосу так называемого «кризисного района». Тогда как объем финансирования Ивановской области «только с русским населением» и более лучшим состоянием аграрного сектора предусматривал 76 900 тыс. руб., «дающего 17 руб. на одного жителя». Все так, но при оценке подобных показателей полезно было бы знать: какие цифры значились в предыдущие годы, какими темпами шло наполнение бюджетов ранее? Подтверждением важности более комплексного подхода к этому вопросу служат цифры, приводимые в докладе, о пополнении бюджетов в размерах, превышающих общекраевой процент роста. На с. 29 автор отмечает, что за годы первой пятилетки основные производственные фонды промышленности Чувашской республики выросли на 827 %, Вотской (с 1932 г. Удмуртской) автономной области — на 740 %, Марийской автономной области — на 529 %, по краю — на 497 %. В. Н. Клементьев при этом совершенно справедливо подчеркивает, что объективная и взвешенная оценка приведенных цифр требует принять во внимание низкий исходный базовый уровень индустрии автономий накануне их вхождения в краевое образование.

В настоящее время трудно сказать, как бы развивалась экономика республики самостоятельно, более высокими темпами или, наоборот, подобные показатели не были бы достигнуты. Трудно оценить вклад ИТР, квалифицированных рабочих, направленных в Шумерлю, Козловку, но, наверняка, их опыт и знания были востребованы, хотя их по численности было немного.

Большое место в разделе уделено вопросам подготовки квалифицированных кадров. Автор справедливо отмечает, что в конечном итоге решать проблему подготовки профессиональных кадров, прежде всего среднего и низшего звена, для своих нужд Чувашии пришлось, опираясь главным образом на собственные силы, путем открытия в автономной республике профессиональных учебных заведений и роста числа обучающихся в них.

В целом отмечу, что В. Н. Клементьев написал интересную работу, которая вносит заметный вклад в историографию Чувашии.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025, принята к публикации 12.02.2025;
the article was submitted 11.02.2025, accepted for publication 12.02.2025;
статья редакции 11.02.2025 җитнӗ, пичетлеме 12.02.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

* * *

Рец. на научный доклад: Клементьев В. Н. Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования / науч. ред. Е. В. Касимов. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 48 с. (Научные доклады; вып. 40).

Н. А. Казаков,

заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма

ЧГУ им. И. Н. Ульянова,

кандидат географических наук, доцент,

г. Чебоксары, Россия,

ORCID: 0000-0003-0764-5891, kzkv75@mail.ru

The review on the scientific report: Klementyev V. N. Chuvashia as part of the Nizhny Novgorod/Gorky region (1929 — 1936): the historical experience of the relationship between autonomous republic and regional territorial formation / scientific ed. E. V. Kasimov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 48 p. (Scientific reports; Vol. 40).

N. A. Kazakov,

Head of the Department of Social and Economic Geography and Tourism

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov,

candidate of Geographical Sciences, associate professor,

Cheboksary, Russia,

ORCID: 0000-0003-0764-5891, kzkv75@mail.ru

Аслăлăх докладчĕ: рец.: Клементьев В. Н. Чăваш Ен Чулхула/Горький крайĕн йышăнчĕ (1929 — 1936): автономи республикĕпе край территори йĕркеленĕвĕн хутшăнăвĕсен истори опычĕ / аслăлăх ред. Е. В. Касимов. — Шупашкар: ЧПГĂИ, 2025. — 48 с. (Аслăлăх докладчĕсем / ЧПГĂИ; 40-мĕш кăларăм).

Н. А. Казаков,

И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕн
социоэкономика географийĕпе туризм кафедрин пуçлăхĕ,

географи аслăлăхĕсен кандидачĕ, доцент,

Шупашкар хули, Раççей

ORCID: 0000-0003-0764-5891, kzkv75@mail.ru

© Казаков Н. А., 2025

Актуальность темы. Основной задачей исторической науки является установление событий исторического прошлого с нахождением временных причинно-следственных связей, как между уже минувшими событиями, так и событиями дня настоящего. Знания о прошлом, исторический опыт мы можем использовать в современных преобразованиях и для научно обоснованного предвидения будущего (научного прогнозирования).

Исследование В. Н. Клементьева восстанавливает события, связанные с социально-экономическим взаимодействием Чувашской АССР с Нижегородским/Горьковским краем в относительно короткий период (1929 — 1936) нахождения республики (как подсистемы) в краевой административно-хозяйственной территориальной системе.

Проблемы во взаимоотношении республики и края, которые раскрыты в исследовании Владимира Николаевича, их нерешенность («замороженность»), — это частный случай проблем в системе административно-территориально-хозяйственного управления СССР (РСФСР) того периода, которые перешли из 20 — 30-х гг. в 80 — 90-е гг. XX в. и перетекли в настоящее время. Они в немалой степени способствовали и способствуют сохранению территориально-этноконфессиональных конфликтных ситуаций на постсо-

ветском пространстве, то и дело переходящих в открытое вооруженное противостояние (вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, Чеченские войны, СВО на Украине).

Изучение, как совершенно верно указал в названии своего исследования Владимир Николаевич, «исторического опыта» сочетания в организации административно-территориального управления страной экономического (социально-экономического) районирования и национальных территориальных образований может быть учтено в стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Краткий обзор и оценка содержания научного доклада. В своем исследовании В. Н. Клементьев оппонирует тем, кто придерживается устоявшейся с советского времени точки зрения, что вхождение и пребывание ЧАССР в составе Нижегородского/Горьковского края оказало исключительно положительное влияние на социально-экономическое развитие нашей республики. В докладе указывается на сложность и неоднозначность республиканско-краевого взаимодействия. Автор подчеркивает, что даже само формирование Нижегородского края с включением в его состав территории ЧАССР явилось неким компромиссом между разными взглядами на территориальное устройство РСФСР и видения в нем места для национальных автономий. В самой Чувашии идея вхождения в Нижегородский край также не была встречена с единодушным одобрением. Высказывались обоснованные сомнения и предложения по ориентации на центр многовекового тяготения большей части территории Чувашии — Казань, а не на «чуждый» Нижний Новгород.

Интересным является упоминание в докладе о том, что ряд «сотрудников Госплана» считали, что в основе объединения «волго-вятско-камских» регионов в Нижегородский (Нижегородско-Вятский) край лежит идея создания и развития «хозяйственно-территориального комбината» (с. 10 — 11), который можно развернуть на основе эксплуатации местных лесных ресурсов. Одним из разработчиков концепции «хозяйственно-территориальных комбинатов» является упоминающийся в докладе «технократ» Иван Гаврилович Александров. В последующем эта концепция получила развитие в первую очередь в трудах Николая Николаевича Клоссовского (концепция энергопроизводственных циклов), а ныне старшему поколению «хозяйственно-территориальные комбинаты» известны под именем «территориально-производственных комплексов», без формирования которых было немислимо любое крупное региональное экономическое (социально-экономическое) развитие в СССР в 60 — 70 — 80-е гг. XX в.

Период нахождения ЧАССР в составе Нижегородского/Горьковского края, как отмечает автор, также оказался далеко не безоблачен. Между краевыми и республиканскими властями часто возникало недопонимание, конфликты по вопросу социально-экономического развития республики и его значения для развития всего края. Власти автономии далеко не беспочвенно обвиняли краевое руководство в пренебрежении политико-административным статусом и интересами ЧАССР (интересами экономического, социокультурного строительства в регионе, обвиняли в перетягивании из автономии в краевой центр — Нижний Новгород и прилегающие районы — «...престижных и сулящих большую экономическую выгоду промышленных объектов...»).

Однако выбранный подход (оппонирование устоявшемуся мнению) и ограниченный объем работы не позволили автору идеально сбалансировать положительное и отрицательное в нахождении Чувашии в составе Нижегородского/Горьковского края. После ознакомления с исследованием создается впечатление, что период пребывания ЧАССР в составе края был явно не радужным, и если были достижения, то это скорее вопреки, а не благодаря. Даже рост за годы I пятилетки стоимости основных производственных фондов в ЧАССР на 827 % нивелируется указанием на то, что достигнут этот показатель в том числе благодаря «низкому исходному базовому уровню индустрии» автономии (с. 29). И с этим нельзя не согласиться, но в сравнении с столь же (если не более) изначально не развитой Марийской автономной областью рост стоимости основных производственных фондов в Чувашии существенно выше (827 % против 529 %).

Изучая «исторический опыт», допустимо использовать наше постсобытийное знание, в том числе знание о том, что строительство Чебоксарского гидроузла будет запущено только в конце 60-х гг. XX в. и до сего дня не завершено (правда, на вывод Чебоксар-

ской ГЭС на плановую мощность существенно повлияла позиция, занятая руководством Нижегородской/Горьковской области), что на территории Чувашии так и не найдут полезных ископаемых, эксплуатация которых позволила бы создать здесь предприятия — флагманы советской индустрии [не будет здесь второй «Магнитки», второй Юзовки/Сталино (Донецк. — *Ред.*), нового Баку и даже не придет слава Сланцев или Маарду, а разработка фосфоритов и горючих сланцев будет через относительно небольшое время прекращена в связи с нерентабельностью, предприятия либо закроют, либо переориентируют, используя уже созданные производственные фонды, на выпуск другой продукции], что интенсивная эксплуатация лесных ресурсов завершится в 50-х гг. XX в. (так как они будут уже почти исчерпаны), что развитие города Канаша столкнется с проблемами водоснабжения, что с опорой на чувашский язык и в первой четверти XXI в. нельзя будет получить полноценные естественно-математические и технические знания [а в ту пору для носителей только чувашского языка и гуманитарное знание было недоступно (отсюда и проблемы с подготовкой национальных квалифицированных кадров, все только начинается, а работы на нулевом цикле, как правило, идут дольше и сложнее, чем занимает постройка самого здания)], что ЧАССР сохранится в составе Волго-Вятского экономического района, а в Стратегии пространственного развития Российской Федерации (2019) Чувашию включат в Волго-Камский макрорегион наряду с республиками Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртской Республикой, Пермским краем, Кировской и Нижегородской областями, и глубоко не копая, а просто заглянув в БРЭ, в 2025 г. мы сможем прочитать: «...Исторический опыт свидетельствует, что для стран, обладающих обширными территориями и высокой фрагментарностью экономического пространства, таких как Российская Федерация, наиболее целесообразным является выделение крупных территориальных образований, выступающих базовыми элементами хозяйственного комплекса. При таком подходе решается не только задача оптимизации экономической деятельности на уровне национальной экономики, но и целый ряд проблем государственного управления. В частности, устраняется противоречие между объемами централизации и децентрализации передаваемых территориям полномочий и ответственности...». Таким образом, спустя 90 лет после того, как прекратил свое существование Горьковский край, идеи, заложенные в его создание, будут вновь востребованы наукой и практикой организации системы территориального управления в России.

Заключение. Научное исследование (доклад) В. Н. Клементьева на тему «Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования», представленное на научной сессии ЧГИГН по итогам работы за 2024 г. выполнено на высоком научном уровне. В нем продемонстрирована вся сложность и неоднозначность политико-социально-экономического положения Чувашии в составе Нижегородского края, вскрыты значительные проблемы во взаимоотношениях республиканских и краевых властей. Как уже было сказано, результаты исследования могут быть использованы в стратегии пространственного развития Российской Федерации для избежания в настоящем и будущем повторения ошибок прошлого. В данном научном исследовании видится потенциал научной монографии, которое может (даже должно) быть обогащено инфографикой (а то мы говорим об организации географического пространства без географических карт, говорим о статистических показателях, их изменении в пространстве и времени, а не используем табличные и графоаналитические методы подачи информации).

Статья поступила в редакцию 10.03.2025, принята к публикации 10.03.2025;
the article was submitted 10.03.2025, accepted for publication 10.03.2025;
статья редакции 10.03.2025 ситнӗ, пичетлеме 10.03.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал ыраваӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

* * *

Рец. на научный доклад: Клементьев В. Н. Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования / науч. ред. Е. В. Касимов. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 48 с. (Научные доклады; вып. 40).

А. Г. Минеев,
заведующий межфакультетской базовой лабораторией 1С
ЧГУ им. И. Н. Ульянова,
кандидат исторических наук,
г. Чебоксары, Россия,
ORCID: 0000-0001-5791-6210, minalig@inbox.ru

The review on the scientific report: Klementyev V. N. Chuvashia as part of the Nizhny Novgorod/Gorky region (1929 — 1936): the historical experience of the relationship between autonomous republic and regional territorial formation / scientific ed. E. V. Kasimov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 48 p. (Scientific reports; Vol. 40).

А. I. Mineev,
Head of the Interfaculty Basic Laboratory 1C
of the Chuvash State University named after I. N. Ulyanov,
candidate of Historical Sciences,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0001-5791-6210, minalig@inbox.ru

Аслăлăх докладĕ: рец.: Клементьев В. Н. Чăваш Ен Чулхула/Горький крайĕн йышĕнче (1929 — 1936): автономи республике край территори йĕркеленĕвĕн хутшăнăвĕсен истори опычĕ / аслăлăх ред. Е. В. Касимов. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 48 с. (Аслăлăх докладĕсем / ЧПГАИ; 40-мĕш кăларăм).

А. И. Минеев,
И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕн
Факультетсен хушшинчи 1С никĕс лабораторийĕн ертÿçи,
истори аслăлăхĕсен кандидачĕ,
Шупашкар хули, Раççей,
ORCID: 0000-0001-5791-6210, minalig@inbox.ru

© Минеев А. И., 2025

В современных условиях международной обстановки глобализации и интернационализации культуры вопросы изучения отдельных народов, а также истории формирования их государственности приобретают особую злободневность. Заявленный научный доклад Владимира Николаевича Клементьева посвящен актуальной теме, дискуссионность и выявление ранее неизученных источников по которой позволяют исследователям по-новому взглянуть на события вековой давности, связанные с национально-территориальным делением в советской России. В канун 100-летия образования Чувашской автономной республики (1925) проблема изучения отдельных этапов ее реформирования, одним из которых является вхождение в состав Нижегородского/Горьковского края в 1920 — 1930-е гг., приобретает как теоретическую, так и практическую значимость.

Новизна рецензируемой работы не вызывает сомнений, она подготовлена, главным образом, на основе архивных источников, выявленных не только в Чувашской Республике, но и Нижегородской области (Государственный исторический архив Чувашской Республики, Государственный архив современной истории Чувашской Республики,

Центральный архив Нижегородской области, Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Автор детально проанализировал накопившийся в архивохранилищах пласт исторических документов. Вместе с тем исследователем привлечен широкий круг опубликованных данных. В. Н. Клементьев активно использует нормативно-правовые документы, сборники материалов советского периода («Вопросы экономического районирования: сб. материалов и статей», 1957; «Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920 — 1987): документы и материалы», 1989 и др.). Также в работе нашли отражение выдержки из периодической печати изучаемого периода, что позволило исследователю передать дух времени, выявить отдельный фактический материал, обратиться к персоналиям (например, «Нижегородская коммуна», «Власть советов», «Коммунист», «Трудовая газета» и др.).

Историография темы также отражена в научном докладе. В вводной части представлен обзор научных работ как советского, так и современного периодов (публикации П. М. Михайлова, Т. С. Сергеева, В. Г. Шаркова, Е. К. Минеевой, А. И. Минеева, А. В. Чернышовой и др.). Указаны основные научные блоки, по которым раскрываются отдельные сюжеты вхождения Чувашии в состав Горьковского края, а также определены лакуны, требующие дальнейшей научной проработки.

Говоря о структуре доклада, следует указать, что он выполнен в соответствии с проблемно-хронологическим принципом представления материала, имеет четкую логику изложения, написан грамотным научным языком, читается легко и с интересом. Полагаю, что данная научная работа будет иметь востребованность не только у научного сообщества, но и государственных деятелей, краеведов, а также у широкой общественности.

Представленный научный доклад включает введение, 5 тематических разделов, заключение, список источников и литературы.

Во введении представлена общая информация, характеризующая период 1929 — 1936 гг., связанный с вхождением Чувашии, наряду с Нижегородской губернией, Марийской, Вятской, Удмуртской автономными областями в состав крупного территориального образования, административно-экономический район — Нижегородский/Горьковский край. В данном разделе обосновывается актуальность проблемы, дается краткая характеристика историографии, определены научные задачи, которые раскрываются в докладе, а также цель исследования, главным тезисом которого является характеристика принципов экономического районирования Волго-Камского края и определение Чувашской автономии в этом процессе.

В первом разделе работы исследованы методологические принципы и проекты экономического районирования Волго-Камского региона, а также проанализированы предпосылки к созданию Нижегородского края. Автор детально изучил различные варианты административно-территориального реформирования страны в 1920-е гг., основанные на экономическом принципе. Отдельное внимание уделено так называемому «энергетическому районированию», связанному с планом электрификации РСФСР. Наряду с этим в сравнительном аспекте автор раскрывает особенности принципа «экономической законченности», «коммуникационного принципа» и др. Прослежена проработка вопроса районирования на уровне Госплана, решений ВЦИК, что демонстрирует серьезную дискуссию в области формирования отдельных экономических районов страны. Заслугой В. Н. Клементьева стал сбор в единое целое точечного разрозненного материала относительно данного вопроса со стороны национальных республик. Во многом представленные в Центре проекты были критически восприняты на местах, особенно в Татарии, Башкирии и Чувашии, поскольку часто не учитывались национальные особенности регионов. В результате Центр был вынужден реагировать на обоснованные выводы национальных и региональных элит. Итогом длительных дискуссий стало образование Нижегородского края как крупного экономического района страны.

Второй раздел дает представление о развернувшихся дискуссиях вокруг вопроса вхождения и определения основных условий включения Чувашской АССР в Нижегородский край. В работе объективно прослеживается противостояние двух точек зрения: тех, кто отстаивал мнение о необходимости участия Чувашии в экономическом райониро-

нии, и тех, кто выступал за сохранение автономии в качестве отдельной административно-хозяйственной единицы. Приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о предложениях войти в состав Волжско-Камского края или Средне-Волжской области, апеллируя к этому на основе отраслевых принципов ведения сельского хозяйства. При всей проработке имеющихся точек зрения был выбран единый путь — охождении Чувашской АССР в состав Нижегородской области в 1929 г., в результате этот вопрос нашел юридическое отражение в виде постановления Президиума ВЦИК.

В третьем разделе автором исследованы вопросы взаимодействия краевых и республиканских структур в составе Нижегородского/Горьковского края. Как справедливо отмечает В. Н. Клементьев, основные спорные вопросы касались отношений между хозяйствующими и администрирующими субъектами автономий республики и края. Во многом это касалось промышленности республики. В результате для выработки гармонизации взаимоотношений было создано Положение, регламентирующее полномочия республиканских и краевых органов власти. Исследователь на основе многочисленных примеров убедительно раскрывает содержание этого документа, который имел разные проекты. При приходе к общему консенсусу взаимодействие Чувашской республики и Нижегородского края не имело длительной перспективы. Исходя из взятого нового политического курса, начиная с 1932 г., происходит разукрупнение краев и областей, это отразилось и на Горьковском крае, который был ликвидирован в 1936 г.

Четвертый раздел раскрывает деятельность краевых властей в сфере национальной политики по отношению к Чувашской республике. Ученым подробно изучено проведение краевых конференций РКП(б), на которых принимались решения, связанные с национальным вопросом. Отдельно выделяется работа комиссий по формированию национальных кадров и вопросам коренизации, а также комиссии по национальной политике; краевого Совета по просвещению национальных меньшинств и др. Собранный фактический материал позволил автору доклада проследить периодизацию деятельности краевых органов в сфере национальной политики, особенно выделив 1930 — 1934 гг. как период наиболее последовательной и результативной деятельности по данному вопросу.

В пятом разделе представлена социально-экономическая взаимосвязь между Нижегородским краем и республикой. Данный раздел является самым крупным по листажу по сравнению с предыдущими (с. 26 — 38), и это вполне закономерно, поскольку сама идея создания крупных краевых объединений заключалась в наращивании индустриализации и экономического потенциала страны в целом и регионов в частности. В параграфе дается характеристика финансового планирования Нижегородского края, а также выстраивания межбюджетных отношений краевого образования и ЧАССР; борьбы за размещение и строительство на конкретной территории крупных промышленных объектов; создания и деятельности учебных заведений специально-технического образования (школы фабрично-заводского ученичества и школы ученичества массовых профессий); подготовки национальных кадров, которых в 1920 — 1930-е гг. насчитывались единицы (например, к 1929 г. в промышленности ЧАССР работало всего 4, в капитальном строительстве — 14 дипломированных инженера); планов приема абитуриентов из Чувашии в вузы и ссузы Нижнего Новгорода и др. Помимо конкретного исторического материала, в авторской манере изложены и проблемные блоки, сложности, которые неизбежно возникали на пути экономического регулирования между краем и республикой. Именно критический анализ ранее известных и слабоизученных источников позволил автору по-новому взглянуть на проблему исследования.

В заключении представлены основные выводы автора доклада, которые нашли отражение в виде формулировки отдельных тезисов и положений.

При высокой положительной оценке научной работы укажем некоторые рекомендации и идеи для дальнейшего научного размышления.

— При имеющемся во введении доклада историографическом обзоре темы хочется обратить внимание на ряд исследований. Одной из выделявшихся в советской историо-

графии работ с точки зрения характеристики краевых образований, в составе которых около 8 лет развивались автономии Среднего Поволжья, является монография Н. П. Никитина [Никитин Н. П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР. На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917 — 1937 гг.). Л., 1979]. Несмотря на название, традиционно обращавшее читателя к деятельности КПСС, оно скрывает богатое содержание, далеко выходящее за рамки трафаретов и устоявшихся штампов. Автор не скрывал трудности, существовавшие между автономиями и краевыми органами власти, наоборот, пытался проиллюстрировать то, какими средствами и силами они преодолевались. Монография Н. П. Никитина является ценным вкладом в проблему районирования автономий Поволжья и Приуралья.

— Во-вторых, речь идет и о современных работах ученых, вышедших за последние 10 лет. Появились публикации московских ученых (Аманжолова Д. А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920 — 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30 — 40; Аманжолова Д. А. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в контексте фронтирной модернизации. 1920-е гг. // Этнические меньшинства в истории России. Материалы V Междунар. науч. конф. СПб., 2024. С. 13 — 21; Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю. Советская федерация: от империи к современности. 1917 — 1941 гг. М., 2022), а также работы региональных исследователей [Пантелеймонова Л. В. План ГОЭЛРО — стратегический план экономического районирования в 1920-х годах (на материалах Чувашской автономии) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 333 — 344; Ее же. Трансформация деления страны на административно-территориальные и автономные единицы, их особенности (в 1920 — 1930-е годы) // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3. С. 118 — 131], в которых с разных позиций изучается вопрос экономического районирования страны в целом и Чувашской АССР в частности.

— Начиная с 2022 г. целый ряд архивных источников страны периода 1920 — 1930-х гг. был рассекречен. Особо это касается центральных архивов. При активном включении материала не только региональных, но и крупных федеральных архивохранилищ РФ возможно получить важный фактический материал, который позволит выйти на новый уровень обобщений, а также предложить отдельные гипотезы. Это, в первую очередь, касается фондов Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории. Наряду с этим рекомендуем автору ознакомиться со сборником документов, подготовленным Т. Ю. Красовицкой, в котором представлен богатый материал по теме [Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 — 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007].

— Кроме того, хотелось бы рекомендовать Владимиру Николаевичу усилить личный фактор при дальнейшем изложении материала по теме доклада. В нем, к сожалению, практически отсутствуют имена представителей краевого аппарата управления, от которых во многом и зависела осуществлявшаяся политика и деятельность в отношении Чувашской автономии.

— Размышления об актуальности темы неизбежно поднимают вопросы о параллелях между событиями столетней давности и современного этапа. На наш взгляд, аргументация темы во введении и заключительной части исследования, с предложением последующих выводов, связана с созданием современной кластерной системы развития регионов. Обращение к этому направлению может придать теме экономического районирования новый практический интерес. Данный аспект все чаще поднимается в научных трудах, в том числе на материале республик Поволжья. В этой связи рекомендуем В. Н. Кlementьеву ознакомиться с серией работ, подготовленных в рамках реализации гранта РНФ на тему «Кластерная модель развития регионов Поволжья в условиях инновационной экономики» (руководитель Д. Л. Напольских). Научные работы на стыке наук сегодня

все больше пользуются востребованностью и имеют практический интерес. На основе данных истории и экономики в рамках создания кластерных моделей могут быть предложены научно-проработанные рекомендации. Также в рамках этой работы возможна выборка огромного массива первоисточников. Подобная работа позволила бы создать информационные базы данных и применить информационные технологии в гуманитарных исследованиях.

Подводя итог, отметим, что научный доклад В. Н. Клементьева на тему «Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования» посвящен актуальной и интересной научной проблеме, обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью, является завершенным научным исследованием, которое вносит определенный вклад в историю Чувашии и чувашского народа.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025, принята к публикации 19.02.2025;
the article was submitted 18.02.2025, accepted for publication 19.02.2025;
статья редакции 18.02.2025 çитнĕ; пичетлеме 19.02.2025 йышăннă

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравăн юлашки вариантне вуласа тухнă тата ырланă

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES / ПЕРСОНАЛИСЕМ

«ОБ ИСКУССТВЕ, О НАРОДЕ, О НАЦИИ»
(к 90-летию А. А. Трофимова)

«ABOUT ART, ABOUT THE PEOPLE, ABOUT THE NATION»
(on the 90th anniversary of A. A. Trofimov)

«ЎНЕР ÇИНЧЕН, ХАЛӒХ ÇИНЧЕН, НАЦИ ÇИНЧЕН»
(А. А. Трофимов суралнӑранпа 90 сӗл ситнӗ май)

Исполнилось 90 лет искусствоведу Алексею Александровичу Трофимову (28.01.1935 — 17.09.2020). С 1969 г. и до последних дней своей жизни он работал в Чувашском научно-исследовательском институте (ныне ЧГИГН), в том числе с 1983 по 1996 г. руководил отделом искусств, а в 1996 — 2002 гг. — институтом.

С его именем тесно связано развитие гуманитарной науки в Чувашии конца XX — начала XXI в. По кругу изучаемых проблем и исследовательскому методу А. А. Трофимов не похож ни на одного из современников или предшественников-чувашеведов. А. А. Трофимов вывел материалы хорошо известной в культуре орнаментации одежды и совершенно не изученной до него культовой пластики из узких рамок этнографической описательности и возвысил их до источников первостепенной важности для познания социальной и культурной истории народа. Как своим подходом, так и организационными решениями (открытие в ЧГИГН отдела археологии, лабораторий архитектуры и строительной эстетики, религиоведения) он придал новый импульс как собственно искусствоведческим, так и историко-этнологическим исследованиям в республике.

Родился будущий ученый в д. Верхняя Чувашская Киреметь (ныне с. Старая Киреметь Аксубаевского муниципального района Республики Татарстан) в семье крестьян-колхозников — Александра Леонтьевича и Александры Григорьевны Трофимовых. С началом войны отец ушел на фронт и в 1942 г. погиб. Детские годы привили его сыну самостоятельность и терпеливость, которые сочетались с врожденным упорством и наблюдательностью.

Верхнюю Чувашскую Киреметь окружали селения некрещеных чувашей, придерживавшихся традиций и понятий так называемого «язычества». Особенности их быта и мировоззрения, официально трактуемые как «исчезающие пережитки прошлого», тем не менее пронизывали самую суть бытия. Поэтому народную религию и мифологию будущий ученый с юности воспринимал как естественные, исторически выработанные культурные формы. Именно в древней народной религии, писал он позже, «наиболее целостно сохранены традиции духовной культуры, самобытность»¹.

В 1954 — 1957 гг. он — солдат срочной службы Группы советских войск в Германии, в 1957 — 1959 гг. — художник-оформитель в гарнизонном Доме офицеров там же. Судьба предоставила ему возможность познать сокровища одного из великих европейских музеев — Дрезденской картинной галереи. Врожденное чувство красоты получило в его сознании прочное наполнение в виде опыта непосредственного общения с шедеврами итальянских, фламандских, германских мастеров эпох Ренессанса и Просвещения.

В 1963 г. Алексей Александрович поступил на заочное отделение факультета теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, продолжая работать в сельской школе в с. Аксубаево. Взгляды начинающего искусствоведа укрепились знакомством с уникальными коллекциями ленинградских Эрмитажа, Кунсткамеры, Государственного музея этнографии народов СССР. Дипломную работу по специальности «история и теория изобразительного искусства» он успешно защитил в 1969 г. Но еще в 1967 г. ее фрагмент был опубликован в «Ученых записках» Чувашского НИИ. Судьбоносно важным оказалось и

¹ Трофимов А. А. Вступая в третье тысячелетие // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 7.

знакомство с ленинградским художником чувашского происхождения Петром Кипарисовым, преподававшим на живописном факультете. Беседы с ним, вспоминал Алексей Александрович, были наполнены «философскими размышлениями, разговорами об искусстве, о народе, о нации»².

Внимание больших ученых к своим идеям А. А. Трофимов почувствовал позже, уже в Москве. Здесь он встречался с исследователем истории Древней Руси и славянского язычества академиком Б. А. Рыбаковым. Директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН Ю. В. Бромлей в обзоре современных исторических исследований счел нужным упомянуть одну из статей Трофимова³. С уважением и благодарностью Алексей Александрович отзывался об искусствоведах В. В. Ванслове и Н. В. Воронове (он стал научным руководителем Трофимова при написании кандидатской диссертации в 1981 г. и первым оппонентом на защите докторской в 1994 г.).

Научное наследие А. А. Трофимова составляет несколько сотен публикаций разного характера, среди которых представляются принципиально важными монографии историко-теоретического содержания: «Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории» (1977), «Чувашская народная культовая скульптура» (1993), «Древнечувашская руническая письменность» (1993), «Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура» (2009). Раздвигая временные границы истории культуры родного народа, ученый искал для себя опору в данных широкого комплекса исторических и этнологических дисциплин. Многосоставность аргументации в его трудах лишена признаков эклектичности, ибо она была плодом внутренней эволюции. Отдельную область научных интересов А. А. Трофимова составляла история профессионального изобразительного искусства Чувашии, которая освещена в ряде статей, монографий и составленных им альбомов. Свои мысли «об искусстве, о народе, о нации» он изложил в десятках статей, в год своего семидесятилетия соединенных им в том «Искусство: избранные труды» (2005). Обобщением многолетних поисков можно назвать монографию «Время. Искусство. Искусствознание: проблемы теории и истории стилевых направлений: живопись, графика, скульптура, архитектура» (2016).

Признанный авторитет в вопросах развития культуры и искусства Чувашии, заслуженный деятель искусств Чувашской АССР, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан А. А. Трофимов вел огромную общественную работу, избирался членом президиума Чувашской национальной академии, вице-президентом Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, почетным членом Академии художеств Российской Федерации. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, орденом «За заслуги перед Чувашской Республикой», серебряной медалью Российской академии художеств (2010), золотой медалью «Духовность. Традиции. Мастерство» Союза художников России (2012). Удостоен Государственных премий Чувашской Республики в области литературы и искусства (1995, 2008), в области гуманитарных наук (2002).

М. Г. КОНДРАТЬЕВ,
главный научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды А. А. Трофимова

Знаки чувашской вышивки, аналогичные руническим письмам / А. А. Трофимов // Чувашское искусство: [сб. статей]. Чебоксары: [б. и.], 1971. Вып. 1. С. 107 — 121.

Поиски истоков чувашской вышивки / А. А. Трофимов // Чувашское искусство: [сб. статей]. Чебоксары: [б. и.], 1971. Вып. 1. С. 68 — 106.

К вопросу о возникновении чувашской вышивки / А. А. Трофимов // Сообщения государственного Русского музея / Русский музей. М.: Изобразительное искусство, 1976. Вып. XI. С. 174 — 180.

² Трофимов А. А. Искусство: избранные труды. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 14.

³ Бромлей Ю. В. Этнографические исследования в СССР // Развитие советской исторической науки. 1970 — 1974. М.: Наука, 1975. С. 321.

Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки / А. А. Трофимов // Чувашское искусство: [сб. статей]. Чебоксары: [б. и.], 1976. Вып. 70. С. 3 — 52.

Орнамент чувашской народной вышивки: вопросы теории и истории / А. А. Трофимов; НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 110 с.

Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей / А. А. Трофимов // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1979. Вып. 90. С. 3 — 45.

Проблемы народного искусства Чувашии / А. А. Трофимов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 112 с.

Развитие монументально-декоративного искусства Чувашии / А. А. Трофимов // Вопросы истории чувашского искусства: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 35 — 50.

Нарспиана совет тата урăх сĕршыв художникĕсен пултарулăхĕнче / А. Трофимов // Творческое наследие К. В. Иванова: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 65 — 87.

Проблемы развития архитектуры Чебоксар (1920 — 1930 гг.) / А. А. Трофимов // Вопросы истории и теории искусств: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 3 — 24.

Анатолий Данилов. Живопись: [альбом] / А. А. Трофимов; Чувашский государственный институт гуманитарных наук; Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Чебоксары: Чувашия, 2004. 174 с.

Искусство: избранные труды / А. А. Трофимов; [Чувашский государственный институт гуманитарных наук / ред., сост., предисл. и коммент. В. А. Прохоровой]. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 602 с.

Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII — XX вв.): [каталог] / А. А. Трофимов. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 144 с. Вариант заглавия: Произведения чувашской народной вышивки в музеях России (XVII — XX вв.).

Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура: религия, культовая архитектура, скульптура, прикладное искусство, Священные Знания / А. А. Трофимов; Чувашский государственный институт гуманитарных наук; [ред. В. А. Прохорова]. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 255 с.

В поисках национального стиля: [о художнике В. И. Агееве] / А. А. Трофимов // Мастера изобразительного искусства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 7 — 16: портр. (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. 9).

Мастер академической реалистической живописи: [о художнике Н. В. Овчинникове] / А. А. Трофимов // Мастера изобразительного искусства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 247 — 258: портр. (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. 9).

Архитектор жизни = Пурнăс архитекторĕ = Architect of life: [монография] / А. А. Трофимов, П. В. Афанасьев; Чувашский государственный институт гуманитарных наук; [пер. на чув. язык А. А. Трофимова; пер. на англ. язык Ю. Ю. Шляхина; фото Ю. А. Трофимова и др.]. Чебоксары: Печатный дом Брындиных, 2012. 271 с.

Время. Искусство. Искусствознание: проблемы теории и истории стилевых направлений: живопись, графика, скульптура, архитектура / А. А. Трофимов; Российская академия художеств, Чувашский государственный институт гуманитарных наук; [пер. В. Н. Шашкова; художник Ю. А. Трофимов; фото: Ю. А. Трофимова, Д. Ш. Гайнутдинова; послесл. М. Г. Кондратьева]. Чебоксары: Новое время; [Б. м.]: Новая Россия, 2016. 595 с.

Изобразительное искусство Чувашской Республики: живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство, архитектура, художественная фотография: [альбом] / А. А. Трофимов, Д. Ш. Гайнутдинов; [предисл. Т. И. Бойцовой; науч. ред. Ю. А. Трофимов; фото Х. Д. Гайнутдинова]. Чебоксары: М.: [б. и.], 2017 (PNB Print). 255 с.

**ОТ АССИСТЕНТА ДО ДЕКАНА
(к 50-летию Алены Михайловны Ивановой)**

**FROM ASSISTANT TO DEAN
(on the 50th anniversary of Alena Mikhaylovna Ivanova)**

**АССИСТЕНТРАН ДЕКАНА СИТИ
(Алена Михайловна Иванова 50 сӹл тултарнӹ тӹлӹ)**

8 февраля 2025 г. свой 50-летний юбилей отметила Алена Михайловна Иванова — доктор филологических наук, профессор, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, заведующий кафедрой чувашской филологии и культуры ЧГУ, член редколлегии научного журнала «Современная гуманитаристика» А. М. Иванова — выпускник Чувашского государственного университета (1997) по специальности «Чувашский язык и литература». Всю свою дальнейшую профессиональную жизнь она связала со своей альма-матер, пройдя путь от ассистента до декана и заведующего кафедрой. Алена Михайловна пользуется уважением среди коллег и студентов, эффективно выполняет руководство всей научной, учебной, воспитательной и культурной деятельностью факультета. Она является председателем диссертационного совета и активно участвует в подготовке соискателей научных степеней по филологическим направлениям. В настоящее время под ее руководством степень доктора наук получил один соискатель, а степень кандидата наук — 3 соискателя.

А. М. Иванова опубликовала более 100 научных работ, среди которых 6 монографий, учебные пособия и научные статьи в сборниках, рецензируемых ВАК, Scopus и Web of Science. При ее активном участии и руководстве проведено большое количество научно-практических конференций и других научных форумов, среди которых имеются и мероприятия международного уровня. Уже на протяжении нескольких лет Алена Михайловна плодотворно работает на ниве сотрудничества в области международных научно-образовательных проектов, имеющих своей целью популяризацию изучения русского языка за рубежом. Среди них различные научно-методические семинары, олимпиады и фестивали, проведенные в таких государствах, как Таджикистан, Казахстан, Узбекистан и др.

Особо стоит отметить деятельность А. М. Ивановой на поприще сохранения и развития родного чувашского языка. В 2022 г. под ее руководством был подготовлен проект «Чувашский в чемодане», получивший грант Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации (г. Москва). Благодаря этому проекту тысячи школьников, учащихся и студентов Чувашской Республики, Ульяновской области и Республики Татарстан познакомились с чувашским языком и культурой при помощи интерактивных занятий.

Общественно-научная деятельность также занимает важное место в жизни Алены Михайловны. Помимо председательствования в диссертационном совете по филологическим наукам ЧГУ она является членом Научно-технического совета ЧГУ, руководителем комитета по образованию Чувашского национального конгресса, членом учебно-методического совета при Министерстве образования и молодежной политики Чувашской Республики. В составе этих советов и комиссий А. М. Иванова вносит свой вклад в повышение профессиональной квалификации учителей чувашского языка и литературы, оказывает большую помощь авторам в совершенствовании и улучшении качества учебно-методических пособий и учебников по чувашскому языку, проводит мастер-классы, читает лекции.

А. М. Иванова награждена Почетной грамотой Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (2012), Почетной грамотой Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2017), Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (2023), имеет благодарственные письма от Главы Чувашской Республики (2022), губернатора Ульяновской области (2023).

Сотрудники ЧГИГН от всего сердца поздравляют Алену Михайловну с юбилеем, желают ей дальнейших успехов в научной, профессиональной и общественной деятельности, крепкого здоровья, счастья и семейного благополучия!

Э. Е. ЛЕБЕДЕВ,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды А. М. Ивановой

Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект / А. М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 308 с.

Сложноподчиненное предложение в современном чувашском языке: сравнительно-сопоставительный аспект / А. М. Иванова, Г. Н. Семенова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 120 с.

Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи / Э. В. Фомин, А. М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 408 с.

Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность / Э. В. Фомин, А. М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 140 с.

Повтор в лексической системе современного чувашского языка. Сравнительно-сопоставительное исследование / Г. Н. Семенова, А. М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 160 с.

Грамматический разбор в чувашском языке: учеб. пособие / А. М. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 152 с.

Сложноподчиненное предложение в чувашском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте: учеб. пособие / А. М. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 60 с.

Хуравё мёнле-ши? Кто знает ответ? Материалы муниципального этапа олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 1 / О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 100 с.

Хуравё мёнле-ши? Кто знает ответ? Материалы межрегиональной олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 2 / О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 148 с.

Хуравё мёнле-ши? Кто знает ответ? Материалы международной олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе: учеб. пособие: в 3 кн. Кн. 3 / О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 164 с.

Чувашская языковая терминология в контексте интерлингвистики: учеб. пособие / А. М. Иванова, И. О. Краевская, В. М. Лемская, Э. В. Фомин. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 208 с.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки представляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические

пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Рушинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется в алфавитном порядке!

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте ЧГИГН: <https://chgign.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2025
Том 1. № 1

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 28.03.2025.
Выход в свет 30.04.2025. Печать оперативная.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 13,65. Уч.-изд. л. 12,76. Тираж 200 экз. Заказ № К-80.
Цена свободная.

Учредитель:
БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1